

ВЕСТНИК МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

ОБРАЗОВАНИЕ • НАУКА • НОВАЯ ЭКОНОМИКА

Научный периодический журнал

ISSN 1996-7845

Периодичность выхода – 4 раза в год

Научный периодический журнал «Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика» издается Институтом международных организаций и международного сотрудничества НИУ ВШЭ с января 2006 г. С 2009 г. публикуется ежеквартально. Каждый номер журнала является тематическим. Включен в перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук (рекомендован по следующему научным специальностям: 23.00.00 Политология, 08.00.00 Экономические науки, 13.00.00 Педагогические науки).

Миссия журнала – распространение российских и зарубежных исследований в области глобального управления, международного сотрудничества, по различным направлениям социально-экономической политики, в том числе образования, науки, новой экономики; а также создание профессиональной площадки для обсуждения тенденций и прогнозов в этих сферах.

Вестник международных организаций публикует статьи и аналитические материалы российских и зарубежных авторов о деятельности многосторонних международных институтов, прежде всего «Группы восьми», «Группы двадцати», БРИКС, ОЭСР, Всемирного банка, МВФ, ВТО, ООН, и интеграционных объединений, в первую очередь Европейского союза, Евразийского экономического союза, Шанхайской организации сотрудничества и др.

Журнал рассчитан на исследователей, аналитиков, практиков в области международных отношений и мировой экономики, а также на широкий круг читателей, интересующихся политическими проблемами международных отношений и глобального развития.

Позиция редакции не обязательно совпадает с мнением авторов.

Авторские права на публикуемые материалы принадлежат редакции журнала и авторам статей. Перепечатка материалов без разрешения редакции запрещена. При использовании материалов ссылка обязательна.

Подписка

Подписка на журнал «Вестник международных организаций» осуществляется во всех почтовых отделениях связи:

Каталог Агентства «Роспечать» <http://www.rosp.ru/>.

Подписной индекс: **20054**

Розничная продажа

В Университетском книжном магазине «БукВышка»

Адрес: г. Москва, ул. Мясницкая, 20

Телефон: +7 (495) 621-49-66, 628-29-60

Научный руководитель Я.И. Кузьминов
(НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

Главный редактор М.В. Ларионова
(НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

Заместитель главного редактора О.В. Перфильева
(НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

Ответственный секретарь И.В. Лазутина
(НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Э. Бейкер (Королевский университет Белфаста, Великобритания)

Св. Бископ (Королевский институт международных отношений «Эгмонт», Бельгия)

Ю.А. Борко (Институт Европы РАН, Российская Федерация)

Р. Вагенаар (Университет Гренингена, Нидерланды)

Я. Ваутерс (Лёвенский католический университет, Бельгия)

Л.М. Гохберг (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

Дж.Дж. Киртон (Университет Торонто, Канада)

А.В. Кортюнов (Российский совет по международным делам, Российская Федерация)

Л.Л. Любимов (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

Дж. Найт (Университет Торонто, Канада)

Т.Г. Пархалина (Институт научной информации по общественным наукам РАН, Российская Федерация)

А.В. Соколов (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

И.Д. Фрумин (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

П. Хайнал (Университет Торонто, Канада)

В.Д. Шадриков (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

Л.И. Яковсон (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

А.А. Яковлев (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

РЕДАКЦИЯ

Выпускающий редактор А.В. Заиченко

Компьютерная верстка Ю.Н. Петрина

Художник А.М. Павлов

Адрес редакции

115054, Москва, Малая Пионерская, 12

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

Телефон: +7 (495) 772-95-90 *23147 и *23149

E-mail: iori@hse.ru

Web: <http://ioij.hse.ru/>

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, регистрационный номер ПИ № ФС 77 – 59804 от 07.11.2014

Учредитель

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

Тираж 500 экз.

© Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», 2016

INTERNATIONAL ORGANISATIONS RESEARCH JOURNAL

EDUCATION • SCIENCE • NEW ECONOMY

Quarterly Journal

ISSN 1996-7845

International Organisations Research Journal (IORJ) is published by the International Organisations Research Institute (IORI) of the National Research University Higher School of Economics since January 2006. It is published quarterly since 2009. Generally, each issue is dedicated to one theme. The Journal is on the list of reviewed scholarly journals approved by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of Russia for publishing key research findings of PhD and doctoral dissertations. The journal's main themes are: global governance and international affairs, world economy, international cooperation in education, science and innovation.

The journal's mission is to disseminate the findings of research on global governance, international cooperation on a wide range of social and economic policies, including in the sphere of education, science and new economics, as well as creating a professional framework for discussion of trends and prognoses in these areas.

International Organisations Research Journal publishes academic and analytical papers by Russian and international authors on activities of international multilateral institutions: G8, G20, BRICS, OECD, the World Bank, IMF, WTO, UN, and alliances including the European Union, Eurasian Economic Union, Shanghai Cooperation Organisation and others.

The journal is aimed at researchers, analysts, practitioners in international affairs and world economics and at a wide audience interested in political issues of international affairs and global development.

The editorial position does not necessarily reflect the authors views.

Copyrights are owned by authors and editorial office. The reproduction of materials without permission of the editorial office is prohibited. The reference to the materials is obligatory.

Subscription

To subscribe to the International Organisations Research Journal contact postal department:

Rospechat⁷. <http://www.rosp.ru/>.

Subscription index: **20054**

Sale

To purchase the International Organisations Research Journal contact specialized bookshop of the Higher School of Economics Publishing House.

1/20, Myasnitskaya, Moscow, Russian Federation

Tel: +7 (495) 621-49-66, 628-29-60

Yaroslav Kuzminov, *Scientific Advisor*, Rector, HSE, Russian Federation

Marina Larionova, *Editor-in-Chief*, Director, IORI, HSE, Russian Federation

Olga Perfilieva, *Deputy Editor-in-Chief*, HSE, Russian Federation

Irina Lazutina, *Executive secretary*, HSE, Russian Federation

EDITORIAL COUNCIL

Andrew Baker (Queen's University of Belfast, United Kingdom)

Alexander Sokolov (National Research University Higher School of Economics, Russian Federation)

Andrei Kortunov (Russian International Affairs Council, Russian Federation)

Andrei Yakovlev (National Research University Higher School of Economics, Russian Federation)

Jan Wouters (KU Leuven, Belgium)

Isac Frumin (National Research University Higher School of Economics, Russian Federation)

Jane Knight (University of Toronto, Canada)

John Kirton (University of Toronto, Canada)

Leonid Gokhberg (National Research University Higher School of Economics, Russian Federation)

Lev Lubimov (National Research University Higher School of Economics, Russian Federation)

Lev Yakobson (National Research University Higher School of Economics, Russian Federation)

Peter Hajnal (University of Toronto, Canada)

Robert Wagenaar (University of Groningen, Netherlands)

Sven Biscop (Egmont – The Royal Institute for International Relations, Belgium)

Tatiana Parkhalina (Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Science, Russian Federation)

Vladimir Shadrikov (National Research University Higher School of Economics, Russian Federation)

Yuri Borko (Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation)

EDITORIAL STAFF

Executive editor – Anna Zaichenko

Pre-Press – Yulia Petrina

Designer – Andrey Pavlov

Address

National Research University Higher School of Economics

12, Malaya Pionerskaya street, Moscow, Russia 115054

Tel: +7(495)772-95-90 *23147 and *23149

E-mail: iori@hse.ru

Web: <http://iorj.hse.ru/>

Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (ROSKOMNADZOR)

Reg.No. ПИ № ФС 77 – 59804 от 07.11.2014

Publisher

National Research University Higher School of Economics

500 copies

© National Research University
Higher School of Economics, 2016

Содержание

Потенциал и ограничения новых механизмов коллективного сотрудничества

И.В. Андропова

Евразийский экономический союз: потенциал и ограничения
для регионального и глобального лидерства7

Т.В. Бордачев, А.В. Казакова, А.С. Скриба

Институты для мира в Евразии24

И.А. Макаров, А.К. Соколова

Сопряжение евразийской интеграции и Экономического пояса Шелкового пути:
возможности для России40

М.В. Братерский

Изоляционизм против геополитики: двойственная роль Евразийского союза
в системе глобального управления58

Т.Г. Чин, Б.И. Диас

Возвышение Бразилии в системе регионального и глобального управления:
от новых идей к новым институтам.....71

Г.Д. Толорая, Р.С. Чуков

Рассчитывать ли на БРИКС?97

М.В. Ларионова

Российское председательство в БРИКС: модели взаимодействия
с международными институтами113

Методология исследований

А.М. Анисимов, А.А. Попова

Структурно-топологический анализ взаимодействия акторов мирохозяйственной системы:
на примере исследования интеграции стран ЕС и ЕАЭС140

Обзоры и рецензии

Подъем поворотом

Рецензия на книгу «Поворот на Восток: Развитие Сибири и Дальнего Востока
в условиях усиления азиатского вектора внешней политики России»
(отв. ред. И.А.Макаров, подготовлена И.Е. Денисовым)160

Content

New Mechanisms for International Cooperation: Opportunities and Challenges

I. Andronova
Eurasian Economic Union: Opportunities and Barriers to Regional and Global Leadership.....7

T. Bordachev, A. Kazakova, A. Skriba
Institutions for a Peaceful Eurasia24

I. Makarov, A. Sokolova
The Eurasian Economic Union and the Silk Road Economic Belt:
Opportunities for Russia 40

M. Bratersky
Isolationism versus Geopolitics: The Dual Role of the Eurasian Economic Union
in Global Governance..... 58

G.T. Chin, I.B. Diaz
Brazil in Regional and Global Governance: Foreign Policy, Leadership and UNASUR..... 71

G. Toloraya, R. Chukov
BRICS to Be Considered?97

M. Larionova
Russia's 2015 BRICS Presidency: Models of Engagement with International Organizations 113

Research Methodology

A. Anisimov, A. Popova
A Structural-Topological Analysis of the Relationship between Actors
of Multiple Connections: Intercommunication between the European Union
and the Eurasian Economic Union 140

Article and Book Reviews

The Rise through the Turn
The review of the book "Turn to the East. Development of Siberia and Russian Far East
in Conditions of Strengthening Asian Vector in Russian Foreign Policy"
(ed. I.A. Makarov), prepared by I. Denisov 160

Потенциал и ограничения новых механизмов коллективного сотрудничества

Евразийский экономический союз: потенциал и ограничения для регионального и глобального лидерства¹

И.В. Андропова

Андропова Инна Витальевна — д.э.н., доцент кафедры международных экономических отношений Российского университета дружбы народов; Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6; E-mail: aiv1207@mail.ru

Евразийский экономический союз — новая интеграционная группировка на постсоветском пространстве — вызывает повышенный интерес как субъект мирового хозяйства, потенциально способный стать новым региональным и мировым игроком. В статье представлен анализ эффективности евразийских интеграционных процессов и предложен ряд мер по укреплению экономических связей между странами — участницами ЕАЭС через выявление и создание общих экономических интересов.

В статье отмечается, что геоэкономический потенциал ЕАЭС высок, и хотя значительная его часть (80–87%) приходится на Россию, что еще раз подчеркивает роль страны как интеграционного ядра, выгоды от ЕАЭС распределяются между странами-участницами неравномерно. При этом они носят несистемный и недолгосрочный характер, что в конечном итоге при изменении конъюнктуры международных экономических отношений может стать угрозой существованию ЕАЭС.

Анализ экономической взаимосвязи и взаимозависимости национальных экономик через анализ взаимной торговли товарами и услугами и инвестиционного сотрудничества показывает, что степень интеграции экономик не отвечает интересам укрепления евразийской интеграции. Период активного функционирования Таможенного союза показал, что, несмотря на существенные льготы, которые приобрели страны, товарооборот между ними не вырос, на структуру производственных и кооперационных связей не повлиял. В качестве мер по укреплению ЕАЭС в статье предложено пойти по пути разработки и реализации единой промышленной и сельскохозяйственной политики, а также предложен вариант оценки результатов этих политик.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз, экономическая эффективность, интеграционная группировка, экономический потенциал ЕАЭС, внутрирегиональная торговля, инвестиционное сотрудничество, единая промышленная политика, единая сельскохозяйственная политика

Введение

XXI в., характеризующийся углублением взаимосвязей и взаимозависимости национальных экономик, вопреки ожиданиям не трансформировал мировое хозяйство

¹ Материал поступил в редакцию в феврале 2016 г.

в единый целостный бесконфликтный механизм. Напротив, усложнение связей, изменение моделей развития отдельных государств предопределили процесс становления нового многополярного мирового устройства, основанного на усилении экономической мощи ряда стран, прежде всего БРИКС и некоторых других. Эти процессы спровоцировали обострение конкуренции между странами за ограниченные ресурсы, рынки сбыта и т.д.

Одним из механизмов реализации национальных интересов ключевых мировых игроков стало образование интеграционных группировок. Россия в этих условиях также выбрала путь разноростной интеграции. Однако успехи на этом пути в настоящее время более чем скромные. Содружество Независимых Государств, существующее почти 25 лет, пока так и не стало полноценной зоной свободной торговли. Самым продвинутым интеграционным объединением на постсоветском пространстве является Евразийский экономический союз (ЕАЭС).

Сможет ли ЕАЭС стать устойчивой интеграционной группировкой и эффективно представлять интересы стран-участниц на мировой арене, стать центром притяжения для соседних стран, прежде всего стран постсоветского пространства, зависит от того, насколько эффективным будет экономическое развитие нынешних стран-членов, насколько процессы евразийской интеграции повлияют на решение их внутренних экономических проблем и укрепят экономические связи внутри ЕАЭС.

Потенциал ЕАЭС

Потенциально ЕАЭС – очень мощный экономический, геополитический и идеологический проект.

С точки зрения экономики ЕАЭС объединяет пять государств с общей численностью населения 182,5 млн человек, на его территории, которая составляет 14% суши, сосредоточена пятая часть мировых запасов газа, 15% нефти и запасы практически всех элементов таблицы Менделеева.

ЕАЭС занимает ведущие места в мире: по добыче нефти – 1-е место в мире; добыче газа – 2-е место, добыче угля – 6-е; выработке электроэнергии – 4-е место; по производству стали – 5-е место; производству минеральных удобрений – 2-е место; производству чугуна – 2-е место; по сбору зерновых и зернобобовых – 5-е место; 3-е место по производству картофеля и пшеницы; по производству молока – 3-е место, 4-е по производству мяса и т.д. Суммарный ВВП стран составляет порядка 2,2 трлн долл. (около 85% ВВП всех стран СНГ). В целом ЕАЭС занимает 6-е место в мире по объему промышленного производства². При этом важно, что на Россию приходится 80–87% всего экономического потенциала стран – членов Евразийского союза³.

Важнейшее геостратегическое положение ЕАЭС делает его потенциально важнейшим транзитным транспортным узлом, соединяющим Европу и Азию. ЕАЭС занимает второе место в мире по протяженности железнодорожного полотна и пятое – по общей протяженности автомобильных дорог [Быстряков, 2012].

Но одним из важнейших преимуществ, которым обладает ЕАЭС и которого нет больше ни у одной интеграционной группировки в мире, является общая история

² Экономический потенциал // Евразийская экономическая политика. Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org/ru/Pages/ses.aspx> (дата обращения: 12.05.2016).

³ Медведева Т. Руслан Гринберг: «Никаких либералов нет» // Портал Культура. 2016. 14 января. Режим доступа: <http://portal-kultura.ru/articles/ekonomika/126878-ruslan-grinberg-nikakikh-liberalov-net> (дата обращения: 12.05.2016).

и опыт совместного ведения хозяйственной деятельности. Единый промышленный, транспортный, энергетический комплексы еще в начале 1990-х годов стали движущими силами процесса возобновления конструктивного диалога между новыми независимыми странами, перехода от взаимных упреков и обвинений к экономическому сотрудничеству. Отсутствие языкового барьера, общая история и понимание национальных культур – все это сейчас является важным фактором и одновременно движущей силой евразийских интеграционных процессов [Буторина, Захаров, 2015].

Таким образом, ЕАЭС – это совокупность государств, объединенных историческим прошлым и экономическими связями. Потенциал нового интеграционного объединения уникален. Вопрос заключается в том, каким образом странам-членам удастся воспользоваться этим потенциалом для укрепления ЕАЭС и выведения его на уровень регионального и глобального лидера.

Мировой опыт показывает, что устойчивость интеграционного объединения находится в прямой зависимости от экономической составляющей, т.е. от положительного экономического эффекта, который получает каждая страна-член.

Экономический эффект евразийской интеграции для стран-участниц

Выгоды от ЕАЭС распределяются между его участниками весьма неравномерно. Хотя пока трудно привести точные расчеты, но, по нашему мнению, проект ЕАЭС в большей мере приносит экономические выгоды партнерам России. Так, только за подписание договора о создании ЕАЭС Российская Федерация перевела Белоруссии порядка 6,5 млрд долл. Эта сумма сложилась из кредита в 2,5 млрд долл. и из 3,5–4 млрд долл. невозврата пошлин от продажи нефтепродуктов, произведенных из российской нефти.

Система распределения поступлений от ввозных таможенных пошлин на территорию ЕАЭС также приносит нашим партнерам серьезные дивиденды.

Во-первых, как видно из табл. 1, после приема новых стран-членов в ЕАЭС перераспределение ввозных пошлин произошло фактически за счет России.

Таблица 1. Система распределения ввозных пошлин в ЕАЭС

Страна	Первоначальное распределение ввозных пошлин, %	Распределение ввозных пошлин после вступления Армении и Киргизии	Процент перераспределения ввозных пошлин
Россия	85,9	85,32	–2,65
Белоруссия	4,7	4,56	–0,14
Казахстан	7,33	7,11	–0,22
Армения		1,11	–
Киргизия		1,9	–

Источник: составлено автором по Договору о Евразийском экономическом союзе⁴.

⁴ Текст Договора о Евразийском экономическом союзе // Министерство экономического развития Российской Федерации. Официальный сайт. Режим доступа: <http://economy.gov.ru/minrec/about/structure/depSNG/agreement-eurasian-economic-union> (дата обращения: 12.05.2016).

Во-вторых, переориентация экспортных потоков привела к тому, что союзники России по ЕАЭС получают суммы, в разы превышающие те, которые бы они получали вне Таможенного союза.

Замещение российских транспортных маршрутов, идущих из Китая через российский Дальний Восток в Европу, казахстанскими вследствие относительной легкости прохождения таможенной границы Казахстана и дешевизны автомобильной перевозки грузов только в первые шесть месяцев 2015 г., согласно статистике Казахстана, увеличило поступления от транзита и сам грузопоток через территорию страны в четыре раза, а за последние пять лет транзитный объем перевозок по маршруту Китай – Евросоюз вырос в 17 раз⁵. Все это привело к огромным потерям российских логистических компаний и перевозчиков и стало причиной открытого письма на имя президента России, председателя правительства, руководства Федеральной таможенной службы Российской Федерации от лица российских участников внешнеэкономической деятельности. Казахстан, в свою очередь, поставил себе в качестве стратегической цели создание транспортно-логистического хаба. 28 ноября 2015 г. Казахстан, Турция, Китай, Азербайджан и Грузия учредили консорциум по транспортировке грузов из Китая в Европу в обход России. В рамках этого проекта в течение 2016 г. запланировано транспортировать через территорию Грузии первые несколько тысяч контейнеров из Китая в направлении Турции и Европы. Стороны также планируют начать в 2016 г. перевозку грузов через Украину в Северную и Восточную Европу. Киргизия благодаря этому становится важнейшим региональным транзитным государством. Большие объемы реэкспортных торговых потоков проходят в основном через крупнейшие рынки Центральной Азии «Дордой» и «Карасуу».

Серьезные дивиденды приносит российским партнерам увеличение потока контрабандного груза в связи со сложностью определения страны происхождения технически несложных товаров (сельского хозяйства, текстильной отрасли и ряда других отраслей). Реально оценить объемы присутствия таких товаров на рынке Таможенного союза чрезвычайно сложно, но некоторые эксперты приводят следующие цифры: главным поставщиком таких товаров является Китай, на него приходится 34% всех подобных товаров, на втором месте – Германия (7,3%), а на третьем – Италия (5,7%)⁶.

Антироссийские санкции также принесли немалую выгоду партнерам России по ЕАЭС. Например, по подсчетам экспертов, за последний год белорусский продуктовый экспорт вырос до 2,3 млрд долл. Только с января по сентябрь 2015 г. увеличение количественных показателей белорусского экспорта составило: по фруктам и орехам – 463,0 тыс. тонн (в 2,4 раза); по овощам – 172,4 тыс. тонн (на 72,4%); по молочной продукции – 80,5 тыс. тонн (на 11,4%); по мясу и пищевым мясным продуктам – 7 тыс. тонн (на 3,7%); рыбе и ракообразным, моллюскам – 5,8 тыс. тонн (на 49,1%); живым животным – 962 тонны (в 4 раза)⁷. Очевидно, что такое увеличение не могло произойти за счет прироста собственных производственных мощностей. С 1 января 2016 г. Россия ввела продовольственное эмбарго в отношении Украины. Характерно, что после опубликования этой новости власти Белоруссии заявили, что готовы восполнить нишу,

⁵ В 17 раз за пять лет вырос объем ж/д перевозок по маршруту Китай – Евросоюз // ИА REGNUM. 2015. 19 октября. Режим доступа: <http://regnum.ru/news/economy/1994235.html> (дата обращения: 12.05.2016).

⁶ Итоги внешней торговли государств – членов Таможенного союза // Провед. 2013. 22 июня. Режим доступа: <http://провед.рф/analysis/4440-itogi-vt-ts.html> (дата обращения: 12.05.2016).

⁷ О внешней торговле Республики Беларусь с Российской Федерацией // Министерство экономического развития Российской Федерации. Официальный сайт. Режим доступа: http://www.ved.gov.ru/exportcountries/by/by_ru_relations/by_ru_trade/ (дата обращения: 12.05.2016).

образовавшуюся на российском рынке. Совершенно очевидно, что собственного производства для этого не хватит.

При наличии свободного движения капитала и сохраняющихся различий в условиях ведения бизнеса в странах ЕАЭС (табл. 2) начался процесс переноса российскими компаниями, прежде всего из центральных регионов России и Сибири, своей производственной и хозяйственной деятельности в Казахстан. Только в 2010 – начале 2011 г. более 400 российских предприятий малого и среднего бизнеса перевели свой бизнес в Казахстан.

Таблица 2. Максимальные ставки налогов в Белоруссии, Казахстане и России, %

Страна	Налог на прибыль	Налог на добавленную стоимость	Налог на доходы физических лиц	Страховые взносы
Белоруссия	18	20	12	29
Казахстан	15	12	10	11
Россия	20	18	13	30
Армения	5 (2% для экспортеров)	16,67	13	5
Киргизия	10	12	17	–

Источник: составлено автором по данным налоговых ведомств соответствующих стран⁸.

Разница в налогообложении в скором времени может способствовать началу переноса российских компаний в Армению. Надо отметить, что в договоре о Евразийском экономическом союзе есть обязательства стран-членов только по гармонизации акцизов по ключевым товарам – алкогольной и табачной продукции, а обязательств по ставкам налогов нет. Это вопрос уровня национальной компетенции. Очевидно, что он требует решения.

Разница в условиях ведения бизнеса (табл. 3), условия функционирования общего рынка и инвестиционная политика привлечения прямых иностранных инвестиций через создание свободных экономических зон (СЭЗ) превращают Казахстан и Белоруссию в промышленные площадки Китая для российского рынка.

Таблица 3. Сравнение условий ведения бизнеса в странах ЕАЭС

Условия ведения бизнеса	Россия	Белоруссия	Казахстан	Армения	Киргизия
Общий рейтинг	51	44	41	35	67
Обеспечение исполнения контрактов	5	29	9	28	137
Регистрация собственности	8	7	21	14	6
Получение кредитов	42	109	70	42	28
Защита инвесторов	66	57	25	49	36

⁸ Государственная налоговая служба Кыргызской Республики <www.sti.gov.kg>; Федеральная налоговая служба России <www.nalog.ru>; Налоговая служба Республики Армения <www.taxservice.am>; Министерство по налогам и сборам Республики Беларусь <<http://www.nalog.gov.by/ru/>>; Комитет государственных доходов Министерства финансов Республики Казахстан <<http://kgd.gov.kz/ru>>.

Окончание табл. 3

Условия ведения бизнеса	Россия	Белоруссия	Казахстан	Армения	Киргизия
Разрешение неплатежеспособности	51	69	47	71	126
Налогообложение	47	63	18	41	138
Регистрация предприятий	41	12	21	5	35
Международная торговля	170	25	122	29	83
Получение разрешения на строительство	119	34	92	62	20
Подключение к системе электроснабжения	29	89	71	99	160

Источник: составлено по данным Всемирного банка (Doing business)⁹.

В ноябре 2011 г. для углубления и развития отношений с Китаем президент Казахстана подписал Указ о создании свободной экономической зоны «Хоргос – Восточные ворота» (Хоргос). СЭЗ располагается на территории двух государств. Общая площадь Хоргоса составляет 528 га, из них 185 га находится на территории Казахстана и 343 га – в Китае. Согласно плану, экономическая зона будет включать: сеть торгово-выставочных комплексов и площадку для переговоров; сухой порт – транспортно-логистический комплекс; индустриальную зону – комплекс промышленных предприятий; жилую зону; территорию вспомогательной инфраструктуры и перспективного развития. Кроме того, на территории Хоргоса предусмотрен безвизовый режим пребывания для граждан Китая, Казахстана и третьих стран. Согласно проекту, 80% производимой в рамках СЭЗ продукции будет отправляться на экспорт, т.е. российский и европейский рынок.

Указом президента Белоруссии № 253 от 5 июля 2012 г. был создан китайско-белорусский индустриальный парк, официальной целью которого является создание высокотехнологичных экспортоориентированных производств. Индустриальный парк создан в форме зоны свободной торговли с льготным налогообложением. Парк находится в 15 км от Минска, занимает 8048 га и имеет готовую транспортную и инженерную инфраструктуру. Земельные участки на территории парка инвестор может получить в пользование сроком до 99 лет или приобрести в частную собственность. В целом условия очень привлекательные и российские инвесторы потенциально тоже могут ими воспользоваться, но есть одно «но»: управление Парком осуществляют совместно Белоруссия и Китай. Характерно при этом распределение долей в уставном капитале управляющей компании: 30% принадлежит Минскому областному исполнительному комитету; 10% – холдингу «Горизонт» – крупнейшему производителю промышленной продукции в Белоруссии; 60% – ОАО «Китайская корпорация инжиниринга САМС», специализирующейся на реализации международных инвестиционных проектов «под ключ» и привлечении инвесторов. При этом ОАО «Китайская корпорация инжиниринга САМС» входит в группу компаний China National Machinery Industry Corporation (SINOMACH). SINOMACH Group – огромный холдинг, состоящий из 28 компаний, входит в список 500 крупнейших корпораций в мире. Естественно, что первыми резидентами парка уже стали китайская компания ZTE – крупнейший производитель телекоммуникационного оборудования и мобильных телефонов – и корпорация Zhejiang

⁹ Благоприятность условий ведения бизнеса // DOING BUSINESS. Группа Всемирного банка. Режим доступа: <http://russian.doingbusiness.org/data/exploreconomies/russia/> (дата обращения: 12.05.2016).

Geely Holding Group – крупнейший китайский автопроизводитель, чья основная задача – расширение своего присутствия на российском рынке.

Не справляется Российская Федерация с таким новым явлением, как применение российскими участниками внешнеэкономической деятельности схем фиктивного импорта и незаконного вывоза капитала. Суть в том, что в условиях отсутствия между странами таможенного контроля российские компании стали заключать фиктивные контракты на покупку какого-либо товара с компаниями Казахстана или Белоруссии, которые выступают как агенты компаний третьих стран. В итоге нет возможности отследить реальное прохождение товара, а оплата товара ведется российскими компаниями напрямую в третьи страны. Таким образом, старая проблема бегства капитала из страны получила еще одну плохо контролируруемую схему.

По данным Центрального банка Российской Федерации, при помощи схем фиктивного импорта в 2012 г. из России через белорусские фирмы было выведено порядка 15 млрд долл. и еще порядка 10 млрд долл. через казахстанские компании. Фактически масштабы фиктивных импортных операций сопоставимы с объемами подтвержденно-го импорта из Казахстана и Белоруссии в Россию.

Бегство капитала из России – проблема отнюдь не новая, но есть все шансы, что вскоре она еще сильнее усугубится. 5 ноября 2015 г. в Казахстане принят Конституционный закон «О международном финансовом центре «Астана» (МФЦА). Уже с 2018 г. в стране начнет действовать Международный финансовый центр. Резиденты МФЦА освобождаются на 50 лет от налогов, на два года им предоставляются бесплатные офисы класса «А», безвизовый режим на пять лет, а их интересы будут защищать иностранные судьи на основе англосаксонского права. Весь документооборот будет вестись на английском языке. Подобный центр формируется впервые на постсоветском пространстве – по сути, своим налоговым режимом МФЦА будет похож на офшор. А в условиях свободного движения капитала внутри ЕАЭС можно сказать, что создается еще один потенциальный канал вывода денег.

Таким образом, в настоящее время Евразийский экономический союз, исходя из тех затрат, которые несет Российская Федерация, и плюсов, которые получает, – это проект геополитический. Основная задача, на наш взгляд, сегодня заключается в том, чтобы перевести этот проект в плоскость экономических интересов и усиления взаимосвязи между экономиками, поскольку экономические выгоды, которые принесло нашим партнером создание ЕАЭС, носят несистемный и недолгосрочный характер. Замедление темпов экономического роста России и финансовые трудности, которые, согласно прогнозам, будут только усугубляться, способны поменять вектор внешнеэкономической политики стран-членов. По оценкам экспертов, сегодня реальный сектор Казахстана имеет степень интегрированности с Россией не более 15%, с Белоруссией значительно меньше, тогда как с европейским и китайским капиталом – 70–80% [Глазьев, 2014]. Эти цифры не могут отвечать интересам евразийской интеграции. Поэтому основной задачей становится решение проблемы конфликта интересов, поиск механизма усиления и углубления взаимовыгодного сотрудничества, прежде всего в таких важнейших областях, как промышленность и сельское хозяйство, без которых невозможно полноценное существование стран – членов ЕАЭС. Без развития этих отраслей, в отсутствие сильных кооперационных связей, евразийских производственных цепочек, создание Таможенного союза и общего рынка между странами – членами ЕАЭС в основном направлено на обслуживание третьих стран. Чтобы не быть голословными, проведем анализ эффективности ЕАЭС.

Экономическая эффективность ЕАЭС

Одним из важнейших показателей развития интеграционных процессов является внутрирегиональная торговля. Заключая Соглашение о зоне свободной торговли, интегрирующиеся страны предполагают, что изменения условий торговли значительно скажутся на их социально-экономическом развитии. В более развитых интеграционных группировках, таких как ЕС, доля взаимной торговли имеет устойчивую тенденцию к росту и в настоящее время составляет порядка 65%, НАФТА — порядка 49%.

Эта позиция нашла отражение в Договоре о Евразийском экономическом союзе, где установлено, что для определения степени интеграции Евразийская экономическая комиссия должна использовать следующие показатели:

- 1) доля каждого государства-члена в общем объеме экспорта государства-члена (в %);
- 2) доля каждого государства-члена в общем объеме импорта государства-члена (в %);
- 3) доля каждого государства-члена в общем внешнеторговом обороте государства-члена (в %);
- 4) объем национальных инвестиций, направленных в экономику каждого государства-члена, в том числе прямых инвестиций (в долл. США);
- 5) объем инвестиций, поступивших в национальную экономику от каждого государства-члена, в том числе прямых инвестиций (в долл. США)¹⁰.

Таким образом, имея законодательно утвержденные показатели, мы можем провести оценку экономической эффективности интеграционных процессов в ЕАЭС.

Несмотря на то, что ЕАЭС только начал функционировать, тем не менее три его члена — Россия, Белоруссия и Казахстан — уже пять лет работают в условиях Таможенного союза. При этом доля стран ЕАЭС в товарообороте друг друга снизилась.

Доля стран Евразийского экономического союза в товарообороте Российской Федерации в 2014 г. составила 7,1%, в товарообороте Казахстана — около 18,4%, Армении — 23,8%. В Белоруссии на долю стран ЕАЭС приходится почти половина внешней торговли Белоруссии — 50,6%, но при этом в 2000 г. данные доли составляли: 7,7% — у России, 20,8% — у Казахстана, 58,6% — у Белоруссии, т.е. наблюдается явное снижение этого показателя. Причем взаимная торговля за январь — июль 2015 г. показала сокращение на 26,1%, в основном за счет спада в белорусско-российской (–28,1%) и казахстано-российской (–23,7%) торговле.

Доля России в экспорте и импорте Казахстана достаточно большая, но при этом имеет устойчивую тенденцию к сокращению. Если в 2000 г. доля России в экспорте Казахстана составляла 9,8%, то в 2014 г. уже 7,0%, тогда как доля стран ЕС в 2014 г. в экспорте составила 53,1%, а Китая — 17,3%. Это связано с тем, что Россия и Казахстан на 85–90% конкуренты на мировом рынке. Главный экспортный продукт у стран один — нефть и нефтепродукты, доля которого в экспорте Казахстана составляет почти 90%, России — более 70%. У Белоруссии углеводороды также составляют 32% экспорта.

Торговля между Казахстаном и Белоруссией в целом имеет минимальные значения. Доля Казахстана в экспорте Белоруссии в 2014 г. составляла 0,85%, а в импорте — 0,082%, в Армении 0,54 и 0,91% соответственно. Доля Белоруссии в товарообороте Казахстана около 0,06%, Армении — 0,3%.

¹⁰ Текст Договора о Евразийском экономическом союзе // Министерство экономического развития Российской Федерации. Официальный сайт. Режим доступа: <http://economy.gov.ru/mines/about/structure/depSNG/agreement-eurasian-economic-union> (дата обращения: 12.05.2016).

Ухудшается структура взаимной торговли стран ЕАЭС за счет значительного сокращения торговли машинами, оборудованием и транспортными средствами (на 40%), металлами и изделиями из них (на 30,7%).

Тем не менее Россия остается важнейшим экспортным направлением готовой продукции для стран ЕАЭС. На Россию приходится 62% экспорта машин и оборудования, произведенных на экспорт в Казахстане, и хотя доля этой статьи составляет всего 1,4% казахского экспорта, на наш взгляд, это очень важное связующее звено между странами. Казахстан поставляет в Россию, прежде всего, оборудование и механические устройства к ядерным реакторам; электрические машины и оборудование, их части; звукозаписывающую и звуковоспроизводящую аппаратуру, аппаратуру для записи и воспроизведения телевизионного изображения и звука, их части и принадлежности; железнодорожные локомотивы и моторные вагоны трамвая, подвижной состав и их части; путевое оборудование и устройства для железных дорог или трамвайных путей и их части; механическое (включая электромеханическое) сигнальное оборудование всех видов; средства наземного транспорта, кроме железнодорожного или трамвайного подвижного состава, т.е. промышленные товары высокой степени переработки. На Белоруссию приходится лишь 0,15% этой статьи. Но при этом более 60% всех необходимых машин и оборудования Казахстан закупает у стран дальнего зарубежья, на долю же России приходится чуть более 20%, Белоруссии – около 15%.

На Россию приходится 78% от всех грузовых автомобилей, произведенных на экспорт в Белоруссии (на Казахстан – 3,6%), 93,8% седельных тягачей и 52,7% тракторов (на Казахстан – 7,5%), 85,8% металлообрабатывающих станков, 75% всей сельскохозяйственной техники (на Казахстан – 11,5%), 65% частей и принадлежностей для автомобилей и тракторов (Казахстан – 2%), 66% – холодильников (Казахстан – 6%), 77,6% мебели (Казахстан – 10%), 93,5% обуви, 75,4% двигателей внутреннего сгорания, 88,2% произведенного на экспорт молока и сливок, 97% творога, сливок, мяса и т.д.¹¹

Надо отметить, что доля стран ЕС в белорусском товарообороте приближается к российской, но основу его (товарооборота) составляют сырая нефть и нефтепродукты – более 87% от всего экспорта, далее следуют растворители, разбавители, смазочные масла, сжиженный газ. Причем 96,3% сырой нефти и газового конденсата, а также 98,2% нефтепродуктов и 100% газа Белоруссия импортирует из России. Фактически треть белорусского экспорта – это реэкспорт российских ресурсов.

Для Армении Россия – это потребитель 87% всего произведенного на экспорт алкоголя; 96% молока и молочной продукции; 94% рыбы; 90% всех живых деревьев, кустарников, лукович и других частей растений; 85% орехов.

Россия, в свою очередь, поставляет на рынок Армении 83% от всей потребности страны в импортных злаках и 71% всего необходимого минерального топлива¹².

Из представленных данных видно, что российский рынок является главным потребителем продукции высокой степени переработки и добавленной стоимости для стран ЕАЭС. Проблема в том, что, несмотря на программы развития, принятые во всех странах, доля этой продукции в национальном экспорте стран, а также ее производство, либо остается на одном уровне, либо снижается.

¹¹ Внешняя торговля Республики Беларусь (январь – май 2015 г.) // Министерство экономического развития Российской Федерации. Официальный сайт. Режим доступа: http://www.ved.gov.ru/exporthcountries/by/about_by/ved_by/ (дата обращения: 12.05.2016).

¹² Внешнеэкономическая деятельность // Национальная статистическая служба Республики Армения. Режим доступа: <http://www.armstat.am/file/doc/99491328.pdf> (дата обращения: 12.05.2016).

Также обращает на себя внимание тот факт, что только Россия в рамках ЕАЭС обеспечивает высокий уровень участия в товарообороте стран-участниц. Развитие торговли товарами между странами ЕАЭС в парах Казахстан – Армения, Казахстан – Белоруссия, Белоруссия – Армения не отвечает интересам развития Евразийского экономического союза и требует принятия незамедлительных мер, которые в большей степени касаются не условий торговли, а проблем расширения товарной номенклатуры и диверсификации экономик. Вступление Казахстана в ВТО и потенциальное вступление Белоруссии представляют серьезную угрозу в части изменения условий функционирования Таможенного союза. Вступив в ВТО, Казахстан взял на себя обязательства снизить средневзвешенный таможенный тариф по торговле товарами до 6,5% с действующих 10,4% в рамках Единого таможенного тарифа (ЕТТ) ЕАЭС, для сельскохозяйственных товаров средний уровень таможенных пошлин составит 10,2% (против 17% в рамках ЕТТ), а для промышленных товаров – 5,6% (против 8,7% в рамках ЕТТ). По 3512 товарным позициям (автомобили, пищевые продукты, лесоматериалы, ювелирные изделия, провода, кабели, напитки и др.) у Казахстана будут изъятия из Единого таможенного тарифа ЕАЭС, т.е. по данным товарам ставки таможенной пошлины будут ниже ЕТТ [Андропова, Гусаков, 2014с].

Что касается развития торговли услугами, то это также важнейший элемент взаимной торговли стран ЕАЭС. Доля сектора услуг в экономике стран ЕАЭС составляет более половины внутреннего валового продукта: в Белоруссии – 44,8%, в Казахстане – 54,2%, в Российской Федерации – 59,7%, в Армении – 64%, в Киргизии – 61%.

Россия, Белоруссия и Казахстан имеют опыт работы в рамках Соглашения о торговле услугами и инвестициях в государствах – участниках Единого экономического пространства от 9 декабря 2010 г. В соответствии с данным соглашением страны взяли на себя обязательства по применению режима наибольшего благоприятствования и национального режима поставщикам услуг государств – членов ЕЭП. Однако данные обязательства были приняты странами не в полном объеме. Соглашение предусматривало ряд изъятий, срок действия по которым не был определен и часть которых носили дискриминационный характер, препятствуя развитию взаимной торговли услугами.

С 1 января 2015 г. вступило в силу Приложение № 16 Договора о ЕАЭС – «Протокол о торговле услугами, учреждении, деятельности и осуществлении инвестиций», который предусматривает создание единого рынка услуг.

В Договоре о Евразийском экономическом союзе дается следующее определение единого рынка услуг: это состояние рынка услуг в рамках конкретного сектора, в котором каждое государство-член предоставляет лицам другого государства-члена право, в том числе на следующее:

- поставку услуг без дополнительного учреждения в форме юридического лица;
- поставку услуг на основании разрешения на поставку услуг, полученного поставщиком услуг на территории своего государства-члена;
- признание профессиональной квалификации персонала поставщика.

В Договоре также зафиксировано стремление государств-членов к созданию и обеспечению функционирования Единого рынка услуг в максимальном количестве секторов услуг.

Создание единого рынка услуг проходит поэтапно. С 1 января 2015 г. уже введен в действие перечень из 43 секторов услуг, составляющий единый рынок. Это означает, что в 43 секторах предпринимателям из ЕАЭС предоставлен максимальный уровень свободы для поставки и получения услуг, отсутствует необходимость учреждения до-

полнительного юридического лица, кроме того, предприниматели получают право на взаимное признание лицензий, разрешений и квалификаций.

Однако из 43 секторов пока только в 22 действует принцип свободной торговли для трех государств-членов – России, Белоруссии и Казахстана (услуги в области сельского и лесного хозяйства, аренда машин и оборудования без оператора, услуги в области налогообложения, консультационные услуги по вопросам управления, услуги по созданию программного обеспечения, по обработке данных, услуги перевода и др.). В 15 секторах, таких как строительные услуги, услуги в инженерных областях, услуги складов и пакгаузов, техобслуживание и ремонт оборудования для автодорожного транспорта и др., режим свободной торговли действует только между Россией и Белоруссией. Также до 1 января 2016 г. режим свободной торговли в шести секторах (услуги в области оптовой и розничной торговли, франчайзинговые услуги, услуги гостиниц и общепита и др.) будет применяться только для Белоруссии и России.

Что касается новых стран-членов, Армении и Киргизии, то в настоящее время идет работа по согласованию условий их присоединения к Протоколу о торговле услугами.

Таким образом, подводить какие-либо итоги по торговле услугами в режиме свободной торговли пока рано. Можно лишь отметить, что доля внутрирегиональной торговли услугами в рамках ЕАЭС значительно уступает доле ЕС. Основными статьями торговли услугами стран ЕАЭС выступают: транспортные услуги, строительные, поездки и финансовые услуги. В силу своей значимости транспортные и финансовые услуги не вошли в Приложение № 16 «Протокол о торговле услугами, учреждении, деятельности и осуществлении инвестиций».

Работа по либерализации рынка транспортных услуг началась еще в 2001 г. в рамках ЕврАзЭС, когда был образован Совет по транспортной политике при Интеграционном комитете ЕврАзЭС и созданы четыре его вспомогательных органа. В 2008 г. была принята Концепция формирования Единого транспортного пространства Евразийского экономического сообщества, которая предусматривала: создание общего рынка транспортных услуг; создание единой транспортной системы; развитие системы логистических центров Сообщества. Тогда же, в 2008 г., была принята Стратегия создания и развития системы международных логистических центров ЕврАзЭС.

Все эти документы легли в основу скоординированной (согласованной) транспортной политики, предусмотренной Договором о Евразийском экономическом союзе. Несмотря на серьезную законодательную работу, за прошедшие почти 15 лет значительные достижения в области развития единого транспортного пространства достигнуты не были, за исключением созданной в 2013 г. Объединенной логистической компании. Более того, на этом рынке у России появился серьезный конкурент – Китай – со своим масштабным проектом Шелкового пути и практикой создания совместных свободных экономических зон с Казахстаном и Белоруссией.

Либерализация рынка финансовых услуг – еще более сложный процесс, чем либерализация рынка транспортных услуг. В Договоре о Евразийском экономическом союзе (раздел XVI «Регулирование финансовых рынков» и Приложение № 17 к нему) предусматриваются, в частности: гармонизация требований к регулированию и надзору в сфере финансовых рынков; осуществление деятельности по представлению финансовых услуг на всей территории ЕАЭС без дополнительного учреждения в форме юридического лица; административное сотрудничество между уполномоченными органами государств-членов, в том числе путем обмена информацией; взаимное признание лицензий в банковском, страховом секторе и секторе услуг на рынке ценных бумаг,

выданных уполномоченными органами одного государства-члена, на территориях других государств. К 2025 г. страны – члены Союза осуществят гармонизацию своего законодательства в сфере финансового рынка, а также примут решение о полномочиях и функциях наднационального органа по регулированию финансового рынка и создадут его с месторасположением в г. Алматы.

Таким образом, в рамках создания ЕАЭС взаимная торговля услугами имеет существенный потенциал для динамичного развития. Время покажет, как страны-члены смогут реализовать этот потенциал.

Что касается инвестиционного сотрудничества, то согласно принятому еще в 2010 г. Соглашению о торговле услугами и инвестициях, одной из важнейших задач при формировании единого экономического пространства является обеспечение свободного движения инвестиций. И хотя официальные данные показывают некоторый рост взаимных прямых инвестиций, их доля в валовом притоке незначительна. Так, если доля ЕС составляет в среднем 40–45% всех поступивших прямых инвестиций в Казахстан, США – 10,2%, Китая – 9,4%, то доля России не превышает 5,6%, доля Белоруссии – 0,7%, доля Армении и Киргизии – 0%.

Доля России в валовых прямых инвестициях в Белоруссию довольно высока, в 2013 г. она составила 52,47%, также высока и доля в валовом притоке всех инвестиций – 48,6%. При этом сотрудничества Белоруссии и Казахстана в инвестиционной сфере практически нет. Второе место по доле в инвестициях занимает ЕС.

Аналогичная ситуация складывается в Армении: доля России в накопленных инвестициях составляет 49,44%, в ПИИ – 55,79%. Доля ЕС в накопленных ПИИ не превышает 14%, Китая – 0,09%, доля Казахстана и Белоруссии – 0%.

При анализе притока прямых инвестиций не менее чем количественные показатели важны качественные [Кушлин, 2010]. Так, несмотря на относительно ЕС небольшую долю Китая на рынке ПИИ Казахстана, влияние последнего огромно. Связано это, прежде всего, с доминированием в ключевой для Казахстана нефтяной отрасли.

Можно с полным правом сделать вывод о том, что говорить об экономических успехах евразийской интеграции пока рано, скорее, можно говорить об успехах формирования правовой базы. Поэтому, на наш взгляд, основной задачей сегодня является укрепление экономических связей между странами – участницами ЕАЭС через выявление и создание общих экономических интересов, прежде всего в таких важнейших сферах, как промышленность и сельское хозяйство, а также через принятие и реализацию единой промышленной и сельскохозяйственной политики.

Предложения по укреплению и повышению экономической эффективности ЕАЭС

Анализ основных государственных документов, определяющих цели развития стран – членов ЕАЭС, показал, что цели и задачи у стран практически одинаковы.

Что касается промышленной политики, то согласно Договору о создании ЕАЭС «государства-члены самостоятельно разрабатывают, формируют и реализуют национальные промышленные политики». В рамках же ЕАЭС страны осуществляют согласованную промышленную политику. При этом, обращаем на это внимание, в программных документах отсутствует концепция промышленного развития, в которой были бы обозначены: сроки, этапы модернизации; предполагаемая структура экономики; источники инвестирования. То есть в целом документы носят декларативный характер.

Более того, пока промышленная политика и модернизация стран – участниц ЕАЭС идет исключительно за счет привлечения прямых иностранных инвестиций или заимствования технологий у третьих стран, что является моделью догоняющего развития, но никак не инновационного. Задача же единой промышленной политики, а также единой сельскохозяйственной, о которой речь пойдет ниже, – создать условия для ускоренного развития инновационных прорывных отраслей, для вхождения стран ЕАЭС в шестой технологический уклад. Это вопрос выживания, развития экономики, обеспечения безопасности и международного статуса на современном этапе развития мирового хозяйства.

Поэтому уже сейчас необходимо пойти по пути создания совместных научных центров коллективного использования дорогостоящего и уникального оборудования, создания крупных совместных предприятий и многонациональных транснациональных компаний, стратегической целью которых должно стать вхождение в рейтинг ТОП 500 крупнейших корпораций [Андропова, Гусаков, 2014б].

Несмотря на то, что это достаточно трудно, тем не менее история знает примеры успешного создания таких ТНК и крупных предприятий, которые вывели соответствующие отрасли своих стран на мировой уровень и позволили решить множество внутренних экономических проблем. Так начиналась европейская интеграция (Европейское объединение угля и стали, Airbus и т.д.).

Создавать многонациональные ТНК имеет смысл, прежде всего, в отраслях, которые обладают конкурентными преимуществами или значительным потенциалом. Такими прорывными секторами для стран ЕАЭС могут стать: тяжелое машиностроение, авиастроение, вертолетостроение, железнодорожное и энергетическое машиностроение, космическая отрасль, черная и цветная металлургия, коксохимия, удобрения и фармацевтика. В дальнейшем для выявления подобных направлений требуется серьезная работа, по сути, ревизия промышленного потенциала трех стран.

Для такой работы, а затем и работы по проведению и согласованию единой промышленной политики, включающей согласование размещения новых производств исходя из экономической эффективности, планов развития и нежелательности структурных искажений во внутренней конкуренции на территории ЕАЭС, необходимо создать координирующий орган наднационального регулирования и планирования единой промышленной политики – Министерство промышленности Евразийского экономического союза (Минпром ЕАЭС).

Далее оно должно определить комплекс перспективных мер и мероприятий, направленных на развитие данных компаний, обосновать источники финансирования, посредством которых планируется осуществлять создание компании, в случае создания совместного фонда определить место и долю каждой стороны.

Что касается развития сельского хозяйства, то надо отметить, что сельское хозяйство – это такой же стратегический ресурс, как нефть и газ. Производство в этой области ограничено наличием пригодных для сельского хозяйства земель и климатом. Борьба за этот стратегический ресурс ведется ничуть не меньшая, чем за энергоресурсы.

Мировой рынок сельскохозяйственной продукции – один из наиболее сложных и конфликтных рынков, правила игры на котором определяют ТНК. По отдельным видам продукции, таким как пшеница, кукуруза, кофе, транснациональные корпорации контролируют, согласно оценкам экспертов, до 90% его объемов, 80% рынка чая, 75% рынка бананов и т.д. Одна компания («Тайсон Фудс») регулирует практически пятую часть мирового объема мяса бройлеров, а пять корпораций («Каргилл», «Континен-

талгрейн», «Луи Дрейфус», «Бунге», «Андре-Гарнек») – почти 90% глобальной оптовой торговли зерном [Андропова, Гусаков, 2014а].

Мировой опыт доказал, что развитие сельского хозяйства как отрасли, развитие агротехнологий и технологий переработки возможно лишь в условиях крупных холдинговых объединений, не говоря уже о системе закупок и продаж на мировом рынке.

Теория подтвердилась практикой, сейчас на мировом рынке лидирующие позиции в экспорте продовольствия занимают США, Австралия и Новая Зеландия, ЕС, Канада, благодаря их мощнейшим аграрным ТНК.

Ни одна из стран – членов евразийской интеграции не имеет национальную компанию, по масштабам деятельности сопоставимую с западными ТНК. Хотя, и на это следует обратить внимание, страны – члены ЕАЭС обладают значительным потенциалом в области развития сельского хозяйства.

Например, Россия и Казахстан входят в десятку мировых лидеров по экспорту зерна. Доля России на мировом рынке пшеницы составляет 12%, ячменя – 14%. Показатели Казахстана скромнее, но объемы производства зерна в стране в разы превышают национальные потребности, при этом под посевы зерновых культур занято свыше 80% посевной площади, а производство зерна на душу населения в два раза выше, чем в России. У Белоруссии потенциал развития зерновой отрасли значительно слабее, но по показателю средней урожайности зерна страна занимает первое место среди стран ЕАЭС.

При координирующей роли Евразийской экономической комиссии государствами – основателями ЕАЭС реализуется согласованная (скоординированная), но не единая сельскохозяйственная политика. Поэтому важной задачей единой сельскохозяйственной политики должно стать создание крупных многонациональных агропромышленных холдингов и мощных трейдеров, т.е. компаний, которые будут заниматься продажами произведенной сельскохозяйственной продукции с максимальной выгодой для первичных производителей.

Оценку результатов единой промышленной и сельскохозяйственной политики необходимо проводить на постоянной основе. Одним из критериев результативности, на наш взгляд, может стать показатель развития совместного производства и выпуска – Валовой союзный продукт (ВСП), который бы давал детальное представление об экономической интеграции ЕАЭС.

Кроме ВСП, для оценки развития производственной кооперации в рамках ЕАЭС, по нашему мнению, необходим еще один показатель, который бы учитывал обмен частями, компонентами, исходными материалами и ресурсами, т.е. показатель развития внутриотраслевой торговли. В качестве такого показателя мы предлагаем использовать показатель, предложенный в 2011 г. ВТО, – «доля частей и компонентов в экспорте». Но этот показатель потребует более детального анализа. На сегодняшний день наибольшую долю во взаимной торговле стран ЕЭП составляют промежуточные товары – на них приходится около 70% экспорта товаров внутри ЕАЭС, однако значительную долю в них занимают топливо и смазочные материалы. Говорить о серьезной производственной кооперации в таких условиях достаточно сложно.

Таким образом, предложенный комплекс мер направлен на повышение устойчивости и жизнеспособности ЕАЭС. Реализуя на практике эти предложения, ЕАЭС, на наш взгляд, сможет претендовать на роль не только регионального, но и мирового лидера.

Литература

Андропова И.В., Гусаков Н.П. (2014а) Проблемы и перспективы принятия и реализации единой сельскохозяйственной политики странами Единого экономического пространства // Вестник Саратовского госагроуниверситета им. Н.И. Вавилова. № 12. С. 80–84.

Андропова И.В., Гусаков Н.П. (2014б) Единая промышленная политика: зарубежная практика и опыт для стран ЕЭП // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Экономика». № 12. С. 5–17.

Андропова И.В., Гусаков Н.П. (2014с) Проблемы развития интеграционных процессов в рамках Единого экономического пространства и новые угрозы экономической безопасности России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. № 25 (262). С. 23–30.

Буторина О.В., Захаров А.В. (2015) О научной основе Евразийского экономического союза // Евразийская интеграция. № 2. С. 52–68.

Быстряков А.Я. (2012) Развитие интеграции на постсоветском пространстве // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Экономика». № 4. С. 28–33.

Глазьев С.Ю. (2014) О внешних и внутренних угрозах экономической безопасности России в условиях американской агрессии: науч. доклад. С. 60. Режим доступа: http://spkurdyumov.ru/uploads//2014/12/glaziev_o-vneshnix-i-vnutrennix-ugrozhax-ekonomicheskoy-bezopasnosti-rossii.pdf (дата обращения: 12.05.2016).

Кушлин В.И. (2010) Долгосрочное прогнозирование и планирование экономического развития в условиях кризиса // Государственное регулирование экономики и повышение эффективности деятельности субъектов хозяйствования: сб. науч. ст. / 6-я Международная научно-практическая конференция. Минск, 22–23 апреля 2010 г.

Eurasian Economic Union: Opportunities and Barriers to Regional and Global Leadership

I. Andronova

Inna Andronova – PhD, Associate Professor, Department of International Economic Relations, Peoples' Friendship University of Russia; 6, Miklukho-Maklay St., 117198 Moscow, Russian Federation; E-mail: aiv1207@mail.ru

Abstract

The Eurasian Economic Union (EEU) is a new integration grouping in the post-Soviet space that is generating heightened interest as a global economy with the potential to become a new regional and global actor. This article analyzes the effectiveness of the Eurasian integration processes and proposes several actions to strengthen economic relations among EEU members through detecting and building common economic interests.

Russia accounts for as much as 87% of the EEU's geo-economic potential, which stresses the country's role as an integrative hub. The EEU benefits are thus unevenly distributed among its participants. Moreover, these benefits lack consistency and long-term orientation, which may threaten the EEU's existence if markets and international economic relations change.

This article analyses the interrelation and interdependency of national economies in terms of the mutual trade in goods and services and investment cooperation. It finds that the level of economic integration does not meet the interests of strengthening Eurasian integration. Despite the huge benefits of the Customs Union, trade volumes have not increased and the structure of manufacturing and cooperation ties remain unchanged. This article recommends that developing and implementing a common industrial and agricultural policy would strengthen the EEU, and proposes an approach to estimate the results of such a policy.

Key words: Eurasian Economic Union, integration, intra-regional trade, investment cooperation, common industrial policy, common agricultural policy

References

- Andronova I.V., Gusakov N.P. (2014a) Problemy i perspektivy prinjatija i realizacii edinoj sel'skohozjajstvennoj politiki stranami Edinogo jekonomicheskogo prostranstva [The Problems and Prospects of the Implementation of the Common Agricultural Policy on Common Economic Space]. *Vestnik Saratovskogo gosagrouniversiteta*, no 12, pp. 80–84. (In Russian.)
- Andronova I.V., Gusakov N.P. (2014b) Edinaja promyshlennaja politika: zarubezhnaja praktika i opyt dlja stran EJeP [United Industrial Policy: Foreign Practice and Experience to the Countries of Common Economic Space]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija «Jekonomika»*, no 12, pp. 5–17. (In Russian.)
- Andronova I.V., Gusakov N.P. (2014c) Problemy razvitija integracionnyh processov v ramkah Edinogo jekonomicheskogo prostranstva i novye ugrozy jekonomicheskoi bezopasnosti Rossii [The Problems of the Integration Process on Common Economic Space and the New Threats of Russia's Economic Security]. *Nacional'nye interesy: prioritety i bezopasnost*, no 25(262), pp. 23–30. (In Russian.)
- Butorina O.V., Zaharov A.V. (2015) O nauchnoj osnove Evrazijskogo jekonomicheskogo sojuza [About the Scientific Basis of the Eurasian Economic Union]. *EvrAzijskaja integracija*, no 2, pp. 52–68. (In Russian.)
- Bystrjakov A.J. (2012) Razvitie integracii na postsovetkom prostranstve [The Development of the Integration in the Post-Soviet Space]. *Vestnik RUDN. Serija «Jekonomika»*, no 4, pp. 28–33. (In Russian.)

Glaz'ev S.Ju. (2014) *O vneshnih i vnutrennih ugrozah jekonomicheskoj bezopasnosti Rossii v uslovijah amerikanskoj agresii* [About the external and the internal threats of Russia's economic security in terms of US aggression]. Available at: http://spkurdyumov.ru/uploads//2014/12/glaziev_o-vneshnix-i-vnutrennix-ugrozax-ekonomicheskoj-bezopasnosti-rossii.pdf (accessed 12 May 2016). (In Russian.)

Kushlin V.I. (2010) Dolgosrochnoe prognozirovanie i planirovanie jekonomicheskogo razvitija v uslovijah krizisa [Long-term forecasting and planning of economic development in the conditions of crisis]. *Gosudarstvennoe regulirovanie jekonomiki i povyshenie jeffektivnosti dejatel'nosti subjektov hozjajstvovanija*. 6-ja mezhdunarodnaja nauchno-prakticheskaja konferencija, Minsk, 22–23 aprelja 2010 goda. (In Russian.)

Институты для мира в Евразии¹

Т.В. Бордачев, А.В. Казакова, А.С. Скриба

Бордачев Тимофей Вячеславович – к.полит.н., директор Центра комплексных европейских и международных исследований; доцент Департамента международных отношений, Факультет мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ); Российская Федерация, 101000 Москва, ул. Мясницкая, 20; E-mail: tbordachev@hse.ru

Казакова Анастасия Валерьевна – стажер-исследователь Центра комплексных европейских и международных исследований НИУ ВШЭ; студентка магистерской программы «Международные отношения: европейские исследования», Факультет мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ; Российская Федерация, 101000, Москва, ул. Мясницкая, 20; E-mail: akazakova@hse.ru

Скриба Андрей Сергеевич – к.полит.н., научный сотрудник Центра комплексных европейских и международных исследований, преподаватель Департамента международных отношений, Факультет мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ; Российская Федерация, 101000, Москва, ул. Мясницкая, 20; E-mail: askriba@hse.ru

Сопряжение евразийской интеграции и Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП) служит эффективным инструментом естественной взаимодополняемости российских и китайских усилий по стабилизации важнейшей для обеих держав Центральной Евразии, а также окончательно развенчивает миф о том, что предлагаемые Россией и Китаем проекты углубленного регионального сотрудничества имеют принципиально разную природу и, соответственно, элементы конкуренции между ними не могут иметь объективного характера. Таким образом, усилия по стабилизации этого региона могут стать для России и Китая сплачивающим фактором в общем глобальном контексте. Однако главная задача на данном этапе – определить, какие институциональные формы оптимальны для того, чтобы придать процессу формирования в Центральной Евразии «сообщества интересов и ценностей» необратимый характер.

Создание устойчивых институтов продиктовано необходимостью не только развивать сотрудничество с Китаем в долгосрочной перспективе, но и упрочить основу Евразийского экономического союза. Более того, мы можем допустить, что в условиях кооперативистской динамики в российско-китайских отношениях институционализация «сопряжения» по линии ЕАЭС – Китай и внутри структуры самого Союза будет способствовать дополнительной социализации органов государственного управления стран ЕАЭС и КНР, что неизбежно приведет к повышению уровня политического доверия и внесет значительный вклад в формирование на евразийском пространстве «сообщества общих ценностей и интересов».

Ключевые слова: евразийская интеграция, ЕАЭС, Экономический пояс Шелкового пути, сопряжение, Центральная Евразия

Теоретическое решение

Концепция, получившая в дальнейшем в официальном изложении определение «сопряжение евразийской интеграции и Экономического пояса Шелкового пути» (ЭПШП), содержала в своей теоретической основе две гипотезы. Во-первых, предположения о

¹ Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2016 г.

Материал поступил в редакцию в феврале 2016 г.

том, что предлагаемые Россией и Китаем проекты углубленного регионального сотрудничества имеют принципиально разную природу, и именно поэтому элементы конкуренции между ними не могут иметь объективного характера. Во-вторых, идеи о естественной взаимодополняемости российских и китайских усилий по стабилизации важнейшего для обеих держав «мягкого подбрюшья» в Центральной Евразии – региона, непосредственно граничащего как с китайским Синьцзян-Уйгурским автономным районом (СУАР), так и российскими Уралом и Центральной Сибирью. Исходя из очевидной необходимости ограничить проникновение в регион внешних дестабилизирующих сил, особенно активизировавшихся после 2001 г., должна быть представлена эффективная модель сотрудничества.

О вероятной верности первой гипотезы свидетельствует и многолетний – по большей части исключительно негативный – опыт взаимодействия России и Европейского союза в регионе так называемого «общего соседства», т.е. стран западной части постсоветского пространства [Moshes, 2009]. Здесь каждая из сторон предлагала новым независимым государствам региона аналогичные по форме модели отношений, в центре которых находилось постепенное снятие тарифных и нетарифных барьеров для торговли, наращивание масштабов промышленной кооперации и повышение открытости на рынке труда [Haukkala, 2009, p. 4–5]. Кроме того, в случае с единым экономическим пространством в СНГ тарифные барьеры уже отсутствовали, и эта ступень интеграции была, таким образом, преодолена [Zarogski, 2012], тогда как в случае с продвигавшимися ЕС глубокими и всеобъемлющими соглашениями о свободной торговле снятие тарифных барьеров только предполагалось в будущем [Misso, 2015].

При этом конечный формат таких отношений по-прежнему различался – итоговый результат в случае с Россией предполагал полноправное вхождение в евразийское интеграционное объединение [Aslund, 2013, p. 4–5], тогда как в случае с «восточной» политикой ЕС речь шла только о некоей форме привилегированных отношений, не доходящих, впрочем, до членства страны-партнера в Союзе [Ibid.]. Однако в обоих случаях странам-реципиентам предлагался выбор между одинаковыми по содержанию закрытыми проектами. При этом природа каждого из них – региональный торговый блок разной степени развитости – исключала возможности равноценного сотрудничества на обоих направлениях, просто в силу естественного стремления региональных углубленных объединений к извлечению максимальных выгод при любых формах сотрудничества [McKay et al., 2004, p. 14–15].

В противоположность рассмотренному примеру российские и китайские инициативы в Центральной Евразии не могут рассматриваться нами как взаимоисключающие и закрытые. Как мы увидим ниже, их содержание не предполагает выбора одного из двух институционально-правовых форматов. Деятельность Евразийского союза направлена на развитие экономик стран-членов. Инструментом развития должно быть создание наиболее благоприятных условий для ведения бизнеса, включая инвестиционную и другие виды деятельности, а также создание на его территории пространства четырех свобод передвижения: товаров, людей, капиталов и услуг². Китайская инициатива содержит в себе в первую очередь открытое для всех масштабное инвестиционное предложение [Бордачев, 2015]. В результате оба рассматриваемых нами формата гармонично дополняют друг друга. Для придания их взаимодействию системного и последовательного характера должна быть решена задача формирования институциональной «надстройки».

² Договор о Евразийском экономическом союзе // Правовой портал ЕЭК. 2015. Режим доступа: <https://docs.eaeunion.org/ru-ru/> (дата обращения: 07.02.2016).

Что касается второй из выдвинутых нами выше гипотез, то она основана на базовом допущении, что взаимная заинтересованность России и КНР в том, чтобы Казахстан и Центральная Азия не стали поставщиками нестабильности на их территории, может привести к выбору модели сотрудничества, а не конкуренции. Для этих двух стран (России и Китая) потенциальная нестабильность в Центральной Евразии представляет собой своего рода «идеальный общий вызов», ответ на который возможен только через рациональную игру с позитивной суммой.

Во-первых, вероятность того, что в странах региона произойдет социальный и политический взрыв, реальна. В отличие от Восточной Европы, где внутренний конфликт стал в первую очередь производным от соперничества внешних сил, в регионе преобладают именно внутренние факторы напряженности — неустоявшиеся государственные институты, бедность, религиозный радикализм и, наконец, соседство с Афганистаном [Малашенко, 2012, с. 16–18]. Совокупность этих факторов делает проблему действительно актуальной для обеих держав и естественно повышает их потенциал к сотрудничеству [Keohane, Nye, 1977, p. 3–19].

Во-вторых, важную роль играет географическая близость потенциально взрывоопасного региона для обеих великих держав. Казахстан и Центральная Азия непосредственным образом граничат с проблемным для Китая СУАР и важнейшими для России Уралом и Центральной Сибирью. Для обеих держав очевидно, что они не смогут в случае обострения ситуации канализировать проблему в направлении другого игрока и, таким образом, будут вынуждены сотрудничать «на месте». В этом отношении гораздо большую озабоченность может теоретически вызывать роль США и Европейского союза, для которых потенциальный взрыв в центре Евразии не будет сколько-нибудь значимым вызовом национальной безопасности. И в этой связи ситуация в регионе рассматривается, особенно в США, в контексте геостратегического взаимодействия с Москвой и Пекином [Rumer, 2014].

В-третьих, Россия и Китай одинаково заинтересованы в удалении внешних игроков, безотносительно к их происхождению. Как отмечалось, для большинства внешних нерегиональных игроков развитие событий в центре Евразии представляет интерес исключительно в международно-политическом контексте и не является вопросом национальной безопасности. Поэтому их воздействие на ситуацию будет в большинстве своем иметь дестабилизирующий характер [Keohane, Nye, 1977, p. 3–19]. Не меньшее значение российско-китайское сотрудничество будет иметь и для снижения негативных последствий неизбежных попыток самих стран региона балансировать влияние двух великих держав³.

В-четвертых, Россия и Китай могут предложить странам своей периферии достаточно разнообразные форматы взаимодействия по их внутренней стабилизации. Рассмотрим противоположный пример усилий Европейского союза по стабилизации собственной периферии. После успешного расширения ЕС в 2004–2007 гг. интеграционным объединением была выдвинута инициатива «политики соседства», представляющая собой европоцентричный проект, нацеленный на стабилизацию соседей через восприятие ими институциональных практик и норм Европейского союза⁴. То есть имеющий трансформирующую природу и обуславливающий получение очередных преференций именно выполнением некоего набора критериев [Grant, 2011, p. 9–11]. Россия и Китай, напротив, заинтересованы не в трансформации, а в стабилизации по-

³ Подробнее о балансировании и его негативных последствиях для региональных группировок и центров силы см.: [Скриба, 2014, с. 96–111].

⁴ European Neighborhood Policy // European Union External Action. Режим доступа: http://eeas.europa.eu/enp/about-us/index_en.htm (дата обращения: 07.02.2016).

литических режимов в Центральной Евразии, замораживании там ситуации на максимально продолжительный период [Rumer, 2006, p. 3–7].

Таким образом, мы можем быть уверены в том, что относительная вероятность выбора Россией и Китаем парадигмы сотрудничества в центре Евразии значительно более высока даже на теоретическом уровне. Более того, усилия по стабилизации этого региона могут стать для России и Китая спланирующим фактором в общем глобальном контексте. Процесс реконфигурации международного управления в экономической области представляется необратимым [Tellis, 2015]. Происходит становление крупных трансконтинентальных объединений и две важнейшие евразийские державы не имеют, по-видимому, других альтернатив, кроме дальнейшего сближения. На данном этапе необходимо определить, какие институциональные формы оптимальны для того, чтобы придать процессу формирования в Центральной Евразии «сообщества интересов и ценностей» необратимый характер.

История вопроса

Термин «Экономический пояс Великого шелкового пути» впервые был введен в употребление председателем КНР Си Цзиньпином в сентябре 2013 г. во время публичного выступления в «Назарбаев-Университете» (Астана, Казахстан) [Караганов, 2015, с. 35]. Современная трактовка понятия «Шелковый путь» достаточно сложна. Выдвижение и продвижение идеи создания ЭПШП началось на самом высоком уровне, однако изначально само понятие не было наполнено конкретным содержанием, что приводило к возникновению большого количества его толкований [Денисов, 2015]. Отчасти появление данной идеи отразило стремление руководителей Китая потеснить США и их союзников на традиционно принадлежащем им поле выдвижения масштабных инициатив глобального и регионального характера. В ноябре 2014 г. было объявлено о создании инвестиционного фонда в размере 40 млрд долл., средства которого должны быть инвестированы в проекты развития наземного и морского «шелкового путей» [Караганов, 2015, с. 36].

Главная цель проекта определяется тем, что внешняя политика КНР строго подчинена цели создания наиболее благоприятных условий для внутреннего развития страны [Там же, с. 37]. Основное содержание любой дипломатической инициативы направлено либо на решение внутренней проблемы Китая, либо на устранение внешних препятствий для решения этих проблем. Руководству Китая также необходимо минимизировать негативные последствия общего повышения наступательности национальной внешней политики, которая уже вызывает озабоченность у соседей [Там же]. Наиболее отчетливо это прослеживается на примере конфликтов из-за островов в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях. Однако и в странах Центральной Азии наблюдается усиление беспокойства по поводу увеличения экономического присутствия КНР на территории данных государств [Schreer, 2014]. Китайская инициатива призвана восприниматься в странах Центральной Азии как источник экономического роста, улучшения благосостояния населения, стабилизации обстановки в регионе и альтернатива исламизации общества.

География Экономического пояса Шелкового пути такова, что именно страны Центральной Азии оказались первыми на пути реализации этого китайского проекта. При этом некоторые из них уже являются участниками евразийской экономической интеграции: Казахстан и Кыргызстан — действующие члены Евразийского экономического союза. Это обстоятельство подняло два важных вопроса: не станут ли россий-

ский и китайский экономические проекты конкурирующими в центральноазиатском регионе, и каким образом может происходить их сосуществование, или сопряжение.

Подобные опасения строились на двух допущениях. Во-первых, уже имел место негативный опыт конкуренции России и Европейского союза (а также выступавших на их стороне США) в Восточной Европе. Когда в конце 2000-х – начале 2010-х годов Москва и Брюссель не сумели прийти к компромиссу, шесть постсоветских государств оказались перед интеграционной дилеммой – необходимостью выбрать одну из двух экономических группировок [Скриба, 2014, с. 96–111]. Причем если в Белоруссии и Армении этот выбор прошел относительно спокойно, а Азербайджан дистанцировался от обоих интеграционных предложений, то для Молдавии и особенно Украины отказ от одного важного партнера в пользу другого имел серьезные экономические и политические последствия. Внутренняя дестабилизация в этих странах, в свою очередь, усилила разногласия между Россией и Европейским союзом, и еще больше отдала перспективу налаживания конструктивных отношений между европейской и евразийской экономическими группировками.

Пока политический диалог России и Китая не дает повода для прогнозирования аналогичной конкуренции в постсоветской Центральной Азии. Стороны ни разу не высказывали публичных опасений относительно внешней политики друг друга в этом регионе. Однако отсутствие противоречий на данном этапе не означает, что они не могут быть спровоцированы. Таким образом, второе допущение – деструктивное влияние на сотрудничество России и Китая и на сопряжение ЕАЭС и ЭПШП со стороны других стран, прежде всего самих государств Центральной Азии.

В теории международных отношений такое поведение малых и средних государств описывается достаточно часто. Например, эти страны могут спекулировать вопросами безопасности ради собственной выгоды [Walt, 2009] или конъюнктурно сближаться с тем или иным партнером ради решения внутренних проблем [David, 1991, p. 233–256; Miller, Torytsin, 2005, p. 325–363; Schweller, 1994, p. 72–107]. В результате они могут нарушать равновесие силы и своими действиями провоцировать региональную напряженность.

История отношений на постсоветском пространстве за последние 25 лет знает немало примеров такой политики. В основном это касалось все тех же стран «Восточного партнерства». Белоруссия, Украина, реже – Грузия и Молдавия использовали свою высокую важность для России и Европейского союза для получения дополнительных экономических преимуществ. Они также активно привлекали США в региональные дела, что вызывало еще большую напряженность между Россией и ЕС. Именно тогда от России потребовалась новая внешнеполитическая стратегия, которая стала бы ответом на подход ЕС.

Созданию ЕАЭС предшествовал долгий период постсоветской реинтеграции – попытки Москвы остановить разрушение экономических связей внутри СНГ, а в некоторых случаях – восстановить и усилить их. Нельзя сказать, что все эти попытки были безуспешными. Например, был достаточно позитивный опыт Союзного государства Белоруссии и России. Хотя экономическая интеграция так и не вышла на серьезный наднациональный уровень, а многие планы, такие как единая валюта и единый президент, так и не были реализованы, в этом формате были возвращены многие сферы сотрудничества: единая таможенная территория, свободное перемещение рабочей силы.

Однако в конечном счете многочисленные конфликты (связанные в первую очередь с ценами на нефть и газ, поставляемые Россией) показали, что для формирования на пространстве СНГ устойчивого экономического объединения нужен принципиально новый подход. Политика Европейского союза, которая была направлена на создание

таких институциональных связей со странами «Восточного партнерства» – политической ассоциации и зоны свободной торговли, стала отправной точкой для создания новой модели интеграции. Можно сказать, что с запуском Таможенного союза (первый этап евразийской интеграции) в истории стран СНГ закончился предыдущий постсоветский период и начался новый – евразийский.

Первым шагом было создание Таможенного союза Белоруссии, Казахстана и России в 2010 г. За ним последовало углубление интеграции трех стран – формирование Единого экономического пространства в 2012 г. Этот этап интеграции провозгласил «четыре свободы»⁵ между государствами-участниками: движения товаров, капитала, услуг и рабочей силы. В 2014 г. к Таможенному союзу и Единому экономическому пространству присоединилась Армения.

Последним на данный момент этапом интеграции стало учреждение Евразийского экономического союза в 2015 г. В том же году пятым участником евразийской экономической интеграции стал Кыргызстан. ЕАЭС можно назвать первым за многие годы примером позитивной экономической интеграции, поскольку он предполагал формирование наднационального органа – Евразийской экономической комиссии (ЕЭК). В Договоре были также зафиксированы цели и этапы дальнейшего углубления интеграции – синхронизация экономической политики стран – участников ЕАЭС.

В Восточной Европе ЕАЭС уже стал альтернативой ассоциации и ЗСТ (DCFTA) с ЕС. Нельзя сказать, что появление в Европе еще одного, альтернативного интеграционного проекта стабилизировало региональную ситуацию и помогло наладить отношения Москвы и Брюсселя. Европейская комиссия до сих пор не признает ЕЭК как равноправного партнера, предпочитая вести диалог с членами ЕАЭС в двустороннем формате. Однако при этом всем важно, что евразийская экономическая интеграция, во-первых, де-юре заблокировала возможность для стран СНГ участвовать сразу в нескольких экономических группировках, и во-вторых, стала основой для торговой и производственной кооперации.

Но в случае российско-китайского диалога важно заметить, что ЕАЭС и ЭПШП не являются институционально взаимоисключающими проектами. И поскольку у России и Китая отсутствуют фундаментальные геополитические противоречия, возникает перспектива снизить потенциальные риски в регионе через сопряжение двух проектов. Главным вопросом в этом случае становится то, какие институты ЕАЭС должны быть вовлечены и/или координировать процесс сопряжения, а также через какие механизмы он должен быть реализован.

Потенциал институтов ЕАЭС

На сегодняшний день управление ЕАЭС осуществляют четыре структуры, компетенции и полномочия которых четко прописаны в Договоре⁶ о Евразийском экономическом союзе:

- Высший Евразийский экономический совет, который является высшим органом ЕАЭС, определяют его стратегию, направления и перспективы развития. Участниками Высшего совета являются главы государств-членов.

⁵ Заявление В.В. Путина по итогам сессии Совета коллективной безопасности ОДКБ, заседания Межгоссовета ЕвразЭС и Высшего Евразийского экономического совета // Президент России. 2012. Режим доступа: <http://special.kremlin.ru/events/president/transcripts/17169> (дата обращения: 07.02.2016).

⁶ Договор о Евразийском экономическом союзе // Правовой портал ЕЭК. 2015. Режим доступа: <https://docs.eaeunion.org/ru-ru/> (дата обращения: 07.02.2016).

– Евразийский межправительственный экономический совет обеспечивает взаимодействие участников интеграции на среднем уровне за счет представительства глав правительств стран-участниц; осуществляет контроль за реализацией и исполнением основополагающего Договора.

– Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК) – постоянный действующий наднациональный регулирующий орган ЕАЭС, главной задачей которого является разработка предложений развития Евразийской экономической интеграции и решение возникающих в процессе технических вопросов.

– Суд ЕАЭС – орган, наделенный судебными функциями для обеспечения применения Договора о Союзе и иных международных соглашений в рамках ЕАЭС.

Несмотря на образование сразу нескольких органов управления, единственным наднациональным органом, обеспечивающим бесперебойную работу ЕАЭС, является Комиссия. Однако ее компетенции оказались существенно ограничены правом национальных государств, хотя ЕЭК и отвечает за функционирование всего Союза.

Высший совет как выразитель интересов глав государств ЕАЭС не только утверждает состав Коллегии ЕЭК, но и является последней инстанцией в принятии всех важных решений. Помимо выработки основных приоритетов президенты стран-участниц оставляют за собой право утверждения бюджета, принятия решений о переговорах с третьей стороной от имени Союза и по вопросам международного сотрудничества ЕАЭС в целом; Совет назначает судей Евразийского суда, а также дает поручения Межправительственному совету и Комиссии, определяя регламент их работы⁷. Таким образом, любое государство – член Союза имеет возможность оказывать существенное влияние на принятие тех или иных решений и вовсе заблокировать работу всех структур интеграции.

Возможно, доминирующее положение Высшего совета объясняется привычной для участников ЕАЭС моделью политического управления. Без опыта институционального управления страны евразийской интеграции воспроизводят организационную структуру [Roberts et al., 2014, p. 15–16], где принятие главных решений сосредотачивается в руках узкого круга лиц. Поэтому не вызывает сомнений тот факт, что успех региональных экономических объединений зависит от качества политического и экономического управления в странах, являющихся их участниками [Dragneva, Wolczuk, 2014, p. 15].

Ограничение компетенции Высшего совета означало бы более многосторонний процесс принятия решений, его децентрализацию, учет интересов всех участников ЕАЭС. Однако эксперты отмечают, что даже при существенной асимметрии экономического развития и слабой институциональной основе [Vilpisauskas et al., 2012, p. 22] сужение роли глав государств встретит серьезное сопротивление. Ведь в таком случае Россия, в частности, не сможет больше пренебрегать решениями ЕЭК в своих интересах, а Белоруссии придется выстраивать национальную экономику совершенно на других началах, чтобы соответствовать заявленным целям экономической интеграции [Wisniewska, 2013, p. 40].

Тем не менее сформированная система управления в рамках ЕАЭС принципиально отличается от предыдущих попыток интеграции на постсоветском пространстве. Новая структура доказывает свою устойчивость и «дееспособность» в силу более «продуманной схемы органов управления и готовности стран-участниц выполнять

⁷ Договор о Евразийском экономическом союзе // Правовой портал ЕЭК. 2015. Режим доступа: <https://docs.eaeunion.org/ru-ru/> (дата обращения: 07.02.2016).

принятые решения в соответствии с международными нормами и правилами ВТО» [Dragneva, Wolczuk, 2012, p. 5]. В этот раз успех евразийской интеграции связывается с учреждением Евразийского суда как отдельного института для разрешения судебных споров, а также закреплением принципа «прямого действия»⁸, согласно которому решения ЕЭК становятся частью внутреннего законодательства стран-участниц спустя 30 дней с момента принятия того или иного документа. Таким образом, решения Комиссии входят в право Союза и подлежат непосредственному применению на территориях государств-членов.

Институциональное развитие евразийской интеграции положительно оценивают и с точки зрения введенного правила «одна страна – один голос» [Atilgan et al., 2014, p. 9], что свидетельствует о готовности России при безоговорочном статусе лидера интеграции выстраивать сотрудничество на принципах равенства. До появления ЕАЭС голоса в Таможенном союзе распределялись следующим образом: 57 голосов принадлежало России, остальные 43 делились между Белоруссией и Казахстаном.

Нынешняя структура ЕАЭС наилучшим образом отвечает реалиям сегодняшнего дня еще и потому, что одновременно сочетает национальные и наднациональные элементы управления. Пожалуй, возникновение сильных законодательных и исполнительных институтов ЕАЭС является сейчас невозможным и даже неэффективным. Слепое копирование институциональной основы ЕС без учета специфики взаимоотношений стран Евразийского союза и асимметрии их развития сведет интеграцию к «декларативному механизму». Поэтому в нынешних условиях процесс принятия решений на высоком уровне способен обеспечить достаточно быстрое реагирование Союза на те или иные проблемы за счет тесной координации участников Высшего совета, занимаемого ими положения. Поиск компромисса становится более простым благодаря возможности согласовывать национальные интересы в формате многосторонних консультаций небольшого количества участников. Но вместе с тем, безусловно, существует риск развития двусторонних каналов взаимодействия в рамках пятерки Союза.

Наконец, вместе с образованием ЕАЭС появилась возможность осуществлять взаимодействие на более низком уровне (между главами правительств, руководителями различных ведомств), привлекая большое количество экспертов. Все это закладывает основу для многоуровневого процесса принятия решений, в котором будут так или иначе учтены интересы всех стран-участниц.

При этом важно понимать, что реализация всего потенциала институтов евразийской интеграции станет возможной с развитием независимого Суда ЕАЭС и появлением эффективной Комиссии, обладающей большей компетенцией по части принятия решений, осуществления международного сотрудничества Союза. Это позволит России избежать обвинений в навязывании своих интересов и в целом ошибок, которые характерны для управления на более высоком уровне. Следовательно, большее вовлечение экспертов в работу и меньший уклон в сторону единоличного принятия решений позволят ЕАЭС эффективнее находить ответы на возникающие угрозы.

В свою очередь, институциональное оформление «сопряжения» евразийской интеграции и ЭПШП также позволит сторонам эффективнее формулировать свои интересы и тесно работать для реализации совместных проектов [Miller, 2000, p. 535–547]. Большое преимущество институтов состоит в том, что они позволяют актерам не только предопределять поведение друг друга, но и оказывать влияние на него через установ-

⁸ Договор о Евразийском экономическом союзе // Правовой портал ЕЭК. 2015. Режим доступа: <https://docs.eaeunion.org/ru-ru/> (дата обращения: 07.02.2016).

ленные институциональные правила и процедуры [Hall, Taylor, 1996, p. 10–13]. И этим преимуществом было бы глупо не воспользоваться.

В целом все же необходимо отметить, что на данном этапе сформированная структура институтов ЕАЭС вполне отвечает интересам стран-участниц. Высший совет, обеспечивающий тесное сотрудничество глав-государств, задает динамику развития Союза при значительной технической поддержке Комиссии. Такой «институциональный каркас» позволяет структурировать процесс взаимодействия сторон и систематизировать большое количество вопросов, стоящих на повестке дня. Большая заслуга органов управления ЕАЭС заключается еще и в выработке общей позиции «пятерки» стран, взаимном учете интересов, подготовке регулярных встреч глав государств и правительств. В этой связи, признавая эффективность институтов, в октябре 2015 г.⁹ Высший совет возложил на Евразийскую экономическую комиссию ответственность за подготовку проекта «дорожной карты» взаимодействия с КНР и реализации «сопряжения» с ЭПШП.

Тем не менее приходится признать, что на сегодняшний день данный процесс практически застопорился. Недостаточная развитость межгосударственных институтов и отсутствие возможности обсуждать важнейшие вопросы на более низком уровне ведут к тому, что процесс согласования позиций «пятерки» с Китаем происходит преимущественно в двустороннем формате, а это представляет риск для интеграции.

Чтобы не упустить «евразийский момент», необходимо иметь четкое представление о том, как масштабный проект «сопряжения» может быть реализован. Поэтому основной акцент должен быть сделан на формировании эффективных институтов [Бордачев и др., 2013], способных заложить основу сотрудничества между ЕАЭС и Китаем, а также укрепить единую позицию самой «пятерки».

Институциональные аспекты «сопряжения»

Создание устойчивых институтов продиктовано необходимостью не только развивать сотрудничество с Китаем в долгосрочной перспективе, но и упрочить основу Евразийского экономического союза. Необходим такой механизм, который позволит максимально полно согласовывать национальные интересы с делегированием полномочий наднациональным органам при условии предварительного достижения многоуровневого межнационального консенсуса.

На данный момент в силу ограниченной компетенции ЕЭК в переговорах с Китаем занимает достаточно пассивную позицию, поскольку просто не в состоянии начать переговоры для определения, например, конкретных обязательств по торговле услугами, финансовому сотрудничеству и инвестициям. Прерогативы Комиссии сводятся лишь к подготовке непререференциального торгового соглашения с КНР. В этой связи есть смысл задуматься о расширении полномочий ЕЭК в сфере инвестиций и транспорта, чтобы тем самым создать условия для выработки единого подхода стран-участниц ко всему комплексу вопросов «сопряжения» и предотвратить риск возникновения несоординированных национальных треков взаимодействия с Китаем. Соответственно, повышение роли Комиссии в переговорном процессе возможно только по решению Высшего Евразийского совета (глав государств-членов) и внесения соответствующего изменения в Договор о ЕАЭС.

⁹ О взаимодействии государств – членов ЕАЭС по вопросам сопряжения с ЭПШП. Решение № 58 от 14 октября 2015 г. // Правовой портал ЕЭК. 2015. Режим доступа: <https://docs.eaeunion.org/ru-ru/> (дата обращения: 07.02.2016).

Усиление роли ЕЭК в области транспорта продиктовано необходимостью заложить основу для более глубокой транспортно-логистической кооперации стран ЕАЭС с другими государствами (согласно ст. 114 п. 1 и 2 Договора¹⁰), а также стимулировать сам процесс евразийской интеграции в данном секторе. А в развитии инвестиционного сотрудничества активная роль Комиссии необходима для урегулирования вопросов защиты прав инвесторов и обеспечения гарантий вложенных средств.

Наряду с делегированием полномочий Евразийской экономической комиссии необходимым видится создание отдельного постоянно действующего межправительственного комитета внутри самого ЕАЭС при особой роли Комиссии как переговорной площадки и органа для решения всех технических вопросов сотрудничества с Китаем. Подобная структура может также принять формат вице-премьеров, курирующих евразийскую интеграцию.

Такое предложение является важным, поскольку «сопряжение» ЕАЭС и ЭПШП предполагает не только торговое взаимодействие сторон, но и реализацию различных инфраструктурных, инвестиционных программ. В идеале инициатива должна привести к постепенной гармонизации законодательства в части технических регламентов и взаимному признанию технических норм. Необходимо также решить вопрос регулирования и защиты инвестиций, оценить перспективу создания нового арбитража, обсуждать сотрудничество в области трудовой миграции и социальной защиты для обеспечения условий передвижения людей. Таким образом, столь многоплановая повестка требует серьезной подготовки и технической базы, тщательного согласования возможностей каждой стороны. Институциональное оформление «сопряжения» ЕАЭС и ЭПШП как раз призвано урегулировать все эти вопросы.

На примере Европейского союза очевидна колоссальная эффективность институционального решения возникающей проблемы. Заложенные в Декларации Монне – Шумана принципы создания общих институтов, функционирующих «на основе реальных дел и фактической солидарности»¹¹, позволили в конечном счете сконструировать политическую идею, а также обеспечить ее жизнеспособность и по сей день. Действительно, практически каждое направление деятельности ЕС связано с возникновением соответствующих структур. Так, за обеспечение региональной политики отвечает Европейский фонд регионального развития, Европейский социальный фонд и Фонд сплочения; реализация экономического и валютного союза стала возможной с созданием Европейского центрального банка; правовое закрепление общей внешней политики и политики безопасности привело к появлению Европейской службы внешнеполитической деятельности и должности Верховного представителя ЕС по иностранным делам и политике безопасности.

Возвращаясь к идее «сопряжения», стоит отметить, что наиболее успешным может стать формат «большого» договора смешанного характера «ЕАЭС – страны-члены ЕАЭС – КНР». Это позволило бы одновременно расширить сферы сотрудничества Союза и Китая по тем направлениям, которые пока еще не входят в область регулирования наднациональных органов, а также максимально учесть приоритеты каждого государства «пятерки». Необходимость решительных действий объясняется также возросшим интересом Индии, Ирана, Пакистана и других стран региона к ЭПШП. В этой связи институционализация «сопряжения» упрочит позиции членов ЕАЭС, позволит

¹⁰ Договор о Евразийском экономическом союзе // Правовой портал ЕЭК. 2015. Режим доступа: <https://docs.eaeunion.org/ru-ru/> (дата обращения: 07.02.2016).

¹¹ Declaration of 9th May 1950 // Robert-Schuman Foundation. Режим доступа: <http://www.robert-schuman.eu/en/special-page-on-may-9> (дата обращения: 07.02.2016).

им занять центральное место в реализации китайских проектов, привлекая в то же время инвестиции и других региональных игроков.

Таким образом, слагаемыми успешной реализации «сопряжения» ЕАЭС и ЭПШП являются два важных аспекта. Первый призван укрепить роль Евразийской экономической комиссии и расширить ее компетенцию на новые сферы. А второй заключается в создании специального института, который обеспечит межгосударственный диалог и консолидацию позиций стран-участниц в вопросе сотрудничества с Китаем. Отметим, что важнейшее международно-политическое значение будет иметь сам факт заключения любого соглашения по линии ЕАЭС – Китай, поскольку после этого вопрос о международной правосубъектности Союза будет закрыт. Это, в свою очередь, позволит более решительно подступиться к проблеме отношений ЕАЭС – Европейский союз, где у стран-членов также существуют серьезные интересы и ограничители.

Таким образом, мы можем допустить, что в условиях кооперативистской динамики в российско-китайских отношениях институционализация «сопряжения» по линии ЕАЭС – Китай и внутри структуры самого Союза позволит придать евразийскому сотрудничеству фактически необратимый характер. Кроме того, это может способствовать дополнительной социализации органов государственного управления стран ЕАЭС и КНР, что неизбежно приведет к повышению уровня политического доверия [Simmons, Martin, 2002, p. 192–211]. О высокой вероятности такого эффекта свидетельствует изученный опыт европейской интеграции. Это внесет серьезный вклад в формирование на евразийском пространстве «сообщества общих ценностей и интересов».

Литература

Бордачев Т. (2015) Создавая Евразию вместе // Известия. 15 апреля. Режим доступа: <http://izvestia.ru/news/585463#ixzz3Xa1ggHL8> (дата обращения: 07.02.2016).

Бордачев Т., Островская Е., Скриба А. (2013) Выбор и вызов евразийской интеграции // Россия в глобальной политике. № 5. Режим доступа: <http://www.globalaffairs.ru/number/Vybor-i-vyzov-evraziiskoi-integracii-16178> (дата обращения: 07.02.2016).

Денисов И. (2015) Путешествие на запад // Россия в глобальной политике. № 1. Режим доступа: <http://www.globalaffairs.ru/number/Puteshestvie-na-zapad-17315> (дата обращения: 07.02.2016).

Караганов С.А. (ред.) (2015) К Великому океану – 3. Экономический пояс Шелкового пути и приоритеты совместного развития евразийских государств. МДК Валдай. С. 35.

Малашенко А. (2012) Центральная Азия: на что рассчитывает Россия? М.: РОССПЭН. С. 16–18.

Скриба А.С. (2014) Вызовы и перспективы евразийской интеграции после украинского кризиса // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. № 3. С. 96–111. Режим доступа: https://iorj.hse.ru/data/2014/10/22/1099852056/Страницы%20из%20Вестник_2014_03_ff-8.pdf (дата обращения: 25.05.2016).

Aslund A. (2013) Ukraine's Choice: European Association Agreement or Eurasian Union? // Peterson Institute for International Economics Policy Brief, no PB13-22. September. P. 4–5. Режим доступа: <https://www.ciaonet.org/attachments/23772/uploads> (дата обращения: 25.05.2016).

Atilgan C., Baumann G., Brakel A., Crawford C., Devcic J., Helms A. (2014) The Eurasian Union. An Integration Project under the Microscope. KAS International Reports. P. 9. Режим доступа: http://www.kas.de/wf/doc/kas_36785-544-2-30.pdf?140207134233 (дата обращения: 25.05.2016).

David S. (1991) Explaining Third World Alignment // World Politics. Vol. 43(2). P. 233–256.

Dragneva R., Wolczuk K. (2014) Eurasian Economic Integration: Institutions, Promises and Faultlines // The Geopolitics of Eurasian Economic Integration. Special Report. P. 15. The London School of Economics and

Political Science is a School of the University of London. Режим доступа: <http://www.lse.ac.uk/IDEAS/publications/reports/pdf/SR019/SR019-Dragneva-Wolczuk.pdf> (дата обращения: 25.05.2016).

Dragneva R., Wolczuk K. (2012) Russia, the Eurasian Customs Union and the EU: Cooperation, Stagnation or Rivalry? // Chatham House Briefing Paper. August. P. 5. Режим доступа: https://www.chathamhouse.org/sites/files/chathamhouse/public/Research/Russia%20and%20Eurasia/0812bp_dragnevawolczuk.pdf (дата обращения: 25.05.2016).

McKay J., Armengol M.O., Pineau G. (eds) (2004) Regional Economic Integration in a Global Framework. G-20 Workshop. 22–23 September. European Central Bank. P. 14–15. Режим доступа: <https://www.ecb.europa.eu/pub/pdf/other/regionaleconintegrationglobalframework2005en.pdf?7ac24500beb528b3d89df3374dd5d5df> (дата обращения: 25.05.2016).

Grant C. (2011) A New Neighborhood Policy for the EU. Centre for European reform, Policy Brief. March. P. 9–11. Режим доступа: https://www.cer.org.uk/sites/default/files/publications/attachments/pdf/2011/pb_grant_neighbourhood_11march11-170.pdf (дата обращения: 25.05.2016).

Hall P., Taylor R. (1996) Political Science and the Three New Institutionalisms // Political Studies. Vol. 44. No. 5. P. 10–13.

Haukkala H. (2009) From Zero-Sum to Win-Win? The Russian Challenge to the EU's Eastern Neighborhood Policies // European Policy Analysis. No. 12. P. 4–5.

Keohane R., Nye J. (1977) Power and Interdependence: World Politics in Transition. Boston. Little Brown. P. 3–19.

Micco P. (2015) Ukraine's will to liberalize: Tested on many fronts. In-depth analysis. Directorate-General for External Policies. Policy department. November. Режим доступа: [http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/IDAN/2015/549072/EXPO_IDA\(2015\)549072_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/IDAN/2015/549072/EXPO_IDA(2015)549072_EN.pdf) (дата обращения: 07.02.2016).

Miller G. (2000) Rational Choice and Dysfunctional Institutions // Governance: An International Journal of Policy and Administration. Vol. 13. No. 4. P. 535–547.

Miller E.A., Torytsin A. (2005) Bringing the Leader Back In: Internal Threats and Alignment Theory in the Commonwealth of Independent States // Security Studies. Vol. 14. Issue 2. P. 325–363. Режим доступа: <http://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/09636410500234079> (дата обращения: 07.02.2016).

Moshes A. (2009) EU – Russia Relations: Unfortunate Continuity // The Robert Schuman Foundation. European issues. No. 129. Режим доступа: <http://www.robert-schuman.eu/en/doc/questions-d-europe/qe-129-en.pdf> (дата обращения: 07.02.2016).

Roberts S., Moshes A., Pynnöniemi K. (2014) The Eurasian Economic Union. Breaking the Pattern of Post-Soviet Integration? The Finnish Institute of International Affairs. Helsinki. P. 15–16. Режим доступа: http://eprints.port.ac.uk/20256/1/The_Eurasian_Economic_Union_breaking_the_pattern_of_post_soviet_integration.pdf (дата обращения: 07.02.2016).

Rumer E. (2014) China the Winner // Carnegie Moscow Center. 16 May. Режим доступа: <http://carnegie.ru/2014/05/16/china-winner/ik63> (дата обращения: 07.02.2016).

Rumer E. (2006) China, Russia and the Balance of Power in Central Asia // Strategic Forum. No. 223. November. P. 3–7. Режим доступа: <kms2.isn.ethz.ch/serviceengine/Files/.../en/SF223.pdf> (дата обращения: 07.02.2016).

Schreer B. (2014) Should Asia be Afraid? China's Strategy in the South China Sea Emerges // The National Interest. August 20. Режим доступа: <http://nationalinterest.org/blog/the-buzz/should-asia-be-afraid-chinas-strategy-the-south-china-sea-11109> (дата обращения: 07.07.2016).

Schweller R. (1994) Bandwagoning for Profit: Bringing the Revisionist State Back in // International Security. Vol. 19. No 1. P. 72–107.

Simmons B.A., Martin L.L. (2002) International Organizations and Institutions // W. Carlsnaes, T. Risse, B.A. Simmons. Handbook of International Relations. Thousand Oaks, CA: Sage Publications. P. 192–211.

Tellis A. (2015) The Geopolitics of the TTIP and the TPP // Carnegie Endowment for International Peace, 2 March. Режим доступа: <http://carnegieendowment.org/2015/03/02/geopolitics-of-ttip-and-tpip> (дата обращения: 07.02.2016).

Vilpišauskas R., Ališauskas R., Kasčiūnas L., Dambrauskaitė Ž., Sinica V., Levchenko I., Chirila V. (2012) Eurasian Union: A Challenge for the European Union and Eastern Partnership Countries // EESC. P. 22. Режим доступа: <http://www.eesc.lt/uploads/news/id459/Eurasian%20Union-a%20Challenge%20for%20the%20European%20Union%20and%20Eastern%20Partnership%20Countries.pdf> (дата обращения: 07.02.2016).

Walt S. (2009) Alliances in a Unipolar World // World Politics. Vol. 61 (1). P. 86–120.

Wisniewska I. (2013) Eurasian Integration. Russia's Attempt at the Economic Unification of the Post-soviet Area // OSW Studies. No. 44. July. P. 40. Режим доступа: http://www.osw.waw.pl/sites/default/files/prace_44_eurasian-integration_net.pdf (дата обращения: 07.02.2016).

Zarogski A. (2012) Russia's Neighborhood Policy // Institute for Security Studies. February 14. Режим доступа: <http://www.iss.europa.eu/de/publikationen/detail/article/russias-neighbourhood-policy/> (дата обращения: 07.02.2016).

Institutions for a Peaceful Eurasia

T. Bordachev, A. Kazakova, A. Skriba

Timofei Bordachev – Director of the Centre for Comprehensive European and International Studies, Associate professor at the Faculty of World Economy and International Affairs, National Research University Higher School of Economics; 20, Myasnitskaya St., 10100, Moscow, Russian Federation; E-mail: tbordachev@hse.ru

Anastasiia Kazakova – Research assistant of the Centre for Comprehensive European and International Studies, Master's Degree student (International relations: European studies) at the Faculty of World Economy and International Affairs, National Research University Higher School of Economics; 20, Myasnitskaya St., 10100, Moscow, Russian Federation; E-mail: akazakova@hse.ru

Andrei Skriba – Research fellow of the Centre for Comprehensive European and International Studies, Professor at the Faculty of World Economy and International Affairs, National Research University Higher School of Economics; 20, Myasnitskaya St., 10100, Moscow, Russian Federation; E-mail: askriba@hse.ru

Abstract

Russian and Chinese initiatives in Central Eurasia cannot be considered separate or mutually exclusive – Eurasian integration and the Silk Road Economic Belt complement rather than contradict each other. Successfully conjoining the two projects directly depends on Russian-Chinese relations that are based on mutual respect and political trust. Both sides are equally interested in maintaining a stable and safe Central Asia for fruitful cooperation, not competition. However, more systematic and consistent work between the Eurasian Economic Union (EEU) and China requires a strong and effective institutional basis and structure. The solution thus includes two important aspects. The first implies a more powerful Eurasian Economic Commission and the extension of its competence to new areas. The second means creating a special institution for intergovernmental cooperation, which could serve as a platform for a multilateral dialogue and provide ongoing day-to-day support for decision-makers and different experts of all levels. Such a mechanism would also help to elaborate a common position and policy on China for the five EEU countries. The conjoining of the EEU and the Silk Road initiative would not only boost trade among states but is necessary to develop infrastructure and investment programmes. Such a multifaceted agenda would require serious technical preparation as well as force EEU countries to compromise, because only with consent can members truly benefit¹.

Key words: integration, Eurasian Economic Union, Silk Road Economic Belt, Central Asia, institution building

References

- Aslund A. (2013) Ukraine's Choice: European Association Agreement or Eurasian Union? *Peterson Institute for International Economics Policy Brief*, no PB13-22, September, p. 4–5. Available at: <https://www.ciaonet.org/attachments/23772/uploads> (accessed 25 May 2016).
- Atilgan C., Baumann G., Brakel A., Crawford C., Devcic J., Helms A. (2014) *The Eurasian Union. An Integration Project under the Microscope. KAS International Reports*, p. 9. Available at: http://www.kas.de/wf/doc/kas_36785-544-2-30.pdf?140207134233 (accessed 25 May 2016).
- Bordachev T. (2015) Sozdavaja Evraziju Vmeste [Creating Eurasia Together]. *Izvestija*, 15 April. Available at: <http://izvestia.ru/news/585463#ixzz3Xa1ggHL8> (accessed 07 February 2016). (In Russian.)
- Bordachev T., Ostrovskaja E., Skriba A. (2013) Vybori Vyzov Evrazijskoj Integracii [Eurasian Integration: Choice and Challenges]. *Rossija v Global'noj Politike*, no 5. Available at: <http://www.globalaffairs.ru/number/Vybor-i-vyzov-evraziiskoi-integracii-16178> (accessed 07 February 2016). (In Russian.)

¹ This article is an output of a research project in the Basic Research Programme at the National Research University Higher School of Economics.

- David S. (1991) Explaining Third World Alignment. *World Politics*, vol. 43 (2), p. 233–256.
- Denisov I. (2015) Puteshestvie na Zapad [Journey to the West]. *Rossija v Global'noj Politike*, no 1. Available at: <http://www.globalaffairs.ru/number/Puteshestvie-na-zapad-17315> (accessed 07 February 2016). (In Russian.)
- Dragneva R., Wolczuk K. (2014) Eurasian Economic Integration: Institutions, Promises and Faultlines. *The Geopolitics of Eurasian Economic Integration, Special Report*, p. 15. The London School of Economics and Political Science is a School of the University of London. Available at: <http://www.lse.ac.uk/IDEAS/publications/reports/pdf/SR019/SR019-Dragneva-Wolczuk.pdf> (accessed 25 May 2016).
- Dragneva R., Wolczuk K. (2012) Russia, the Eurasian Customs Union and the EU: Cooperation, Stagnation or Rivalry? *Chatham House Briefing Paper*, August, p. 5. Available at: https://www.chathamhouse.org/sites/files/chathamhouse/public/Research/Russia%20and%20Eurasia/0812bp_dragnevawolczuk.pdf (accessed 25 May 2016).
- Grant C. (2011) *A New Neighborhood Policy for the EU. Centre for European reform, Policy Brief*, March, p. 9–11. Available at: https://www.cer.org.uk/sites/default/files/publications/attachments/pdf/2011/pb_grant_neighbourhood_11march11-170.pdf (accessed 25 May 2016).
- Hall P., Taylor R. (1996) Political Science and the Three New Institutionalisms. *Political Studies*, vol. 44, no 5, p. 10–13.
- Haukkala H. (2009) From Zero-Sum to Win-Win? The Russian Challenge to the EU's Eastern Neighborhood Policies. *European Policy Analysis*. No 12. P. 4–5.
- Karaganov S.A. (red.) (2015) K Velikomu okeanu – 3. Jekonomicheskij pojas Shelkovogo puti I priorityety sovместnogo razvitiya evrazijskih gosudarstv [Toward the Great Ocean – 3. Creating Central Eurasia. The Silk Road Economic Belt and the priorities of the Eurasian states' joint development]. MDK Valdaj. (In Russian.)
- Keohane R., Nye J. (1977) *Power and Interdependence: World Politics in Transition*. Boston. Little Brown, p. 3–19.
- Malashenko A. (2012) *Central'naja Azija: na chto rasschityvaet Rossija?* [Central Asia: What Does Russia Expect?]. M.: ROSSPEN, p. 16–18. (In Russian.)
- Mckay J., Armengol M.O., Pineau G. (eds) (2004) *Regional Economic Integration in a Global Framework*. G-20 Workshop, 22–23 September. European Central Bank, p. 14–15. Available at: <https://www.ecb.europa.eu/pub/pdf/other/regionaleconintegrationglobalframework2005en.pdf?7ac24500beb528b3d89df3374dd5d5df> (accessed 25 May 2016).
- Micco P. (2015) *Ukraine's will to liberalize: Tested on many fronts. In-depth analysis*. Directorate-General for External Policies, Policy department. November. Available at: [http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/IDAN/2015/549072/EXPO_IDA\(2015\)549072_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/IDAN/2015/549072/EXPO_IDA(2015)549072_EN.pdf) (accessed 07 February 2016).
- Miller E.A., Torytsin A. (2005) Bringing the Leader Back In: Internal Threats and Alignment Theory in the Commonwealth of Independent States. *Security Studies*, vol. 14, issue 2, p. 325–363. Available at: <http://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/09636410500234079> (accessed 07 February 2016).
- Miller G. (2000) Rational Choice and Dysfunctional Institutions. *Governance: An International Journal of Policy and Administration*, vol. 13, no 4, p. 535–547.
- Moshes A. (2009) *EU – Russia Relations: Unfortunate Continuity*. The Robert Schuman Foundation. Europeanissues, no 129. Available at: <http://www.robert-schuman.eu/en/doc/questions-d-europe/qe-129-en.pdf> (accessed 07 February 2016).
- Roberts S., Moshes A., Pynnöniemi K. (2014) *The Eurasian Economic Union. Breaking the Pattern of Post-Soviet Integration?* The Finnish Institute of International Affairs. Helsinki. P. 15–16. Available at: http://eprints.port.ac.uk/20256/1/The_Eurasian_Economic_Union_breaking_the_pattern_of_post_soviet_integration.pdf (accessed 07 February 2016).
- Rumer E. (2006) China, Russia and the Balance of Power in Central Asia. *Strategic Forum*, no 223, November, p. 3–7. Available at: kms2.isn.ethz.ch/serviceengine/Files/.../en/SF223.pdf (accessed 07 February 2016).
- Rumer E. (2014) *China the Winner*. Carnegie Moscow Center, 16 May. Available at: <http://carnegie.ru/2014/05/16/china-winner/ik63> (accessed 07 February 2016).

Schreer B. (2014) Should Asia be Afraid? China's Strategy in the South China Sea Emerges. *The National Interest*, 20 August. Available at: <http://nationalinterest.org/blog/the-buzz/should-asia-be-afraid-chinas-strategy-the-south-china-sea-11109> (accessed 07 February 2016).

Schweller R. (1994) Bandwagoning for Profit: Bringing the Revisionist State Back in. *International Security*, vol. 19, no 1, p. 72–107.

Simmons B.A., Martin L.L. (2002) International Organizations and Institutions. *Handbook of International Relations* / W. Carlsnaes, T. Risse, B.A. Simmons. Thousand Oaks, CA: Sage Publications, p. 192–211.

Skriba A. (2014) Challenges of Eurasian Integration after the Ukrainian Crisis. *International Organisations Research Journal*, vol. 9, no 3. Available at: https://ioj.hse.ru/data/2014/12/12/1104743137/Страницы%20из%20IORJ_2014_3-8.pdf (accessed 07 February 2016).

Tellis A. (2015) *The Geopolitics of the TTIP and the TPP*. Carnegie Endowment for International Peace, 2 March. Available at: <http://carnegieendowment.org/2015/03/02/geopolitics-of-ttip-and-tpp> (accessed 07 February 2016).

Vilpišauskas R., Ališauskas R., Kasčiūnas L., Dambrauskaitė Ž., Sinica V., Levchenko I., Chirila V. (2012) *Eurasian Union: A Challenge for the European Union and Eastern Partnership Countries*. EESC, p. 22. Available at: <http://www.eesc.lt/uploads/news/id459/Eurasian%20Union-a%20Challenge%20for%20the%20European%20Union%20and%20Eastern%20Partnership%20Countries.pdf> (accessed 07 February 2016).

Walt S. (2009) Alliances in a Unipolar World. *World Politics*, vol. 61 (1), p. 86–120.

Wisniewska I. (2013) Eurasian Integration. Russia's Attempt at the Economic Unification of the Post-soviet Area. *OSW Studies*, no 44, July, p. 40. Available at: http://www.osw.waw.pl/sites/default/files/prace_44_eurasian-integration_net.pdf (accessed 07 February 2016).

Zarogski A. (2012) Russia's Neighborhood Policy. *Institute for Security Studies*, 14 February. Available at: <http://www.iss.europa.eu/de/publikationen/detail/article/russias-neighbourhood-policy/> (accessed 07 February 2016).

Сопряжение евразийской интеграции и Экономического пояса Шелкового пути: возможности для России¹

И.А. Макаров, А.К. Соколова

Макаров Игорь Алексеевич – к.э.н., старший научный сотрудник Центра комплексных европейских и международных исследований; доцент департамента мировой экономики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; Российская Федерация, 101000, Москва, ул. Мясницкая, 20; E-mail: imakarov@hse.ru

Соколова Анна Константиновна – стажер-исследователь Центра комплексных европейских и международных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; Российская Федерация, 101000, Москва, ул. Мясницкая, 20; E-mail: aksokolova@hse.ru

В статье рассматриваются возможности, которые открываются перед Россией в связи с запуском Китаем проекта Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП). Вопреки распространенному мнению, ЭПШП – это не просто транспортно-логистическая инициатива, имеющая целью обеспечить поставки китайских товаров в Европу. Это комплексный проект ускоренного развития стран Центральной Азии, являющийся реакцией Китая на экономико-политические процессы как внутри страны, так и в Азиатско-Тихоокеанском регионе в целом: замедление экономического роста и трансформацию модели социально-экономического развития, дивергенцию уровня доходов, усиление присутствия США в Азии, складывание новой схемы регионального разделения труда и т.д.

В основе ЭПШП лежит желание Китая выстроить устойчивые региональные цепочки добавленной стоимости, перенести трудоемкие и экологически неблагоприятные производства за пределы страны, дать толчок развитию северо-западных провинций, в том числе для поддержки политической стабильности в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, а также обеспечить заказами китайские строительные компании. Транзит товаров выступает лишь второстепенной целью, причем обусловлен он не коммерческой привлекательностью сухопутных маршрутов, а желанием диверсифицировать риски экспортных поставок в условиях обострения военно-политической обстановки на морях.

Совместное заявление России и Китая о сопряжении Евразийского экономического союза и ЭПШП, подписанное 8 мая 2015 г., снимает вопрос о якобы конкуренции двух форматов сотрудничества в Центральной Азии. ЕАЭС и ЭПШП – взаимодополняющие проекты. Первый имеет целью очертить институциональные рамки сотрудничества государств региона, а второй способен обеспечить инвестиционные ресурсы для их развития.

Россия может извлечь ряд выгод от участия в реализации проекта ЭПШП. Во-первых, он создаст возможности для интеграции российской транспортной системы в транспортно-логистическую сеть Евразийского региона, тем самым обеспечив дополнительные предпосылки как для транзита и предоставления сопутствующих логистических услуг, так и для выхода на растущие рынки стран региона. Во-вторых, ЭПШП будет способствовать укреплению промышленной кооперации между соседствующими странами, создаст возможности для формирования нескольких новых экономических производственных кластеров. В-третьих, ЕАЭС и ЭПШП могут стать ядром более амбициозного проекта сотрудничества в Большой Евразии, которая может превратиться в новый центр экономического развития глобального уровня.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз, Экономический пояс Шелкового пути, российско-китайские отношения

¹ Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2016 г.

Материал поступил в редакцию в феврале 2016 г.

8 мая 2015 г. подписано совместное заявление России и Китая о сопряжении Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП). Оно стало одним из главных достижений российской внешней политики за последние годы и важным шагом в рамках российского поворота на Восток.

Сопряжение, в случае если оно будет реализовано, позволит преодолеть потенциальные противоречия в Центральной Азии – наиболее острые из тех, что существуют между Россией и Китаем. Оно докажет, что ЭПШП и ЕАЭС являются не конкурирующими, а взаимодополняющими проектами: ЕАЭС предлагает институциональные рамки взаимодействия двух стран, а Китай способен предоставить инвестиционные ресурсы для совместных проектов. Такой формат создает предпосылки для полномасштабного экономического сотрудничества в регионе. В перспективе он может стать ядром еще более амбициозного проекта – сообщества Большой Евразии, которое способно стать новым центром экономического развития в мире на ближайшие десятилетия.

Экономический пояс Шелкового пути как часть инициативы «Один пояс – один путь»

Идея создания Экономического пояса Шелкового пути была официально представлена осенью 2013 г. Председатель КНР Си Цзиньпин во время своего визита в Астану предложил «создать экономическую зону Великого Шелкового пути, сделать поддерживаемые между евро-азиатскими странами экономические связи более тесными...»². При этом новый коридор вдоль Шелкового пути отличается от традиционной модели регионального сотрудничества тем, что не подразумевает взаимодействия путем учреждения наднациональной институциональной структуры. В ноябре 2014 г. глава КНР заявил о готовности Китая вложить 40 млрд долл. в фонд проекта ЭПШП для финансирования строительства и модернизации авто- и железных дорог, трубопроводов. В качестве основной цели этих мер называлось увеличение объемов торговли со странами Европы. В 2015 г. ЭПШП был включен в качестве одного из компонентов в китайский проект «Один пояс – один путь», предполагающий полномасштабную трансформацию логистической сети всей Евразии, включая обустройство морских маршрутов в Индийском океане (Морской шелковый путь, «Нить жемчуга»), осуществление логистических проектов в Юго-Восточной Азии, в Монголии, российском Приморье и даже, возможно, развитие Северного морского пути.

Инициатива «Один пояс – один путь» быстро получила развитие и сегодня уже не просто является набором инфраструктурных проектов, а приобретает черты комплексной стратегии, становится ключевым элементом внешней и внешнеэкономической политики Китая. О важности данной инициативы для страны свидетельствует то, что планы по развитию практически всех министерств и ведомств КНР были скорректированы с учетом необходимых шагов в рамках проекта «Один пояс – один путь» [Bondaz et al., 2015].

28 марта 2015 г. опубликован официальный документ «Концепция и план действий по содействию совместному строительству Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века». Концепция все еще имеет довольно абстрактный характер, географические рамки проекта остаются размытыми. При этом основ-

² Promote Friendship Between Our People and Work Together to Build a Bright Future // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China, 2013. Режим доступа: http://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjdt_665385/zyjh_665391/t1078088.shtml (дата обращения: 20.12.2015).

ной фокус ЭПШП – связать Китай с Центральной Азией, Россией и Европой, а также со странами Персидского залива и Средиземноморья. Морской Шелковый путь имеет два перспективных направления – из Китая в Европу через Южно-Китайское море и Индийский океан и через Южно-Китайское море в южную часть Тихого океана³.

В документе отмечается, что проект «Один пояс – один путь» является открытым для всех стран, международных и региональных организаций, а также создает основу для экономического сотрудничества КНР с заинтересованными странами. По словам Си Цзиньпина, «это не соло Китая, а симфония заинтересованных сторон» [Xi, 2015]. Китай готов вместе с другими странами работать над развитием инициативы, ее дополнением новыми проектами и задействовать многосторонние форматы сотрудничества, а также призывает к равноправным переговорам по международным вопросам⁴.

Под многосторонними форматами сотрудничества подразумеваются прежде всего ШОС, АСЕАН плюс Китай (10+1), АТЭС, Форум «Азия – Европа», Азиатский диалог по сотрудничеству, а также Программа Центральноазиатского экономического сотрудничества (ЦАРЭС) и Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА). Многосторонний характер инициативы «Один пояс – один путь» наглядно демонстрирует география государственных визитов Си Цзиньпина. С начала его президентства в 2013 г. он успел посетить Россию, Индию, Пакистан, Иран, Казахстан, Киргизию, Таджикистан, Белоруссию, Вьетнам, Сингапур, Республику Корея, Индонезию, Египет, Саудовскую Аравию и т.д.

В 2015 – начале 2016 гг. в рамках инициативы «Один пояс – один путь» подписано несколько международных документов. Наиболее значимым из них стало совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути, опубликованное 8 мая 2015 г. Уже в июне 2015 г. состоялось заседание российско-китайской рабочей группы, на котором были очерчены ключевые направления сотрудничества: крупные инфраструктурные проекты, формирование системы по защите взаимных инвестиций, поощрение капиталовложений и механизмов решения инвестиционных споров, а также, в долгосрочной перспективе, – отрасли высоких технологий, медицинских и образовательных услуг и развитие научного потенциала⁵. В июне 2015 г. в Уфе состоялись саммиты ШОС и БРИКС. В период их проведения прошла неформальная встреча лидеров стран ЕАЭС и глав государств БРИКС и ШОС, собравшая, по сути, все главные заинтересованные стороны проекта «Один пояс – один путь».

Начиная с 2014 г. развивается идея Морского Шелкового пути. Так, был учрежден Центр по управлению инвестициями в Морской Шелковый путь. Это частная компания, которая, в свою очередь, планирует создать «Банк Морского Шелкового пути» с капиталом 100 млрд долл. для инвестиций в развитие морских маршрутов [Bondaz et al., 2015]. Морской Шелковый путь является логичным продолжением применяемой Китаем в последнее десятилетие стратегии инвестирования в ключевые порты Индий-

³ Vision and Actions on Jointly Building Silk Road Economic Belt and 21st-Century Maritime Silk Road. With, Ministry of Foreign Affairs, and Ministry of Commerce of the People's Republic of China, with State Council authorization // National Development and Reform Commission. March 2015. Режим доступа: http://en.ndrc.gov.cn/newsrelease/201503/t20150330_669367.html (дата обращения: 20.10.2015).

⁴ Ibid.

⁵ Идея сопряжения проектов ЕАЭС и Экономического пояса Шелкового пути // Министерство экономического развития Российской Федерации. 2015. 27 августа. Режим доступа: <http://economy.gov.ru/minrec/press/interview/2015082704> (дата обращения: 20.10.2015).

ского океана и всего мира, получившей неофициальное название «Нить жемчуга» [Макаров и др., 2016].

Развитие морской и наземной инфраструктуры иногда осуществляется в комплексе. Например, в ноябре 2015 г. Китай подписал соглашение с Пакистаном об аренде глубоководного порта в Гвадаре (недалеко от границы с Ираном) сроком на 40 лет. Гвадар предполагается превратить в крупный пункт транспортировки китайской промышленной продукции и ориентированных на Китай природных ресурсов. В то же время он должен стать конечным пунктом китайско-пакистанского экономического коридора (КПЭК). В частности, железная дорога, связывающая Кашгар (Синьцзян-Уйгурский автономный район, Западный Китай) с Гвадаром, должна сократить путь из Китая в Пакистан с 12 дней до 36 часов⁶.

Далеко не все государства поддерживают инициативы Китая. Так, например, Индия настороженно относится к идее Морского Шелкового пути, считая, что он усилит влияние Китая в Индийском океане. Она же выступает против строительства КПЭК, затрагивающего спорный регион Кашмир. Развитие Морского Шелкового пути напрямую затрагивает интересы стран АСЕАН. А в России многие считают ЭПШП инструментом экспансии Китая в страны Центральной Азии. В странах Запада этот проект сравнивают с планом Маршалла – в обоих случаях ведущая держава использует свою экономическую мощь для решения внешнеполитических задач [Nabova, 2015].

Китай отрицает какой-либо конфликтный потенциал проекта «Один пояс – один путь», подчеркивая, что «мегапроект является открытой и инклюзивной инициативой, направленной на региональную кооперацию»⁷. Всячески подчеркивается сугубо коммерческий характер проекта. Однако среди экспертов, а иногда даже среди китайских официальных лиц единства в вопросах его позиционирования не наблюдается [Денисов, 2015]. К примеру, генерал-майор Народно-освободительной армии Китая Цяо Лян отмечает, что «Один пояс – один путь» – это ответная стратегия на американский «поворот к Азии»⁸. Эксперты Университета национальной обороны НОАК Чжао Чжоусянь и Лю Гуанмин заявляют, что ЭПШП «расширяет стратегическое пространство безопасности вокруг Китая, стабилизирует поставки энергетических ресурсов, обеспечивает экономическую безопасность и прорыв стратегического окружения по сдерживанию КНР» [Там же]. Президент Ассоциации Азиатско-Тихоокеанских исследований Китая Чжан Юньлин (China Association of Asia-Pacific Studies) признает, что концепция «отражает международное стратегическое мышление нового лидера КНР» [Чен, 2015]. Проблема состоит в том, что такое мышление никогда не было свойственно китайским лидерам. Китай меньше, чем какая-либо другая крупная держава, был нацелен на внешнеполитическую экспансию. Даже после начала бурного роста в последней трети XX в. в международных делах он реализовывал сформулированный Дэн Сяопином принцип «скрывать свои возможности и держаться в тени» [Денисов, 2015]. Инициатива Си Цзиньпина – совершенно новое для Китая явление, противоречащее типичным для него моделям поведения, а потому хаотичность комментариев китайской

⁶ Foreign Ministry Spokesperson Hong Lei's Regular Press Conference on 12 November, 2015 // Ministry of Foreign Affairs, the People's Republic of China. Режим доступа: http://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/xwfw_665399/s2510_665401/t1314306.shtml (дата обращения: 20.12.2015).

⁷ Foreign Ministry Spokesperson Lu Kang's Regular Press Conference on 29 December, 2015 // Ministry of Foreign Affairs, the People's Republic of China. Режим доступа: http://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/xwfw_665399/s2510_665401/t1328578.shtml (дата обращения: 15.01.2016).

⁸ Gen Qiao Liang One belt, One Road // Eurasian Review of Geopolitics. 2015. July 15. Режим доступа: http://temi.repubblica.it/limes-heartland/one-belt-one-road/2070?refresh_ce (дата обращения: 06.03.2016).

политической и интеллектуальной элиты хорошо объяснима. Впрочем, Чжан Юньлин объясняет, что эта инициатива «соответствует основному тренду эпохи в отношении мира, сотрудничества и взаимной выгоды», и сетует, что «соответствующие страны региона еще недостаточно подготовились к этому с психологической точки зрения» [Чен, 2015].

Как бы то ни было, инициатива «Один пояс – один путь» будет реализовываться в долгосрочной перспективе. Согласно посвященному ей исследованию Народного университета Китая, на завершение всех намеченных проектов уйдет около 35 лет. Таким образом, они могут быть завершены в 2049 г., к 100-летию юбилею основания КНР [Bondaz et al., 2015]. Иногда о реализации инициативы «Один пояс – один путь» говорят как о периоде «нового тридцатилетия», делая отсылку к предыдущим периодам правления Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина [Ibid.]. А масштаб проекта иллюстрирует тот факт, что он должен объединить страны, на которые в настоящее время приходится около 55% мирового ВВП, порядка 70% населения и 75% разведанных энергоресурсов⁹.

Механизмы финансирования инициативы «Один пояс – один путь»

Сегодня в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) существует несколько ключевых институтов, осуществляющих финансирование проектов в сфере транспортной инфраструктуры, которые могут сыграть ключевую роль в развитии инициативы «Один пояс – один путь». Это Фонд Шелкового пути (ФШП), Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ), Новый банк развития БРИКС, Азиатский банк развития (АБР). Все они либо учреждены Китаем, либо функционируют при его непосредственном участии.

Фонд Шелкового пути был основан КНР в начале 2015 г., а его уставный капитал составляет 40 млрд долл. Изначально предполагалось, что Фонд будет специализироваться на транспортно-логистических проектах, однако его сфера деятельности оказалась гораздо шире. Первые инвестиции Фонда объемом 1,65 млрд были осуществлены в апреле 2015 г. в строительство ГЭС в Пакистане (ориентированной на развитие КПЭК). Вторым инвестиционным проектом, профинансированным Фондом в июне 2015 г., стало приобретение Китайской национальной химической корпорацией итальянской компании по производству автомобильных шин Pirelli¹⁰.

В сентябре 2015 г. ФШП подписал рамочное соглашение с российским ОАО «НОВАТЭК». Фонду перешла доля 9,9% в одном из самых амбициозных российских газовых проектов – «Ямал СПГ». Это проект завода на базе Южно-Тамбейского месторождения общей стоимостью 27 млрд долл., предусматривающего три линии по 5,5 млн тонн сжиженного природного газа в год. Другими акционерами проекта являются собственно «НОВАТЭК» (теперь ему принадлежит 50% + 1 акция), французская Total (20%) и китайская CNPC (20%)¹¹.

⁹ What can the New Silk Road do for global trade? // World Economic Forum. 2015. September 22.

¹⁰ The Silk Road Fund Teams Up with Chem China to invest in Pirelli // Silk Road Fund. 2015. June 5. Режим доступа: <http://www.silkroadfund.com.cn/enweb/23809/23812/26968/index.html> (дата обращения: 21.01.2016)

¹¹ «НОВАТЭК» заключил рамочное соглашение о приобретении Фондом Шелкового Пути доли в «Ямал СПГ», пресс-релиз, 2015 г. Режим доступа: http://www.novatek.ru/ru/press/releases/index.php?id_4=984 (дата обращения: 21.09.2015)

Российский фонд прямых инвестиций (РФПИ), Внешэкономбанк и Фонд Шелкового пути подписали соглашение о сотрудничестве в области инвестиций в приоритетные области экономики России и Китая, в том числе в транспорт и нефтехимию¹².

По сообщениям китайских СМИ, в начале сентября руководство ФШП посетило Таджикистан с целью осмотра строящегося завода по переработке хлопка в Дангаре. В рамках проекта предполагается, что 15 тыс. гектаров в четырех районах Хатлонской области на юге Таджикистана будут переданы в аренду совместному таджикско-китайскому предприятию «Джунтай-Хатлон-Син Силу» сроком на 49 лет под возделывание хлопчатника.

Другим недавно созданным региональным экономическим институтом стал Азиатский банк инфраструктурных инвестиций. Он был учрежден 29 июня 2015 г. по инициативе Китая и аккумулирует средства объемом 100 млрд долл. По словам Си Цзиньпина, Банк «обеспечит стимулы для экономического роста в Азии и в остальном мире». Первоочередная задача АБИИ – «направить ресурсы, частные инвестиции в инфраструктурные проекты в Азии»¹³.

В настоящий момент в АБИИ участвуют 57 стран¹⁴. Наибольшая доля в уставном капитале АБИИ принадлежит Китаю – 29,78 млрд долл., что дает 26,06% голосов и, по сути, право вето на решения Банка. Россия по размеру вклада находится на третьем месте, вслед за Индией (7,51% голосов). Размер ее вклада составляет 6,54 млрд долл., что соответствует 5,92% голосов¹⁵. Кроме того, в Совет управляющих в АБИИ от России в январе 2016 г. был избран министр экономического развития Российской Федерации А.В. Улюкаев¹⁶. Участие России в АБИИ является реальной возможностью привлечения средств для развития внутренних инфраструктурных проектов. Предложения по ним с российской стороны в настоящее время готовятся¹⁷.

Частично в развитии инфраструктуры в Центральной Азии может участвовать Новый банк развития БРИКС, начавший работу 21 июля 2015 г. Деятельность этой организации направлена на финансирование проектов в области инфраструктуры и энергетики, территориально относящихся к странам – членам БРИКС. Финальный перечень проектов пока еще не сформирован, однако их отбор и распределение финансирования планируется осуществить уже в 2016 г.

Старейшим среди институтов развития региона, способных участвовать в реализации инициативы «Один пояс – один путь», является Азиатский банк развития (основан в 1966 г.). Он финансирует проекты в сфере сельского хозяйства, природных ресурсов, образования и здравоохранения, энергетики и финансов. В 2014 г. АБР пре-

¹² RDIF, Silk Road Fund and Vnesheconombank finalize cooperation agreement // Russian Direct Investment Fund, 2015. Режим доступа: http://www.rdif.ru/Eng_fullNews/1498 (дата обращения: 12.10.2015)

¹³ Full text of Chinese President Xi Jinping's address at AIIB inauguration ceremony. Режим доступа: http://usa.chinadaily.com.cn/china/2016-01/16/content_23116822_2.htm (дата обращения: 21.01.2016).

¹⁴ Signing and Ratification Status of the AOA of the AIIB // Asian Infrastructure Investment Bank. 2015. Режим доступа: <http://euweb.aiib.org/html/aboutus/introduction/Membership/?show=0> (дата обращения: 20.05.2016).

¹⁵ Asian Infrastructure Investment Bank Articles of Agreement. Режим доступа: <http://www.aiib.org/u/ploadfile/2015/0814/20150814022158430.pdf> (дата обращения: 21.09.2015).

¹⁶ Minister of Economic Development of the Russian Federation Alexey Ulyukhaev is appointed executive representing Russia in the newly created Asian Infrastructure Investment Bank // Ministry of Economic Development of the Russian Federation. 2016. January 16. Режим доступа: <http://economy.gov.ru/en/home/press/news/2016180101> (дата обращения: 02.02.2016).

¹⁷ Улюкаев А.В. Выступление на инаугурационном заседании Совета управляющих Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ). 2016. 16–17 января. Пекин (КНР).

доставил примерно 23 млрд долл. в форме займов и грантов в различных областях¹⁸. Часть из них пришлась и на Центральную Азию, где Банк реализует ряд инициатив в рамках программы Центральноазиатского регионального экономического сотрудничества (ЦАРЭС). Все страны ЦАРЭС являются развивающимися странами – членами АБР. С 1996 г. АБР осуществил инвестиции в 158 проектов в ЦАРЭС на общую сумму 24,6 млрд долл.¹⁹

Потенциал АБР для развития инициативы «Один пояс – один путь» неочевиден. Среди всех перечисленных институтов развития влияние Китая здесь минимально, при этом велика роль Японии, относящейся к проекту «Один пояс – один путь» в лучшем случае нейтрально. Так или иначе, отдельные проекты в Центральной Азии АБР финансировать способен.

Российская сторона предполагает, что перечисленные институты могут предоставить финансирование для реализации ряда проектов и в России, в первую очередь транспортных – например, высокоскоростной железнодорожной магистрали (ВСМ) Москва – Казань с вероятностью ее продления до Екатеринбурга и далее через Астану до Пекина, а также автомагистрали Западный Китай – Западная Европа с выходом на Казань и Санкт-Петербург. Высока вероятность того, что на пересечении взаимных интересов окажутся и некоторые энергетические проекты Дальнего Востока и Сибири, в частности в сфере гидроэнергетики или ВИЭ.

Экономический пояс Шелкового пути как транзитный маршрут

В России Экономический пояс Шелкового пути нередко воспринимается как транзитный коридор, нацеленный на обслуживание экспорта китайских товаров в Европу. В этой связи обсуждение данного проекта обычно сводится к сравнению маршрутов, часть которых проходит по территории России, а часть обходит ее с юга.

Первый вариант – транзит по Транссибирской магистрали на всем ее протяжении, т.е. с выходом из Китая в Россию в Приморском крае. С учетом фрахта стоимость доставки груза от Шанхая до Бреста по этому маршруту составит порядка 2,2 тыс. долл. за ТЕУ (двадцатифунтовый контейнер) [Бордачев и др., 2015]. Однако предельная мощность этого маршрута из-за загруженности Транссиба уже достигнута. Транзитные возможности железной дороги планируется расширить по итогам реализации программы развития БАМа и Транссиба. Общая сумма инвестиций составляет 562 млрд руб. Но реконструированный Транссиб, с учетом амбициозной программы развития Дальнего Востока, предполагается широко использовать как канал экспорта, а потому грузопоток по нему будет увеличиваться параллельно росту пропускной способности [Макаров и др., 2016]. Использование Транссиба для целей экспорта неизбежно будет конкурировать с развитием транзита.

Второй вариант – перевозка китайских грузов в Россию через Казахстан. Выход в Россию возможен в Западной Сибири (маршрут Урумчи – Омск – Москва – страны ЕС). Стоимость доставки из Западного Китая при таком варианте маршрута составит около 1300 долл. за ТЕУ. Пока большая часть действующих участков маршрута используется не более чем на 20% их мощности, но для увеличения грузооборота требуются существенные инвестиции, направленные на разгрузку Западно-Сибирской железной дороги – на этот относительно небольшой участок Транссиба приходится более 20%

¹⁸ ADB 2014 Annual Report // Asian Development Bank. Режим доступа: <http://www.adb.org/documents/adb-annual-report-2014> (дата обращения: 01.02.2016)

¹⁹ Ibid.

погрузки всех железных дорог страны²⁰. Выход в Россию из Казахстана возможен также в Оренбургской области. Это единственный путь, который сейчас регулярно функционирует: в настоящее время существует около 30 маршрутов регулярных контейнерных поездов. Так, с 2011 г. осуществляется регулярная поставка мониторов и ноутбуков Hewlett-Packard контейнерными поездами, следующими по маршруту Чунцин (Китай) – Дуйсбург (Германия). С 2012 г. примерно один раз в неделю по Транссибу курсирует поезд Чэнду (Китай) – Лодзь (Польша). Однако расширение использования этого маршрута потребует существенных инвестиций в модернизацию инфраструктуры [Макаров и др., 2016].

В октябре 2014 г. китайские инвесторы заявили о готовности вложения средств в строительство высокоскоростной магистрали Москва – Казань при условии продления железной дороги до Пекина. Подписан соответствующий меморандум о намерениях. Изначально планировалось, что магистраль Москва – Пекин пройдет через Екатеринбург, Астану, Иркутск, Улан-Батор и Хабаровск. Затем появились сведения, что, согласно китайскому проекту, железная дорога может из Астаны повернуть не в Восточную Сибирь, а в Сынцзян-Уйгурский автономный район и далее следовать по территории Китая. Время пути от Москвы до Пекина сократится втрое – с шести до двух суток. Стоимость этого проекта составит порядка 245 млрд долл. Судя по всему, именно эта железная дорога ляжет в основу планов по сопряжению проектов Экономического пояса Шелкового пути и ЕАЭС. Хотя некоторые важные детали (например, ширина колеи и формат привлечения китайских подрядчиков) еще не согласованы, открытие маршрута уже намечено на 2020 г. Предполагается, что ВСМ Москва – Казань «станет модельным проектом для российско-китайского взаимодействия в области транспорта и инфраструктуры»²¹.

Третий вариант – транзит из Китая в Европу в обход России. Самый дешевый маршрут в рамках данной группы – через Казахстан и Иран. Стоимость доставки составит около 1700 долл. за TEU, но для достижения этого показателя необходимы инвестиции объемом около 2 млрд долл. Альтернативный маршрут через казахстанский порт Актау с переправкой грузов через Каспийское море в Баку, далее в Потти и по Черному морю в Констанцу является самым дорогим для перевозчиков: до 5 000 долл. за TEU. При условии масштабных (8 млрд долл.) инвестиций в контейнерные мощности в Баку, порт в Потти, реконструкцию дорог, строительство туннелей и контейнерно-логистических центров, стоимость перевозок снизится до 1500 долл. за TEU [Бордачев и др., 2015]. Из Баку маршрут может быть направлен в Карс (через Нахичевань или Тбилиси), а далее через Стамбул по железной дороге в Европу. В такой модификации этот путь во многом повторяет проект TRASECA, инициированный еще в 1993 г. Европейским союзом, но не получивший должного продолжения из-за недостатка финансирования. Развитие маршрута через Турцию потребует, однако, еще большего объема инвестиций [Vigucov, 2014].

Перечисленные маршруты нередко рассматриваются в качестве альтернативы традиционному пути поставок продукции из Китая в Европу – маршруту через Малаккский пролив и Суэцкий канал. Но основной недостаток сухопутных маршрутов по сравнению с морским – их более высокая стоимость. Морские суда способны перевозить свыше 10 тыс. контейнеров за рейс, а поезда – не более 500 [Макаров и др.,

²⁰ Западно-Сибирская железная дорога. Дорога в цифрах. Режим доступа: http://zszd.rzd.ru/static/public/ru?STRUCTURE_ID=60 (дата обращения: 06.03.2015).

²¹ Интервью информационным агентствам ТАСС и «Синьхуа». 2015. 1 сентября. Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/50207> (дата обращения: 01.10.2015).

2016]. За счет этого при перевозке грузов морем достигается огромная экономия от масштаба. В целом сухопутные маршруты практически ни при каких обстоятельствах не могут быть дешевле морских: средняя стоимость перевозки по морскому маршруту Шанхай – Европа в начале 2016 г. составила 932 долл. за TEU²². Неудивительно, что в настоящий момент на сухопутные маршруты (преимущественно на путь через Казахстан с выходом на Россию в Оренбургской области) приходится менее 1% всего объема китайско-европейского грузооборота.

Едва ли можно ожидать, что в будущем эта доля значительно возрастет. Рост товарооборота между Китаем и Европой устойчиво замедляется. Если в 2005–2011 гг. среднегодовые темпы его прироста составляли 22,5%, то после 2011 г. они снизились до 2,8%, даже с учетом роста на 10% в 2014 г.²³ Темпы экономического роста Китая замедляются, ЕС так и не вернулся к стабильному экономическому росту после финансово-экономического кризиса. Вместе с тем происходит наращивание мощностей контейнерных перевозок, что приведет к дальнейшему снижению стоимости прохождения по традиционным морским маршрутам. Так, по итогам 2015 г. наращивание мощностей мирового торгового флота составило около 7%. Наблюдается увеличение разрыва между предложением и спросом на перевозки – последний вырос лишь на 1,5–2%, и это даже несмотря на низкие цены на нефть [Costas, 2015]. Результатом становится дальнейшее падение тарифов. Таким образом, никаких предпосылок к тому, чтобы сухопутные маршруты стали коммерчески привлекательными, пока не предвидится.

Безусловно, для развития сухопутного транзита имеются некоторые неэкономические факторы. В частности, увеличивается военное присутствие США в Индийском океане и в АТР, обостряется военно-политическая ситуация в Южно-Китайском море, существуют некоторые ограничения пропускной способности Суэцкого канала, а безальтернативность Малаккского пролива ставит китайский экспорт в опасную зависимость от Сингапура [Quand Meng, 2012]. Все это заставляет Китай диверсифицировать направления экспортных потоков, и Экономический пояс Шелкового пути (как и проект «Один пояс – один путь» в целом) частично подчинен этой задаче. В этой связи ЭПШП, безусловно, имеет функцию транзитного коридора, однако сводить проект к ней одной, как это нередко делается в российских СМИ и даже в экспертном сообществе, было бы как минимум упрощением. Китаю проект ЭПШП нужен не для транзита.

Экономический пояс Шелкового пути как пояс развития

Распространенное в России представление об ЭПШП как о не более чем транзитном маршруте базируется на устоявшихся в нашей стране историко-культурных традициях. Во-первых, Россия привыкла рассматривать себя в качестве моста между Европой и Азией, поэтому в рамках ЭПШП именно теме европейско-азиатского взаимодействия уделяет максимальное внимание.

Во-вторых, мы находимся под влиянием термина «Великий Шелковый путь», введенного еще в 1877 г. немецким историком Ф. Рихтгофеном и прочно укоренившегося в европейской исторической традиции [Воробьев, 2014]. Эта красивая метафора, однако, искажает смысл описываемого ею объекта, создавая представление о нем как о некоем устойчивом торгово-транспортном маршруте, как будто расположенные на

²² Shanghai Containerized Freight Index // Shanghai Shipping Exchange. 2016. Режим доступа: http://en.sse.net.cn/indices/scfi_new.jsp (дата обращения: 05.02.2015).

²³ По данным UN Comtrade.

его протяжении страны выступают исключительно в качестве транзитного пространства между Китаем и Европой. На самом деле Великий Шелковый путь никогда не был транзитным. Торговые операции совершались во многих городах, и практически не существовало никаких грузов и тем более торговцев, которые проходили путь от начала до конца. Пример Марко Поло был едва ли не единственным, потому он настолько известен.

Если смотреть на Великий Шелковый путь глазами китайцев, интерпретация этого термина будет иной. Китайское прохождение маршрута в западном направлении ограничивалось территорией современных Афганистана и Узбекистана, а в период Средневековья вообще редко выходило за пределы торгового обмена с арабскими купцами в Сиане. В китайском понимании точнее говорить о Великом Шелковом пути как о географическом поясе, включающем ряд относительно богатых государств, осуществлявших достаточно интенсивный торговый обмен. Это не торговый маршрут, а скорее пояс развития. Именно слово «пояс» (а не «путь») является ключевым для понимания целей текущего китайского проекта.

Запуск ЭПШП – это не попытка снизить транспортные издержки при поставках товаров в Европу, а реакция на глубинные экономико-политические изменения, происходящие как внутри самого Китая, так и в Азиатско-Тихоокеанском регионе в целом.

Во-первых, происходит структурная трансформация модели социально-экономического развития Китая – упор перенесен с наращивания экспортоориентированных производств на развитие внутреннего потребления и сферы услуг. Эта трансформация протекает со множеством трудностей – реформы буксуют, а темпы экономического роста Китая начиная с 2011 г. непрерывно замедляются. Нужны новые источники роста, и крупные инфраструктурные проекты, связывающие запад страны с Центральной Азией, являются одним из них.

Во-вторых, Китай постепенно перестает играть роль мировой фабрики и сам превращается в крупный центр потребления. Дивергенция доходов внутри Азиатско-Тихоокеанского региона приводит к углублению внутрирегионального разделения труда. Весь азиатский регион постепенно переориентируется с модели «Азия для мира» на модель «Азия для Азии» [Bordachev, Likhacheva, Xin, 2014]: складываются новые региональные цепочки добавленной стоимости, где на Китай приходится верхние их звенья. А трудоемкие, грязные и/или энергоемкие производства переносятся из Китая в другие страны региона: сначала в Бангладеш, бедные страны Юго-Восточной Азии, Монголию, а теперь и в Центральную Азию.

В-третьих, трансформируется разделение труда и внутри Китая. Лидерами по темпам роста становятся относительно бедные центральные и западные провинции, куда переносятся трудоемкие производства и где еще есть резерв экстенсивного расширения хозяйствования. Эта тенденция поддерживается руководством страны, заинтересованным в выравнивании региональных диспропорций. Инфраструктурные проекты и углубление кооперации с Центральной Азией способствуют достижению этой цели.

В-четвертых, замедление экономического роста обостряет проблему нестабильности в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР) на северо-западе Китая. Около 45% населения данного региона составляют уйгуры – мусульманский тюркский народ. Его конфликт с китайцами уходит корнями в тысячелетия, а уйгурский сепаратизм стал одной из главных проблем внутренней политики Китая последнего десятилетия. Ускоренное развитие СУАР и усиление его экономических связей с другими провинциями Китая и с соседними мусульманскими странами – одно из возможных лекарств.

В-пятых, в процессе реализации крупных инфраструктурных проектов и активного строительства недвижимости в Китае выросла гигантская строительная отрасль, обеспечивающая работой десятки миллионов человек. К настоящему времени крупнейшие проекты на востоке Китая завершены, а пузырь на рынке недвижимости лопнул еще в 2014 г. Китайским строительным компаниям становится тесно внутри страны. Транспортные проекты в Центральной Азии, а тем более полноценные транзитные маршруты в Европу — идеальное решение проблемы [Габуев, 2015].

Перечисленные факторы дают основания полагать, что транзит в стратегическом плане едва ли является первостепенной задачей ЭПШП. Однако это вовсе не значит, что транзитные маршруты в Европу не будут построены. Наоборот, так как стоимость перевозок из Китая в Европу не является ключевым фактором при реализации проектов, в рамках ЭПШП может быть проложено даже несколько трансевразийских маршрутов, если это будет соответствовать китайским интересам. Последние состоят в организации в Центральной Азии нового центра экономического развития: он примет некоторые переносимые из Китая производства, позволит облегчить доступ к природным ресурсам региона, ускорить развитие северо-западных провинций и дать работу китайским строительным подрядчикам.

ЭПШП и ЕАЭС: конкуренция или партнерство?

Объявление Китаем амбициозных планов развития ЭПШП на первых порах было воспринято настороженно в российском экспертном сообществе. Преобладало предположение, что эта инициатива является конкурентом Евразийскому экономическому союзу [Fedorenko, 2013; Шаймергенов, 2015; Ларин, 2015]. Это изначально было не совсем верно, ведь проекты имели абсолютно разные форматы. Китайский, в частности, не предполагал какой-либо институционализации.

Такая точка зрения отражала общее разочарование как политической элиты, так и многих экспертов в том, что Россия за последнее десятилетие существенно ослабила свои позиции в Центральной Азии и беспрепятственно уступила Китаю статус главного действующего лица в регионе. Товарооборот между Китаем и пятью центрально-азиатскими республиками бывшего СССР — Казахстаном, Киргизией, Таджикистаном, Туркменией и Узбекистаном — вырос, по данным МВФ, с 1,8 млрд долл. в 2000 г. до 50 млрд в 2013 г., затем немного сократился из-за падения цен на сырье (до 45,1 млрд долл.)²⁴. Еще несколько лет назад он превысил товарооборот этих стран с Россией, который составил 35 млрд долл. в 2013 г. и 29 млрд долл. в 2014 г.²⁵

По оценкам Европейской комиссии, уже в 2013 г. Китай был крупнейшим торговым партнером Киргизии (47,6% от общего товарооборота республики), Таджикистана (26,9%), Туркменистана (42,7%) и Узбекистана (22,5%). Россия же была вторым партнером для Киргизии (19,7%) и Узбекистана (20,6%), третьим для Казахстана (21,1%) и четвертым для Таджикистана (10,4%) и Туркменистана (7,8%) [Fattibene, 2015].

Китай не только значительно увеличил объемы торговли со странами Центральной Азии, но и осуществляет масштабные инвестиции в регион. Так, в 2015 г. КНР одобрила Казахстану инвестиционный пакет на сумму 30 млрд долл., Узбекистану — 15 млрд долл., Киргизии — 3 млрд долл. Это сильно превышает общий объем российских инвестиций в регион в целом за 2013–2014 гг. — около 15 млрд долл. В целом воз-

²⁴ По данным МВФ.

²⁵ По данным Росстата.

возможности России по наращиванию инвестиций в Центральную Азию несопоставимы с китайскими²⁶.

У России не было никаких шансов остановить усиление китайского присутствия в регионе. Оно было неизбежно в силу экономического потенциала КНР и объективных факторов, толкающих Китай на Запад. Альтернатив укреплению сотрудничества с Китаем не было и у центральноазиатских республик. Китайские средства как минимум для четырех из них (за исключением Казахстана) – главный источник инвестиционных ресурсов и ключевой фактор обеспечения политической стабильности в условиях слабых институтов и тяжелой внешнеполитической обстановки (вывод американских войск из Афганистана, деятельность ИГИЛ и т.д.).

России важно было получить гарантии того, что Китай будет уважать политические интересы России в странах Центральной Азии. Это было достигнуто за счет подписания Совместного заявления о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути. Оно, в частности, гарантирует, что «стороны... будут предпринимать согласованные усилия по взаимному сопряжению процессов строительства ЕАЭС и Экономического пояса Шелкового пути. Они будут налаживать совместную работу в двусторонних и многосторонних форматах, прежде всего на площадке Шанхайской организации сотрудничества, твердо придерживаясь принципов транспарентности, взаимного уважения, равноправия, взаимодополняемости различных интеграционных механизмов и открытости для всех заинтересованных сторон в Азии и Европе»²⁷.

Важно понимать, что само по себе Совместное заявление не решит всех проблем взаимодействия Китая и России в Центральной Азии. Влияние Китая на политику государств региона неизбежно будет возрастать. Это касается даже стран, входящих в ЕАЭС. И Казахстан, и Киргизия по-прежнему предпочитают вести диалог с Китаем в двустороннем формате, что не вполне устраивает Россию. Впрочем, такие же претензии предъявляются и к самой России. Иногда это вполне обоснованно – даже Совместное заявление было подписано В.В. Путиным без участия партнеров по ЕАЭС.

Отдельные противоречия присутствуют и в стратегическом видении перспектив ЭПШП различными сторонами. Китай заинтересован, прежде всего, в расширении доступа к природным ресурсам. Россия и Казахстан, наоборот, хотят развивать на своих территориях производства с высокой добавленной стоимостью. Китай предпочитает, чтобы инфраструктурные проекты реализовывались китайскими компаниями с использованием китайских рабочих. Однако государства ЕАЭС, особенно Россия и Казахстан, с подозрением относятся к идее привлечения трудовых ресурсов из Китая, обоснованно задаваясь вопросом о целесообразности осуществления проектов на таких условиях. В железнодорожных проектах один из ключевых вопросов – ширина колеи. Китай заинтересован в использовании европейской колеи шириной 1435 мм, в то время как на постсоветском пространстве стандартной является ширина 1520 мм.

Значение подписанного 8 мая документа не в том, что он разрешает все эти противоречия, а в том, что создает платформу для их обсуждения и поиска компромиссов. Однако для того, чтобы воспользоваться преимуществом этой платформы, предстоит еще большая работа.

²⁶ Как провалился поворот на Восток // *Znak.com*. 2016. 19 января. Режим доступа: https://www.znak.com/2016-01-19/kitay_ne_saset_putinomiku_i_ne_sobiralsya (дата обращения: 06.03.2016).

²⁷ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути, 2015. Режим доступа: <http://kremlin.ru/supplement/4971> (дата обращения: 04.06.2015).

Серьезные усилия необходимы и для реального (а не только декларируемого) привлечения китайских инвестиций. В конце 2015 – начале 2016 гг. в российских СМИ и в экспертном сообществе началась масштабная критика российского поворота на Восток, в том числе и в части российско-китайских отношений. Товарооборот России с Китаем за 2015 г. снизился примерно на 30% (правда, его доля в российском товарообороте при этом даже возросла); китайские инвестиции, несмотря на огромное количество договоров о намерениях, в Россию массово так и не пришли; не увенчались успехом и попытки российских компаний и банков заместить европейские кредиты китайскими²⁸. Во многом критика поворота обусловлена завышенными ожиданиями, которые были у некоторых его сторонников на заре поворота. В условиях рецессии в российской экономике и наложенных на страну санкций едва ли изначально правомерно было предполагать, что предпринимаемые усилия по привлечению зарубежного капитала на Дальний Восток России и по интеграции страны в АТР дадут результат за год-полтора.

Как бы то ни было, неудачи на азиатском направлении 2015 г., притом что их не стоит преувеличивать, могут послужить хорошим уроком. Политическое сближение с Китаем не может быть панацеей: российская экономика в рамках текущей модели развития и при нынешней международной обстановке – рискованное место для вложений, и Китай не будет ради геополитических целей осуществлять какие-либо проекты в ущерб своим коммерческим интересам. В этой связи Совместное заявление о сопряжении ЕАЭС и ЭПШП не следует трактовать как прорыв в инвестиционном сотрудничестве двух государств. Для инвестиций следует создавать условия независимо от политических договоренностей.

Подписанный документ означает лишь то, что Китай подтверждает открытый характер ЭПШП и приглашает Россию (как и другие страны) к сотрудничеству в Центральной Евразии вместо стихийного наращивания инвестиций, которое имело место до того. Из этого следует, что у России появляются возможности извлекать выгоды из развития региона. На настоящий момент главная задача – их четко определить.

ЭПШП и возможности России

Перед Россией в связи с реализацией проекта ЭПШП и договоренностями о сопряжении его с ЕАЭС возникают три основные группы возможностей: интеграция в транспортно-логистическую сеть Евразийского региона, укрепление трансграничной промышленной кооперации и, в стратегическом плане, расширение и углубление интеграционных процессов в регионе вплоть до создания полномасштабного сообщества Большой Евразии как нового центра силы.

В области интеграции в транспортно-логистическую сеть Евразийского региона наиболее очевидны возможности транзита. На данный момент наиболее удобным и дешевым среди транзитных путей Китай – Европа является маршрут Ляньюнган – Чжэнчжоу – Ланьчжоу – Урумчи – Хоргос – Алматы – Кызылорда – Актобе – Оренбург – Казань – Нижний Новгород – Москва – Санкт-Петербург с выходом на порты Балтийского моря. Важное преимущество этого маршрута – прохождение на пути из Китая в Европу лишь двух таможенных границ – между Китаем и ЕАЭС и ЕАЭС и ЕС [Бордачев и др., 2015].

²⁸ Коростиков М. Уроки китайского // Коммерсантъ-Власть. 2016. 8 февраля. Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/2906658> (дата обращения: 06.03.2016).

Важно понимать, что просто строительство железнодорожного полотна, а тем более усилиями китайских подрядчиков и, возможно, по китайским стандартам, едва ли принесет России какие-либо выгоды. Важно обустройство на протяжении маршрута современных логистических центров. Именно они, а не железная дорога как таковая, могут позволить существенно снизить транспортные издержки при производстве и поставке любой продукции и, таким образом, повысить конкурентоспособность производств и способствовать расширению экономической активности в соответствующих городах.

Второе ключевое направление – развитие меридиональных транспортных маршрутов. Дополнение преимущественно широтной транспортной инфраструктуры региона коридорами по направлению Север – Юг позволит обеспечить доступ российских товаров к растущим рынкам стран Центральной и Южной Евразии: Северо-Западного Китая, Ирана, Узбекистана, Афганистана, Пакистана, Индии [Бордачев и др., 2015]. Некоторые из проектов имеют все возможности привлечь финансирование АБИИ или ФШП.

Серия автомобильных дорог от Южного Урала и Сибири к Алматы, Ташкенту, а в перспективе – к Афганистану и Ирану могла бы дать мощный толчок аграрному кластеру юга Сибири. Международный транспортный коридор «Север – Юг», соединяющий индийский Мумбаи и иранский порт Бендер-Аббас с Москвой и Санкт-Петербургом с дальнейшей возможностью выхода в Европу, уже обслуживает грузы, хотя пока в небольших объемах.

В Восточной Сибири примером перспективного меридионального маршрута может стать железная дорога Кызыл – Курагино, если она будет продлена на юг в Монголию и Западный Китай. Интеграция территорий Востока России в китайские транспортные инициативы возможна также за счет китайско-монголо-российского экономического коридора [Макаров и др., 2016]. Соответствующее предложение было представлено министром иностранных дел КНР Ван И весной 2014 г. По его утверждению, инициатива будет означать объединение китайского проекта «Один пояс – один путь», монгольской идеи «Степного пути» и российской идеи Трансъевразийского коридора²⁹.

Наконец, еще одним способом для России интегрироваться в меняющуюся транспортную систему Евразии является развитие авиахабов. В Центральной Евразии крупные авиахабы отсутствуют, в то время как развитие экономической активности в регионе, а также продолжающийся рост числа полетов из Азии в Европу и обратно создают все предпосылки для того, чтобы в этом регионе появились крупные узлы авиасообщения. Ведущие сибирские города, такие как Красноярск и Новосибирск, имеют хорошие возможности для того, чтобы стать таковыми. Создание в них крупных транспортно-логистических центров даст мощный толчок развитию сервисных производств, которые гармонично дополняют действующую промышленную и научно-образовательную специализацию этих городов и превратят их в значимые центры экономического развития.

Кроме развития транспортной составляющей, проект ЭПШП способен придать импульс развитию трансграничной производственной кооперации. Например, укрепится взаимодействие между металлургическими заводами Урала и казахстанскими производителями руды. Есть все предпосылки для восстановления межрегионального проекта «Большой Алтай», объединяющего регионы России, Китая, Монголии

²⁹ Wang Yi meets with Lavrov on global issues, cooperation // Ministry of Foreign Affairs, the People's Republic of China. Режим доступа: http://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/xwfw_665399/s2510_665401/t1251976.shtml (дата обращения: 20.10.2015).

и Казахстана и успешно функционировавшего в 1990-е годы. Возможно укрепление взаимодействия в бассейне р. Иртыш, где перед угрозой растущей нехватки воды необходимы совместные решения в области водопользования и производства энергии. Хорошие перспективы имеет агропромышленный кластер Юга Урала и Сибири и Севера Казахстана – при условии, что развитие транспортной инфраструктуры обеспечит местным производителям выход на рынки крупных региональных игроков [Бордачев и др., 2015].

В перспективе сотрудничество в осуществлении разрозненных промышленных и транспортных проектов может получить развитие в более масштабных интеграционных процессах [Караганов, 2015; Бордачев, 2015]. Огромное пространство Большой Евразии – от стран АСЕАН и Кореи на востоке, Индии на юге до Закавказья на западе пронизывается новой системой взаимосвязей – транспортных, торгово-инвестиционных, человеческих, политических. В рамках новой системы организации международной торговли, где доминирующую роль начинают играть два мегарегиональных соглашения – Транстихоокеанское партнерство и Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнерство – эти государства за единичными исключениями оказываются изолированными и неизбежно будут тяготеть друг к другу. Наименее развитые из них – Афганистан, Пакистан, республики Центральной Азии – за счет эффекта низкого старта имеют отличные перспективы быстрого экономического роста. То же самое касается и Ирана, спустя долгие годы выходящего из-под режима санкций. А огромные экономики Китая и Индии обеспечивают новому пространству соразвития подушку безопасности.

Вряд ли в Большой Евразии возможно появление некоей полноценной интеграционной группировки по образцу Европейского союза – государства региона слишком разнородны и к тому же придают большое значение своему суверенитету. Однако движение к единому экономическому пространству, включая зону свободной торговли и единство норм и стандартов, вполне возможно.

Институциональным ядром сообщества Большой Евразии может стать ШОС. После присоединения к этой организации в 2015 г. Индии и Пакистана доминирование Китая в ней уменьшилось, состав стал более сбалансированным, и появилась возможность решать гораздо больший спектр региональных проблем. Вместе с тем все устойчивее становятся попытки разных участников расширить поле ответственности ШОС с проблем безопасности сначала на культурное и образовательное, а затем и на экономическое сотрудничество [Лукин, 2015]. Это позитивная тенденция для развития международной кооперации в рамках ЭПШП.

Идея сотрудничества в Большой Евразии хороша тем, что она несет только плюсы всем участникам процесса. Для стран Центральной Евразии ее реализация дает ресурсы для экономического развития. Для Китая – возможность довести до логического развития свой «поворот на Запад». Для Индии и Ирана – новые возможности для внутрирегионального разделения труда. Для России – шанс придать динамизм экономике в условиях рецессии, обеспечить региональную стабильность и свое участие в развитии Центральной Азии – пространства, всегда входившего в сферу особых интересов Москвы.

И все же до Сообщества Большой Евразии еще долгий путь. Он должен начинаться с наполнения зафиксированной в совместном заявлении от 8 мая идеи сопряжения ЭПШП и ЕАЭС. Пока она остается скорее фигурой речи, чем совокупностью конкретных механизмов наращивания сотрудничества. Определить, что конкретно ЕАЭС и Россия как его участник может предложить Китаю, – одна из важнейших задач российской внешней политики на ближайшие годы.

Литература

- Бордачев Т.В. (2015) Новое евразийство: Как сделать сопряжение работающим // Россия в глобальной политике. № 5.
- Бордачев Т.В., Караганов С.А., Безбородов А.А., Габуев А.Т., Кузовков К.В., Лихачева А.Б., Лукин А.В., Макаров И.А., Макарова Е.А., Скриба А.С., Суслов Д.В., Тимофеев И.Н. (2015) К Великому океану – 3: Создание Центральной Евразии / под ред. С.А. Караганова. М.: МДК «Валдай».
- Воробьев В.Я. (2014) Новый шелковый курс: О китайской идее построения «экономического пространства Великого шелкового пути» // Россия в глобальной политике. № 3.
- Габуев А.Т. (2015) Россия и китайский проект «Экономический пояс Шелкового пути» // Вестник АТЭС. № 1.
- Денисов И.Е. (2015) Путешествие на запад: Китай выйдет из тени по Шелковому пути // Россия в глобальной политике. № 1.
- Караганов С.А. (2015) Обещание Евразии: Поворот Китая на Запад крайне выгоден России // Российская газета. Федеральный выпуск № 6812 (241).
- Ларин А.Г. (2015) Возрождение Китая и некоторые вопросы российско-китайского сотрудничества // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. № 20.
- Лукин А.В. (2015) ШОС: в поисках новой роли // Мир на взводе: пружина разжимается. М.: Эксмо.
- Макаров И.А., Макарова Е.А., Караганов С.А., Бордачев Т.В., Канаев Е.А., Литвинова Ю.О., Лихачева А.Б., Пестич А.С., Пятачкова А.С., Соколова А.К., Степанов И.А., Щербакова А.В. (2016) Поворот на Восток. Развитие Сибири и Дальнего Востока в условиях усиления азиатского вектора внешней политики России / под ред. И.А. Макарова. М.: Международные отношения.
- Чен Хунцзе (2015) Экономический пояс Шелкового пути и «Морской путь 21 века» с точки зрения экспертов КНР // Наука и мир. № 7 (23).
- Шаймергенов Т.Т. (2015) Экономический пояс Шелкового пути: большой проект, большие вопросы // Индекс безопасности. № 3.
- Biriucov E. (2014) Role of IGC TRACECA in Regional Integration and Transit Cooperation. Paper Presented at High-Level Thematic Roundtable within 2nd UN Conference on Landlocked Developing Countries on the theme “Regional Integration and Transit Cooperation”. Vienna, Austria.
- Bondaz A., Godement F., Kratz A., Pantucci R. (2015) “One belt, one road”: China’s great leap outward // Asia Centre of European Council on Foreign relations. June. Режим доступа: http://www.ecfr.eu/page/-/China_analysis_belt_road.pdf (дата обращения: 21.09.2015).
- Bordachev T.V., Likhacheva A.B., Xin Z. (2014) What Asia Wants, or the “Four C’s”: Consumption, Connectivity, Capital & Creativity // Valdai International Discussion Club Publication. No. 1.
- Costas P. (2015) Maersk Line CEO Calls for Container-Shipping Consolidation // The Wall Street Journal. No. 9.
- Fattibene D. (2015) Russia’s Pivot to Asia: Myths and Realities. Istituto Affari Internazionali Working paper 15/44.
- Fedorenko V. (2015) The New Silk Road Initiative in Central Asia / Rethink Institute Working paper 10. Режим доступа: <http://www.rethinkinstitute.org/wp-content/uploads/2013/11/Fedorenko-The-New-Silk-Road.pdf> (дата обращения: 06.07.2015).
- Habova A. (2015) Silk Road economic belt: China’s Marshall Plan, Pivot to Eurasia or China’s Way of Foreign Policy // KSI Transactions on Knowledge Society. Vol. 8. No. 1.
- Qu X., Meng Q. (2012) The Economic Importance of the Straits of Malacca and Singapore: An Extreme-Scenario Analysis // Transportation Research Part E: Logistics and Transportation Review. Vol. 48. No. 1.
- Xi J. (2015) Keynote Speech During the Opening Ceremony of the Boao Forum for Asia (BFA) Annual Conference 2015 in Boao, South China’s Hainan Province. March 28.

The Eurasian Economic Union and the Silk Road Economic Belt: Opportunities for Russia

I. Makarov, A. Sokolova

Igor Makarov – PhD in Economics, Associate professor at the Department of Global Economy, National Research University Higher School of Economics; 20, Myasnikskaya St., 101000, Moscow, Russian Federation; E-mail: imakarov@hse.ru

Anna Sokolova – Junior research fellow at the Center for Comprehensive European and International Studies, National Research University Higher School of Economics; 20, Myasnikskaya St., 101000, Moscow, Russian Federation; E-mail: aksokolova@hse.ru

Abstract

This article considers the opportunities for Russia presented by the launch of China's Silk Road Economic Belt initiative. This initiative is a comprehensive project for the rapid development of Central Asian countries, and not limited only to transport and logistics to guarantee the supply of Chinese goods to Europe. It is also China's response to economic and political processes both within the country and in the Asia-Pacific region: the economic slowdown and transformation of its social and economic model, diverging income levels, the growing presence of the United States in Asia, and the new divisions of labour within the region. The Silk Road initiative is based on China's intention to create strong regional value chains, to outsource labour-intensive and environmentally harmful production, to foster the development of northwest China including securing political stability in the Xinjiang Uighur Autonomous Region, and to guarantee the use of Chinese construction firms' capacity. Goods transit is a secondary priority and justified not by commercial benefits from using land routes, but by the need to diversify export risks, arising due to the deteriorating military and political situation in the South China Sea. The 2015 Joint Statement on Cooperation on the Construction of Joint Eurasian Economic Union and the Silk Road Economic Belt projects resolves the issue of allegedly competitive goals of these complementary projects. The Eurasian Economic Union (EEU) provides an institutional base for cooperation while the Silk Road initiative provide investments for their development.

Russia may benefit from participating in the Silk Road initiative. First, it would help integrate its transportation system into the region's logistics network and provide additional opportunities for transit and associated logistical services as well as access to growing regional markets. Second, the Silk Road initiative offers opportunities to strengthen industrial cooperation among neighbouring countries to develop new economic clusters. Third, the EEU and the Silk Road may become the basis for more ambitious cooperation in greater Eurasia, which may transform into a new centre of economic development at the global level.¹

Key words: Eurasian Economic Union, Silk Road Economic Belt, Russia-China relations

References

- Biriucov E. (2014) Role of IGC TRACECA in Regional Integration and Transit Cooperation. Paper Presented at High-Level Thematic Roundtable within 2nd UN Conference on Landlocked Developing Countries on the theme "Regional Integration and Transit Cooperation". Vienna, Austria.
- Bondaz A., Godement F., Kratz A., Pantucci R. (2015) "One belt, one road": China's great leap outward. Asia Centre of European Council on Foreign relations, June. Available at: http://www.ecfr.eu/page/-/China_analysis_belt_road.pdf (accessed 21 September 2015).
- Bordachev T.V. (2015) Novoe evrazijskto: Kak sdelat' soprjazhenie rabotajushhim [New Euraisianism: How to Make Joint Development Work]. *Russia in Global Affairs*, no 5.

¹ This article is based on research funded by the Basic Research Programme at the National Research University Higher School of Economics.

- Bordachev T.V., Karaganov S.A., Bezborodov A.A., Gabuev A.T., Kuzovkov K.V., Likhacheva A.B., Lukin A.V., Makarov I.A., Makarova E.A., Skriba A.S., Suslov D.V., Timofeev I.N. (2015) *K Velikomu okeanu – 3: Sozdanie Central'noj Evrazii* [Toward the Great Ocean – 3: Creating Central Eurasia] / S.A. Karaganov (ed.). Moscow: MDK “Valdai”. (In Russian.)
- Bordachev T.V., Likhacheva A.B., Xin Z. (2014) What Asia Wants, or the “Four C’s”: Consumption, Connectivity, Capital & Creativity. *Valdai International Discussion Club Publication*, no 1.
- Chen Hongze (2015) Ekonomicheskiy poyas Shelkovogo putii “Morskoy shelkoviy put’ 21-go veka” s tochki zreniya ekspertov KNR [Silk Road Economic Belt and Sea Silk Road of the 21st Century from the Point of View of People’s Republic of China Experts]. *Science and World*, no 7 (23). (In Russian.)
- Costas P. (2015) Maersk Line CEO Calls for Container-Shipping Consolidation. *The Wall Street Journal*, no 9. (In Russian.)
- Denisov I.E. (2015) Puteshestvie na zapad: Kitaj vyjdet iz teni po Shelkovomu puti [Journey to the west: China will come out of shadow through Silk Road]. *Russia in Global Affairs*, no 1. (In Russian.)
- Fattibene D. (2015) Russia’s Pivot to Asia: Myths and Realities. *Istituto Affari Internazionali Working paper* 15/44.
- Fedorenko V. (2015) The New Silk Road Initiative in Central Asia. *Rethink Institute Working paper* 10. Available at: <http://www.rethinkinstitute.org/wp-content/uploads/2013/11/Fedorenko-The-New-Silk-Road.pdf> (accessed 06 July 2015).
- Gabuev A.T. (2015) Rossija i kitajski jproekt “Jekonomicheskij pojas Shelkovogo puti” [Russia and the Chinese project of Silk Road Economic Belt]. *Vestnik APEC*, no 1. (In Russian.)
- Habova A. (2015) Silk Road economic belt: China’s Marshall Plan, Pivot to Eurasia or China’s Way of Foreign Policy. *KSI Transactions on Knowledge Society*, vol. 8, no 1. (In Russian.)
- Karaganov S.A. (2015) Obeshhanie Evrazii: Povорот Kitaja na Zapad krajne vygoden Rossii [Promise of Eurasia: China’s turn to the west is beneficial for Russia]. *Rossijskaja Gazeta*, no 6812 (241). (In Russian.)
- Larin A.G. (2015) Vozrozhdenie Kitajai nekotorye voprosy rossijsko-kitajskogo sotrudnichestva [China’s resurgence and issues of Russia-China cooperation]. *Kitaj v mirovoj iregional’noj politike. Istorija i sovremennost’*, no 20. (In Russian.)
- Lukin A.V. (2015) SOC: v poiskah novej roli [SOC: searching for a new role]. *Mir na vzvode: pruzhina razzhimaetsja*. EKSMO. (In Russian.)
- Makarov I.A., Makarova E.A., Karaganov S.A., Bordachev T.V., Kanaev E.A., Litvinova Ju.O., Likhacheva A.B., Pestich A.S., Pjatachkova A.S., Sokolova A.K., Stepanov I.A., Shherbakova A.V. (2016) *Povorot na Vostok. Razvitie Sibiri i Dal’nego Vostoka v uslovijah usilenija aziatskogo vektora vneshnej politiki Rossii* / I.A. Makarov (ed.). Moscow: International relations. (In Russian.)
- Qu X., Meng Q. (2012) The Economic Importance of the Straits of Malacca and Singapore: An Extreme-Scenario Analysis. *Transportation Research Part E: Logistics and Transportation Review*, vol. 48, no 1.
- Shajmergenov T.T. (2015) Jekonomicheskij pojas Shelkovogo puti: bol’shoj proekt, bol’shie voprosy [Silk Road Economic Belt: big project, big issues]. *Indeks Bezopasnosti*, no 3. (In Russian.)
- Vorob’ev V.Ja. (2014) Novyj shelkovyj kurs: O kitajskoj idee postroenija “jekonomicheskogo prostranstva Velikogo shelkovogo puti” [New Silk course: About Chinese Idea of Silk Road Economic Belt]. *Russia in Global Affairs*, no 3. (In Russian.)
- Xi J. (2015) Keynote Speech During the Opening Ceremony of the Boao Forum for Asia (BFA) Annual Conference 2015 in Boao, South China’s Hainan Province, March 28.

Изоляционизм против геополитики: двойственная роль Евразийского союза в системе глобального управления¹

М.В. Братерский

Братерский Максим Владимирович — д.полит.н., профессор факультета мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; Российская Федерация, 101000, Москва, ул. Мясницкая, 20; E-mail: mbratersky@hse.ru

В статье сформулирована концепция недавних и продолжающихся усилий по созданию и развитию Евразийского союза, основанного Россией, Беларуссией и Казахстаном в 2011 г. Рассматривая два основных теоретических подхода к этому региональному проекту, мы стремимся определить роль региональной экономической интеграции (также понимаемой как изоляционистская стратегия) и геополитических соображений России, стимулирующих создание и возможное расширение Евразийского союза. Политико-экономическое обсуждение Евразийского союза выходит за пределы единого таможенного пространства и общего рынка в рамках территории бывшего СССР. В последнее время все чаще оно предполагает создание единой валютной зоны. По всей видимости, прокладываемый «Новый Шелковый путь» будет основой для новой Евразии — одного из глобальных экономических и политических игроков нынешнего столетия. В нашем анализе экономические интересы, преследуемые Россией в евразийском проекте, в сущности, неотделимы от экономических проблем геополитического значения. Мы убеждены, что главной целью российской политики является создание регионального экономического объединения со значительным экономическим суверенитетом и сильным политическим влиянием, т.е. нового центра силы в мировой экономике XXI в. Соответственно, наш анализ также показывает, что хотя российская интеграционная политика в Евразии формулируется не в антиамериканском духе, в случае успеха, скорее всего, значительный сегмент мирового рынка будет выведен из-под экономического господства и политического влияния экономических блоков, руководимых Западом.

Ключевые слова: Евразийский союз, глобальное управление, конкуренция экономических блоков, конкуренция за международный капитал

В декабре 2012 г. государственный секретарь США Хиллари Клинтон, во время встречи с юристами неправительственных организаций в Дублине, высказалась по поводу постсоветских интеграционных планов России. Она охарактеризовала эти планы как «шаги по ресоветизации региона» и подчеркнула, что «мы знаем, какова цель этого, и мы пытаемся найти действенные способы замедлить или предотвратить это»². Нельзя сказать, что слова госсекретаря вызвали сильный международный резонанс, но пресс-секретарь президента России Дмитрий Песков отреагировал на них и охарактеризовал слова Х. Клинтон как показывающие «абсолютно неправильное понимание» процессов, происходящих на постсоветском пространстве. Х. Клинтон в своем довольно

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ 14-07-00059 «Политические функции региональных экономических объединений».

² Clinton Calls Eurasian Integration An Effort To, Re-Sovietize // Radio Free Europe. 2016. May 19. Режим доступа: <http://www.rferl.org/content/clinton-calls-eurasian-integration-effort-to-resovietize/24791921.html> (дата обращения: 19.05.2016).

Материал поступил в редакцию в феврале 2016 г.

неполиткорректном выступлении отметила, что новый СССР может быть создан под новыми названиями, такими как Таможенный союз или Евразийский союз. Сейчас предпринимаются «шаги по ресоветизации региона»; «называться это будет иначе»; «это будет называться Таможенным союзом, это будет называться Евразийским союзом или что-то в этом роде; но давайте не будем обманываться по этому поводу»³. Пресс-секретарь Государственного департамента Виктория Нуланд была поставлена перед необходимостью подтвердить высказывания госсекретаря, но ее ответ ограничился общими фразами, она подчеркнула, что высказывания государственного секретаря не носят публичного характера, так как были сказаны в частной беседе⁴. Тем не менее очевидно, что Х. Клинтон сказала то, что она думает, и ведущие политики США воспринимают российские планы на постсоветском пространстве со всей серьезностью. В конце 2015 г. президент Еврокомиссии Жан-Клод Юнкер в письме В.В. Путину признал Евразийский союз как партнера для будущего диалога с ЕС⁵. Тем самым было признано существование нового интеграционного блока в Евразии.

Сегодня американская и европейская политика в постсоветском регионе стоит на перепутье. Будущая администрация Белого дома и политики Брюсселя либо должны продолжать прежнюю политику по отношению к России, при которой региональные интересы России, по сути, практически не принимались во внимание и преследовались различные практические цели по раскалыванию постсоветского пространства на отдельные сегменты, либо признать Евразийский союз как реальность и начать вести с ним переговоры.

В предлагаемой статье предпринята попытка проанализировать цели российской политики в отношении установления интеграционных связей на постсоветском пространстве. При изучении поставленных задач необходимо обратить внимание как на политику интеграции, так и на региональный подход в политике. Вторая цель данной статьи – соотнести политические цели России в регионе с внешнеполитическими интересами США и ЕС и определить степень, в которой цели политики России и Запада на постсоветском пространстве не расходятся и не противоречат друг другу. Мы воздерживаемся от обсуждения китайского фактора в евразийской стратегии, как России и Евразийского союза, так и Соединенных Штатов Америки и ЕС.

Нашей целью является представить аргументацию в виде следующих выводов:

1) Наряду с решением ограниченных экономических задач российская интеграционная политика направлена на решение экономических проблем геополитического значения. Главной целью российской политики является создание регионального объединения со значительным экономическим суверенитетом и сильным политическим влиянием, т.е. нового центра силы в мировой экономике.

2) Российская интеграционная политика в Евразии формулируется не в антиамериканском духе, но в случае успеха впоследствии часть мирового рынка будет выведена из-под экономического господства и политического влияния США. Эта политическая линия затрагивает финансово-экономические интересы США, но не создает угрозы интересам их национальной безопасности. Можно ожидать, что США будут противо-

³ Постпред РФ при НАТО ответил на слова Клинтон о воссоздании СССР // Актуальные комментарии. 2012. 7 декабря. Режим доступа: <http://actualcomment.ru/news/51097/> (дата обращения: 19.05.2016).

⁴ Victoria Nuland, Spokesperson. Daily Press Briefing. Washington, DC. // U.S. Department of State, Diplomacy in Action. 2012. December 11. Режим доступа: <http://www.state.gov/r/pa/prs/dpb/2012/12/201811.htm#RUSSIA> (дата обращения: 19.05.2016).

⁵ Письмо Юнкера Путину возмутило Литву // Dni.ru. 2015. 20 ноября. Режим доступа: <http://www.dni.ru/polit/2015/11/20/321167.html> (дата обращения: 19.05.2016).

действовать интеграционной политике России, но не сделают подобное противодействие своим главным приоритетом. Европейский союз имеет множество стимулов для налаживания открытого диалога с Евразийским союзом, и некоторые формы сотрудничества между двумя союзами являются более вероятными в будущем.

Глобальный контекст евразийской интеграции

Казалось, еще вчера теоретики-международники страстно спорили друг с другом о перспективах исчезновения суверенного государства из мировой политики под давлением расширяющихся глобальных рынков. Сегодня эта иллюзия исчезла: современный мир все больше представляет собой гигантский набор политических и экономических зон, сформировавшихся в Европе, вокруг США, Китая и Индии. В сердце постсоветского пространства также и Россия формирует свое политико-экономическое объединение, которое неминуемо поставит ее в один ряд с гигантами XXI в. Страны СНГ (за исключением Узбекистана и Азербайджана) сформировали между собой зону свободной торговли, Таможенный союз России, Белоруссии и Казахстана уже функционирует, запущен проект Единого экономического пространства. Для продолжения процесса интеграции и вывода ее на новый уровень создан наднациональный орган управления – Евразийская комиссия, активно обсуждаются планы создания качественно нового объединения Евразийского союза и присоединения к нему новых членов. В последнее время все чаще обсуждается не только идея создания общего рынка на территории бывшего СССР, но и создание единого валютного пространства. Сегодня прокладывается «Новый Шелковый путь», который будет основой для новой Евразии – одного из глобальных экономических и политических игроков наступившего века.

Как формулируются цели российской интеграционной политики в Евразии? Пытается ли Россия просто сделать себя и окружающий ее регион более конкурентоспособными и экономически привлекательными на уровне мировой экономики или выбирает совершенно другую тактику?

Являясь крупнейшими экспортёрами сырья и энергии, ведущие государства будущего Евразийского союза не стоят перед классической проблемой конкуренции с другими странами за привлечение иностранного капитала: это иностранному капиталу приходится за них конкурировать. В этой ситуации политика России необъяснима классической теорией конкуренции государств [Palan, 2007, p. 47–69] – так зачем же ей нужен этот проект? Как дополнительный щит против возрастающей международной конкуренции? или планируемый Союз будет нацелен на защиту промышленности и услуг стран-участниц? или мотивация к созданию нового Союза лежит в основном в культурной и политической областях?

Экономические и политические выгоды от экономической интеграции: мотивы российской политики

Основные исследовательские подходы к вопросу об эффективности региональных экономических объединений представлены экономической и политической науками (или исследованиями международных отношений). Поскольку предварительным условием является уточнение интересов государств – участников евразийской интеграции, особое внимание следует уделить подходам к оценке выгод от интеграции, так как размер и характер выгод являются основным стимулом к ней.

Обычно, когда обсуждаются цели экономической интеграции, на первый план выдвигаются *экономические выгоды*, которые государства-участники предполагают получить от этого процесса. Первоначальные исследования экономической эффективности интеграционных схем появились сравнительно давно, в 1950-е годы. Среди классических работ на эту тему следует упомянуть книги и статьи Дж. Винера, Д.Э. Мид, Р. Липси [Viner, 1950; Meade, 1955; Lipsey, 1960], которые показывают, что создание региональных интеграционных структур приводит к формированию более интенсивных торговых потоков между государствами-участниками этих объединений, в сравнении с государствами, не являющимися членами этих объединений, и поэтому способствует быстрому росту их благосостояния. Эти выводы исходят из классических теорем политэкономии выгоды торговли. Далее, акцент сделан на то, что создание регионального экономического объединения расширяет объем внутреннего рынка и дает государствам-участникам большую «рыночную власть», чем та, которой они обладают при самостоятельной деятельности. Это, в свою очередь, позволяет участникам сформировать оптимальный тариф в отношении третьих стран [Krugman, 1993, p. 58–89]. Общее для всех концепций экономической эффективности – признание необходимости создания региональных экономических группировок, развивающееся вокруг идеи, что такие региональные соглашения снижают «потери от трения» во взаимной торговле или взаимных обменах между государствами-участниками и приводят к росту благосостояния. Теория оптимальных валютных зон [Cohen, 1997] (неучтенные потери от изменений валютного курса, валютные риски) также применима при наличии экономических разъяснений по поводу идеи увеличения производства товаров и услуг вследствие экономии от масштаба. Функциональный анализ предполагает, что государства создают различные международные институты (включая региональные) для решения определенных функциональных задач. Согласно этой точке зрения, укрепление региональных торгово-экономических отношений содействует государствам в создании институтов, которые будут продвигать эти отношения на новый уровень и тем самым будут повышать рост благосостояния участников этого процесса [Deutch et al., 1957]. Имеются также свидетельства, что региональные интеграционные институты в некоторой степени способны компенсировать «сбои рынков» [Axelrod, 1986, p. 246].

Следует отметить, что если экономические выгоды от интеграции для экономики в целом давно признаны и не вызывают принципиальных споров, то ряд других вопросов по-прежнему требует обсуждения. Для политиков, принимающих решения, особенно важны относительные выгоды этого типа интеграции для различных участников (какая страна получит самую большую выгоду, а какая относительно меньшую выгоду), а также то, как в результате распределения экономических выгод пройдет перераспределение власти и влияния среди государств-участников. Также важно учитывать, какие из заинтересованных групп получают наибольшую выгоду в данном государстве, а какие, наоборот, понесут наибольшие убытки. Наконец, последним, но не менее важным остается вопрос, касающийся перераспределения между бизнесом и государством (таможенные пошлины). В этой отдельной сфере практической политики последствия для региональных интеграционных схем могут быть важнее, чем опасения по поводу общей выгоды таких проектов.

На какие объемы экономической выгоды российские политики рассчитывали, когда принимали решение по формированию единого объединения на территории бывшего Советского Союза? На сегодняшний день не существует универсального экономического метода определения экономической выгоды, хотя были проведены некоторые расчеты для российских политиков. Во время предварительного анализа евразийской интеграции были использованы два основных метода оценки эффективности

экономической интеграции, основанные на моделях общего экономического равновесия и эконометрических моделях.

Метод общего равновесия основан на определении и отслеживании изменений равновесных цен товаров и равновесных объемов структуры производства по секторам экономики. В зависимости от изменения этих показателей меняется выигрыш или убытки всех экономических агентов (производителей, потребителей или государства). Но в условиях высокой инфляции, нестабильности и неопределенности рынков общее равновесие сложно рассчитать даже в пределах одной страны, а тем более в пределах всей Евразии.

Эконометрические модели основаны чаще всего на методе частичного равновесия, который ограничивается выборочным расчетом равновесных показателей по блокам. Такие модели рассчитывают, как правило, различные показатели: тарифы, торговый баланс, национальные счета, объем трансграничных инвестиций.

Модель «затраты – выпуск», подготовленная Центром развития НИУ ВШЭ, оценивает экономические выгоды интеграции для России в общем итоге как нулевые или отрицательные, в то время как для малых стран как прибыльные на уровне 1–1,5%. По оценке базовой эконометрической модели интеграция несколько более выгодна для Белоруссии и Казахстана и только в долгосрочном периоде может оказаться выгодной России⁶.

Согласно модели Лаборатории прогнозирования макроэкономических и региональных пропорций Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, по доле от объема ВВП выигрыш в 2005–2015 гг. составляет: для России – дополнительно 6,5%, для Белоруссии – 8%, для Казахстана – около 5% [Клоцвог и др., 2009]. Но, как утверждает автор прогноза Ф. Клоцвог, такого эффекта можно будет достичь только при согласованной социальной, макроэкономической и инвестиционной политике, а также введением общей инвестиционной программы на межгосударственном уровне.

Из приведенных ссылок очевидно, что они формируют одну из моделей, приведенных наряду с имеющимися ограничениями, при наличии малых или отсутствии экономических выгод для России, несмотря на некоторые выгоды от интеграции, ожидаемые ее партнерами по Евразийскому союзу. Экономические результаты 2011–2012 гг. в некоторой степени превысили первоначальные прогнозы, хотя на протяжении текущего экономического кризиса сложно судить о степени реалистичности или стабильности роста. Сообщалось, что за январь – сентябрь 2012 г. объем взаимной торговли в Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве России, Белоруссии и Казахстана составил 51,3 млрд долл., т.е. рост составил 9,9% по сравнению с показателем января – сентября 2011 г. Объем внешней торговли стран Таможенного союза за январь – сентябрь 2012 г. составил 689,4 млрд долл. США, т.е. увеличился на 5,4% по сравнению с январем – сентябрем 2011 г.⁷ Позднее, в 2013–2014 гг., торговля между членами Евразийского союза сократилась в связи с тяжелым экономическим спадом и в 2015 г. сократилась на 26% по сравнению с предыдущим годом⁸. Перспектива

⁶ Авдеева Д.А., Акиндинова Н.В., Волков М.В., Кондрашов Н.В., Миронов В.В., Осипова О.А., Петроневич М.В., Пухов С.Г., Суменков В.В., Сафарова Г.З. Разработка модели долгосрочного прогнозирования основных макроэкономических показателей стран – участниц ЕЭП (Беларуси, Казахстана) и Украины. Центр развития НИУ ВШЭ. 2012. Режим доступа: https://www.hse.ru/data/2012/08/02/1256605780/Презентация_ЕЭС.pdf (дата обращения: 19.05.2016).

⁷ Вишняков А. Кто будет догонять Таможенный союз? // ВРНС. 2012. 23 ноября. Режим доступа: <http://www.vrns.ru/analytics/758/#.UMhzxeR1HTo> (дата обращения: 19.05.2016).

⁸ Об итогах внешней и взаимной торговли товарами Евразийского экономического союза. 2015. Январь – октябрь // Евразийская экономическая комиссия. Режим доступа: <http://www.>

будущих экономических выгод от интеграции выглядит позитивной, но неустойчивой в объемах. Согласно оценке Евразийского банка развития, углубляющаяся интеграция России, Казахстана и Белоруссии в рамках ЕЭП за счет развития торговых связей, производственной кооперации и выравнивания уровня технического развития должна привести к 2,5%-му росту суммарного ежегодного ВВП трех стран к 2030 г. в сравнении с положением, если интеграция будет отсутствовать. Кроме того, основываясь на тех же оценках, вступление Украины в ЕЭП могло бы добавить дополнительно 1% к прогнозируемому росту в течение 20 лет⁹.

Следовательно, экономики участников получают некоторые преимущества в связи с интеграцией, включая Россию, хотя объем достаточно скромный. Итак, можно ли предположить, что Россия начала этот проект, который длится 15 лет и нуждается в постоянном внимании и помощи со стороны российского руководства, только, чтобы прибавить незначительные процентные пункты к своему ВВП в течение 20 лет, в то время как она могла бы достичь подобных или больших результатов более простыми средствами?

Другой задачей проектов экономической интеграции может быть *политическая* интеграция, т.е. создание региональной системы политического управления, которая берет свое начало от организаций экономического сотрудничества. Одна из точек зрения относительно экономической и политической интеграции, которая получила развитие на основе европейского опыта интеграции, подчеркивает, что экономическое сотрудничество развивается наряду с углублением сотрудничества в политике, вплоть до момента объединения политических институтов. Это сближение иллюстрируется экономической моделью интеграции Б. Балашша (B. Balassa) [Nye, 1971].

Существует также аргументированная точка зрения относительно того, что экономическая интеграция стимулируется главным образом политическими интересами, и они нередко становятся препятствием на пути экономической интеграции, даже независимо от очевидных «денежных» выгод. Этот подход не только представляется интересным, но также и хорошо применимым для случая с Россией, поскольку планы региональной экономической интеграции определяются не столько бизнес-сообществом, сколько ведущей политической элитой страны. Вследствие того, что современная внешняя политика России в значительной мере базируется на реалистическом взгляде на мир и с учетом конкурентной среды, основное внимание при ответе на поставленные вопросы необходимо обращать на концепцию зависимости курса на расширение торговли и создание экономических блоков от механизмов коллективной безопасности, относящихся к стране [Gowa, 1993, p. 408–420]. Другими словами, было продемонстрировано, что экономические региональные объединения часто бывают плодами военного и политического сотрудничества и что правительства больше склонны к либерализации своей торговли с политическими союзниками, нежели конкурентами. Это объяснение хорошо соотносится с реалиями взаимодействия между Россией, Казахстаном и Белоруссией, а степень его проявления отражает движущую силу российской интеграционной политики. Главный вклад России в дальнейшую евразийскую интеграцию принял форму обеспечения безопасности, которая стала ценной и желаемой с учетом приближения ИГИЛ к границам Евразийского союза в 2014–2015 гг.

eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/analytics/Documents/express/Oct2015.pdf (дата обращения: 19.05.2016).

⁹ Комплексная оценка макроэкономического эффекта различных форм глубокого экономического сотрудничества Украины со странами Таможенного союза и Единого экономического пространства в рамках ЕврАзЭС // Евразийский банк развития. 2012. Режим доступа: <http://www.eabr.org/r/research/analytics/centre/projects/ukraine/> (дата обращения: 19.05.2016).

Но предположение о том, что Россия со всей серьезностью стимулирует экономическую интеграцию на постсоветском пространстве с целью предложить восстановление политического единства под собственным руководством, просто не отражает реальности. Например, история политических отношений России и Белоруссии не оставляет никаких сомнений в том, что Белоруссия не готова хоть немного пожертвовать своим политическим суверенитетом, при этом Россия хорошо осознает позицию постсоветских элит.

Третьим решающим вопросом в анализе роли и функций региональных объединений и истоков российской региональной политики является представление региона *в качестве подсистемы, которая создается и контролируется господствующей региональной державой и является ее политическим и экономическим ресурсом в мировой системе*. В отличие от мировой системы, региональная система не закрыта, поэтому во время анализа отношений, формирующихся в системе, важно учитывать внешние факторы военно-политического и финансово-экономического характера. Тем не менее центральную роль играет региональный лидер, который обладает как возможностями, так и решимостью добиваться создания региональной системной политической, экономической и финансовой архитектуры.

Региональный политический и военный гегемон осуществляет региональную экономическую интеграционную политику, основываясь на двух решающих стимулах.

Внешняя торговля является источником выгоды с точки зрения экономической эффективности, что может быть использовано для усиления военной и политической мощи государства. По этой причине региональный гегемон мало заинтересован в расширении торговли со своими потенциальными соперниками, и наоборот, существует интерес создания регионального объединения, которое отделит от соперника единым таможенным тарифом. Установление такого тарифа нацелено на распределение выгод от торговли в пользу державы, создающей Таможенный союз. Другим стимулом является то, что экономическая помощь политическим союзникам усиливает как союз в целом, так и его лидера [Mansfield, Milner, 1997].

Закономерно, что похожие механизмы также работают в рамках региональных монетарных интеграционных проектов, т.е. валютных зон. Вместе с географическим расширением зоны, в которой используется валюта, также увеличивается зона политического влияния того государства, которое вводит эту валюту. Остальные государства – участники валютной зоны становятся зависимыми от финансовой стабильности государства-гегемона. Государство-гегемон, в свою очередь, также несвободно, оно ограничено в своей финансовой политике, поскольку в качестве местного центра региональной финансовой системы обязано поддерживать надежность своей валюты и следовать стабильной монетарной политике.

Таким образом, экономические интеграционные проекты дают России возможность достигнуть целей, которые являются не чисто экономическими.

Инициатива создания региональной экономической организации подразумевает создание рынка большого объема, который может стать основой более стабильного комплексного и не подверженного кризисам экономического развития, а следовательно, укрепить суверенитет России и всего региона.

Создание такого рынка может привести к большему использованию местных валют, включая рубль, вместо доллара и евро, а также сузить каналы воздействия экономических шоков на Россию и другие государства-участники. Кроме того, такое развитие позволит расширить спектр финансовых услуг, предоставляемых в рублях, что, в свою очередь, даст возможность создания фондов посредством частичного освобожде-

ния от зависимости от иностранных финансовых услуг. Создание единого рынка также могло бы создать лучшие перспективы для отечественных производителей.

На политическом уровне создание регионального экономического блока будет означать дальнейшее укрепление политических связей между государствами-участниками. Будет создан ежедневный механизм, позволяющий согласовывать финансово-экономические и политические интересы. Зона региональной экономической организации будет менее подвержена внешнему политическому давлению, которое может быть результатом воздействия с помощью экономических инструментов (санкции, кредиты, выдаваемые по политическим мотивам). Будет укреплен новый центр экономической интеграции, что, в свою очередь, усилит его политическое влияние.

В концепции регионального доминирования предусматривается определение политических стимулов «малых» государств региона. При этом для стимулирования к вступлению в региональную экономическую организацию большего государства, легитимируя местные правящие режимы, предоставляя неформальные гарантии военной защиты, наднациональные институты совместные с государством, руководящим интеграцией, предоставляют возможность участия в принятии коллективных решений, ограничивая экспансивные устремления государства, руководящего интеграцией, торгуя частью суверенитета в обмен на реальные экономические выгоды. Интересы России отчасти проявляются в том, что выгоды от экономической интеграции дают возможность государству, руководящему интеграцией, использовать фонды для укрепления собственной экономической мощи, а следовательно, политического и военного превосходства. Государство, руководящее интеграцией, могло бы стать эмитентом региональной валюты, которая расширила бы зону его политического влияния.

Предлагаемый взгляд на истоки российской интеграционной политики предполагает, что Россия начала создавать региональные организации экономической интеграции для укрепления своих глобальных позиций в политико-экономической системе. С помощью такой политики Россия пытается укрепить свое конкурентное положение в глобальной системе в ответ на призыв В.В. Путина: «Ближайшие годы будут переломными не только для России. Нас ждет эпоха потрясений. Ужесточается конкуренция не только за ресурсы, но прежде всего за человеческий капитал. Все будет зависеть от внутренней энергии стран. Привычным стал рост потребления. Это неплохо, но его можно поддерживать только с помощью выхода на новый технологический уклад. Доля глобального пирога для отстающих наций будет существенно меньше, чем для лидеров»¹⁰.

Непосредственные цели России при создании региональной экономической организации заключаются в увеличении доходов ее экономики, стабилизации экономического роста посредством расширения рынков сбыта и стабилизации монетарной системы посредством расширения зоны использования рубля. Отсюда следует наличие других, более специфических выгод от таких проектов. При достижении успеха эта стратегия приведет к стабилизации экономического роста страны, усилит ее положение в мировой валютно-финансовой системе и укрепит ее политический суверенитет, обеспечив большую экономическую независимость. Эти проекты непосредственно не нацелены на восстановление СССР, но способствуют консолидации постсоветского пространства на экономической основе.

¹⁰ В.В. Путин. Послание к Федеральному собранию. 2012. 12 декабря. Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/17118> (дата обращения: 19.05.2016).

Западное понимание евразийской интеграции

Американская и европейская политика в отношении постсоветской интеграции только формируется. С одной стороны, у нее есть определенная инерция и основа, состоящая в политике ослабления российского влияния на постсоветском пространстве, раздирающей постсоветских государств в разнообразных проектах, блоках и коалициях, формируемых вокруг политических (вроде ГУАМ), газовых (трубопроводы в обход России), военных (базы в Средней Азии), политехнологических («цветные революции») и подобных им инициатив. Этот подход был инициирован еще с 1990-х годов и с большей или меньшей энергией используется и по сей день. Следует отметить, что череда кризисов, а в случае с Украиной – столкновение двух интеграционных структур – европейской и евразийской, сделала отношения более конфликтными и помешала ведению содержательного диалога между Россией и Западом о будущем евразийской интеграции.

Вместе с тем сегодня в американской и европейской политике растет понимание того факта, что на постсоветском пространстве формируется – или уже сформировался – новый субъект международного права, совершенно похожий на предыдущие образования, объединяющий Россию, Казахстан, Белоруссию, Армению и Киргизию. Новая реальность в настоящее время находит все большее признание, и влиятельные европейские политики выражают готовность начать диалог между ЕС и Евразийским союзом¹¹.

Достаточно скромный аналитический багаж, с которым США и ЕС подошли к этому моменту, не содержит понимания будущей роли Евразийского союза, его места в региональной и мировой политике и экономике, глобальных и региональных институтах. Концепции усиления влияния России в Средней Азии [Buszynski, 2005, p. 546–565] или вытеснения оттуда США [Gleason, 2006, p. 49–60], как утверждали многие американские эксперты [Boh, 2004, p. 485–502], больше не могут использоваться для объяснения текущей ситуации.

Несомненно, новая администрация США будет руководствоваться собственным пониманием американских интересов и собственным видением процедур формирования своей политики на постсоветском пространстве и в отношении грядущих событий на территории бывшего СССР. На данный момент полного понимания этих процессов у США и ЕС пока нет, как нет и понимания того, что же Россия пытается построить на постсоветском пространстве. Западные оценки варьируются в широком диапазоне – от характеристики Евразийского союза заместителем госсекретаря США как «идеи, которая пока не пошла дальше бумаги»¹², до оценки этих проектов как плана воссоздания СССР (Хиллари Клинтон). Обе оценки неточны, что видно из профильных статей В.В. Путина: «Во-первых, речь не идет о том, чтобы в том или ином виде воссоздать СССР. Наивно пытаться реставрировать или копировать то, что уже осталось в прошлом, но тесная интеграция на новой ценностной, политической, экономической основе – это веление времени»¹³.

¹¹ Steinmeier. Europäische Friedensordnung steht auf dem Spiel // Die Welt. 2014. November 16. Режим доступа: <http://www.welt.de/politik/deutschland/article134378688/Europaeische-Friedensordnung-steht-auf-dem-Spiel.html> (дата обращения: 19.05.2016).

¹² Robert O. Blake, Assistant Secretary, Bureau of South and Central Asian Affairs, Washington, D.C. Interview With Al Jazeera TV // U.S. Department of State, Diplomacy in Action. 2012. March 25. Режим доступа: <http://www.state.gov/p/sca/rls/rmks/2012/187005.htm> (дата обращения: 19.05.2016).

¹³ Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня // Известия. 2011. 3 октября. Режим доступа: <http://izvestia.ru/news/502761#ixzz2Ep65v8We> (дата обращения: 19.05.2016).

Интеллектуальная проблема, однако, заключается в том, что Россия неоднократно разъясняла, *что* она строит, – Таможенный союз, Евразийское экономическое пространство, Евразийский союз, – но никогда ясно не объясняла, зачем она это делает. Еще точнее – давались разъяснения целей России в создании региональных объединений, и частично они представлены в цитируемой выше статье российского президента, но эти объяснения носят полностью произвольный характер и слабо сочетаются с основным реалистическим внешнеполитическим курсом российского руководства. Официально Россией заявляются цели экономического плана (расширить рынок, увеличить товарооборот), но мало кто из политиков и экспертов верит, что российские интересы ограничиваются только этим.

Существенная концептуальная противоречивость и неопределенность очевидна международным наблюдателям. Растет понимание того, что Россия затеяла нечто весьма амбициозное. Однако точные контуры этого проекта пока не совсем понятны, и западные политики не могут определить, насколько российские планы в Евразии противоречат американским и европейским интересам, насколько соответствуют российские интересы китайским, и нужно ли им противодействовать. Для наблюдателей остается размытой конечная цель российской стратегии – в какой степени российская политика ориентируется на борьбу за рынки, прибыль своих компаний и рост своей экономики, а в какой – на создание в Евразии региональных политико-экономических подсистем с центром в Москве, новом региональном центре силы.

Как Запад выстроит свою позицию по отношению к евразийскому проекту России? Консервативный журнал *The National Interest* предлагает пока подождать и ничего не предпринимать. «Если в итоге дело ограничится расширением торговли России со странами Средней Азии, – рассуждает Джеффри Манкофф, – то ничего плохого в этом нет. Важно, чтобы Москва не начала перехватывать управление внешнеполитическим курсом государств – участников Евразийского союза» [Mankoff, 2012]. Но Москва, судя по всему, таких планов не имеет. В большей степени планы сфокусированы на создании мощного регионального экономического блока, который организует региональные финансы, торговлю и инвестиции в интересах региональных стран, в первую очередь России, а не в интересах внешних держав.

Признают ли ЕС и Соединенные Штаты эту перспективу, будут ли они ей противодействовать? Вероятнее всего, и признают, и будут противодействовать. Но противодействие не должно принять чрезмерно угрожающий характер, так как российские проекты создают угрозу лишь будущим американским прибылям в достаточно отдаленном и нестабильном уголке мира. В целом, что самое важное, это будет происходить в рамках правил игры, предложенных самими США. К тому же, действия России не создают кому-либо военной угрозы, а, наоборот, могут содействовать стабилизации довольно проблемного региона.

Успех российского проекта будет также означать укрепление позиции России в переговорах по реформе мировой финансовой архитектуры, торговле, климату и другим важнейшим вопросам. Будут ли США и ЕС реагировать на такое усиление российских позиций как нежелательное? Не обязательно. Если российская позиция по глобальным вопросам будет конструктивной, то наличие у нее дополнительных ресурсов и политического веса может даже оказаться полезным в этом процессе, и, в каких-то областях, для США и объединенной Европы.

Литература

Клоцвог Ф.Н., Сухотин А.Б., Чернова Л.С. (2009) Прогнозирование экономического развития России, Беларуси, Казахстана и Украины в рамках единого экономического пространства // Проблемы прогнозирования. № 4. С. 26–36. Режим доступа: <http://www.ecfor.ru/pdf.php?id=2009/4/02> (дата обращения: 19.05.2016).

Axelrod R., Keohane R. (1986) *Achieving Cooperation under Anarchy: Strategies and Institutions* // *Cooperation under Anarchy* / K.F. Oye (ed.). Princeton.

Boh A. (2004) Regionalism in Central Asia: New Geopolitics, Old Regional Order // *International Affairs*. Vol. 80. No. 3. P. 485–502.

Buszynski L. (2005) Russia's New Role in Central Asia // *Asian Survey*. Vol. 45. No. 4. P. 546–565.

Cohen B. (1997) The Political Economy of Currency Regions // *The Political Economy of Regionalism* / D. Mansfield, H. Milner (eds). P. 50–76.

Deutch K.W., Burrell S.A., Kann R.A., Lee M. (1957) *Political Community and the North Atlantic Area: International Organization in the Light of Historical Experience*. Princeton.

Gleason G. (2006) The Uzbek Expulsion U.S. Forces and in Central Asia // *Problems of Post-Communism*. Vol. 53. No. 2. P. 49–60.

Gowa J., Mansfield E. (1993) Power Politics and International Trade // *American Political Science Review*. Vol. 87. P. 408–420.

Krugman P. (1993) Regionalism versus Multilateralism: Analytical Notes // *New Dimensions in Regional Integration* / De J. Melo, A. Panagariya A. (eds). P. 58–89.

Lipsey R. (1960) The Theory of Customs Unions: A General Survey // *Economic Journal*. Vol. 70. P. 496–513.

Mankoff J. (2012) What a Eurasian Union Means for Washington // *The National Interest*. April 19. Режим доступа: <http://nationalinterest.org/commentary/what-eurasian-union-means-washington-6821> (дата обращения: 19.05.2016).

Mansfield D., Milner H. (1997) *The Political Economy of Regionalism*. N.Y.

Meade J.E. (1955) *The Theory of Customs Unions*. Amsterdam.

Nye J.S. (1971) *Peace in Parts: Integration and Conflict in Regional Organization*. Boston.

Palan R. (2007) Transnational Theories of Order and Change: Heterodoxy in International Relation scholarship // *Review of International Studies*. Vol. 33. Supplement (Critical International Relations Theory after 25 years). April. P. 47–69.

Viner J. (1950) *The Customs Union Issue*. N.Y.

Isolationism versus Geopolitics: The Dual Role of the Eurasian Economic Union in Global Governance

M. Bratersky

Maxim Bratersky – Professor in the Department of International Affairs, National Research University Higher School of Economics; 20, Myasnitskaya St., 101000 Moscow, Russian Federation; E-mail: mbratersky@hse.ru

Abstract

This article conceptualizes ongoing efforts to develop the Eurasian Economic Union (EEU), initiated by Russia, Belarus and Kazakhstan in 2011. Engaging with two major theoretical perspectives, it establishes to what extent the EEU's construction and potential expansion is economic regionalism (interpreted also as an isolationist strategy) driven by Russia-led geopolitical motives. The political-economy debate of Eurasia goes beyond a common tariff area and a common market within the territory of the former USSR. Increasingly, it involves the establishment of a common monetary area. China's Silk Road Economic Belt is building a foundation for a new Eurasia – one of the global economic and political players of this century. The economic reasons pursued by Russia in its Eurasian initiative are inseparable from economic problems of geopolitical significance. The overarching objective of Russian policy is to establish a regional economic fusion, with significant economic sovereignty and strong political influence; that is, to become the new centre of power in the global economy of the 21st century. Correspondingly, although Russian integration policy in Eurasia has not been formulated in an anti-American way, if it is successful the likely consequence will be the withdrawal of a significant segment of the global market from the economic dominance and political influence of western-led economic blocs.

Key words: Eurasian Economic Union, global governance, Russia, integration

References

- Axelrod R., Keohane R. (1986) Achieving Cooperation under Anarchy: Strategies and Institutions. *Cooperation under Anarchy* / K.F. Oye (ed.). Princeton.
- Boh A. (2004) Regionalism in Central Asia: New Geopolitics, Old Regional Order. *International Affairs*, vol. 80, no 3, pp. 485–502.
- Buszynski L. (2005) Russia's New Role in Central Asia. *Asian Survey*, vol. 45, no 4, pp. 546–565.
- Cohen B. (1997) The Political Economy of Currency Regions. *The Political Economy of Regionalism* / D. Mansfield, H. Milner (eds), pp. 50–76.
- Deutch K.W., Burrell S.A., Kann R.A., Lee M. (1957) *Political Community and the North Atlantic Area: International Organization in the Light of Historical Experience*. Princeton.
- Gleason G. (2006) The Uzbek Expulsion U.S. Forces and in Central Asia. *Problems of Post-Communism*, vol. 53, no 2, pp. 49–60.
- Gowa J., Mansfield E. (1993) Power Politics and International Trade. *American Political Science Review*, vol. 87, pp. 408–420.
- Kloevog F.N., Suhotin A.B., Chernova L.S. (2009) Prognozirovanie jekonomicheskogo razvitija Rossii, Belarusi, Kazahstana i Ukrainy v ramkah edinogo jekonomicheskogo prostranstva [Prediction of Economic Development of Russia, Belarus, Kazakhstan and Ukraine in the Common Economic Space]. *Problemy prognozirovanija*, no 4, p. 26–36. Available at: <http://www.ecfor.ru/pdf.php?id=2009/4/02> (accessed 19 May 2016) (in Russian).
- Krugman P. (1993) Regionalism versus Multilateralism: Analytical Notes. *New Dimensions in Regional Integration* / De Melo J., Panagariya A. (eds), pp. 58–89.

- Lipsey R. (1960) The Theory of Customs Unions: A General Survey. *Economic Journal*, vol. 70, pp. 496–513.
- Mankoff J. (2012) What a Eurasian Union Means for Washington. *The National Interest*, 19April. Available at: <http://nationalinterest.org/commentary/what-eurasian-union-means-washington-6821> (accessed 19 May 2016).
- Mansfield D., Milner H. (1997) *The Political Economy of Regionalism*. N.Y.
- Meade J.E. (1955) *The Theory of Customs Unions*. Amsterdam.
- Nye J.S. (1971) *Peace in Parts: Integration and Conflict in Regional Organization*. Boston.
- Palan R. (2007) Transnational Theories of Order and Change: Heterodoxy in International Relation Scholarship. *Review of International Studies*, vol. 33, Supplement (Critical International Relations Theory after 25 years), April, pp. 47–69.
- Viner J. (1950) *The Customs Union Issue*. N.Y.

Возвышение Бразилии в системе регионального и глобального управления: от новых идей к новым институтам¹

Т.Г. Чин, Б.И. Диас

Чин Т. Грегори – профессор факультета политологии, Университет Йорка, Торонто, Канада; 4700, Keele Street, Toronto, Ontario, Canada M3J 1P3; E-mail: gtchin@yorku.ca

Диас Б. Исмаил – магистрант Школы политических наук, Королевский университет, Кингстон, Канада; 138, Union Street, Suite 301, Kingston, Ontario, Canada K7L 3N6; E-mail: 14ibd@queensu.ca

В статье исследуется роль Бразилии как создателя новых инициатив в системе международного управления в период нахождения у власти президента Луиса Инасиу Лулы да Силва и первого президентского срока Дилмы Руссефф (2003–2012 гг.). Авторы исследуют ключевые инициативы Бразилии в региональном и глобальном управлении и то, какую роль сыграли для их реализации новые идейные и нормативные установки и впечатляющая нетрадиционная внешняя политика страны в указанный период. Основное допущение авторов, исследовавших эту тему для специального выпуска журнала «Вестник международных организаций», заключается в том, что Бразилия, по сути, не является «новым актором» в системе глобального управления, однако за последние 15 лет страна достигла небывалого и впечатляющего прогресса в изменении многосторонней повестки дня и институциональных механизмов международного сотрудничества и урегулирования конфликтов – как в Южной Америке, так и на глобальном уровне. Бразилия обеспечила запуск новых платформ для международного сотрудничества, в том числе совместно с другими членами объединения БРИКС. Тенденции развития регионального сотрудничества исследуются авторами преимущественно на примере Союза южноамериканских наций (УНАСУР), а также инициатив Бразилии в сфере международной безопасности и здравоохранения. Вклад Бразилии приобретает еще большую значимость как часть более широкого процесса глобальных изменений, в ходе которого система глобального управления становится все более раздробленной и децентрализованной².

Ключевые слова: Бразилия, глобальное управление, международные нормы, многосторонность, новые институты

В данной статье исследуется роль Бразилии как создателя новых инициатив в системе глобального управления в период нахождения у власти президента Луиса Инасиу Лулы да Силва и начала президентского срока Дилмы Руссефф (2003–2012 гг.). В то время как множество исследований посвящено восхождению Китая на мировой арене [Johnston, Ross, 1999; Mearsheimer, 2001; Ikenberry, 2008; Johnston, 2008; Chin, Thakur,

¹ Авторы благодарны Кэтрин Хочстетлер за ее идеи и Марселию Биато, Аюдо Фалейро, Марко Фарани и Дениз Грегори за их вклад в исследование. Также авторы выражают благодарность рецензентам, главному редактору журнала «Вестник международных организаций» М.В. Ларионовой и редакторам журнала за их комментарии и предложения. Ответственность за идеи, представленные в статье, несут только авторы.

² Перевод подготовлен научным сотрудником Центра исследований международных институтов (ЦИМИ) Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС) Е.А. Сафонкиной.

Материал поступил в редакцию в феврале 2016 г.

2010; Shambaugh, 2013], в ряде исследований рассматривается возвышение Индии [Narlikar, 2007; Narlikar, 2013; Heine, Viswanathan, 2011], вопросы становления Бразилии как глобального лидера практически не затрагивались исследователями³. В данной статье, с одной стороны, рассматривается восхождение Бразилии на международной сцене, в частности ее роль в определении приоритетов, повесток дня и структуры международных организаций, а с другой — многосторонние процессы, прежде всего на примере региональной организации — Союза южноамериканских наций (УНАСУР). Авторы статьи стремятся найти ответ на вопрос о том, как Бразилия смогла достичь таких значимых результатов в период с 2003 по 2012 г. посредством впечатляющей внешней политики и дипломатии; каким образом, в отличие от предыдущего правительства, на указанные достижения Бразилии повлияли новые приоритеты и идеи в отношении международной политики и экономики и как указанные субъективные факторы и накопленные благодаря десятилетию уверенного экономического роста ресурсы обеспечили реализацию новых институциональных инициатив и многосторонних договоренностей. С методологической точки зрения исследование опирается на аналитические основы конструктивистской теории международных отношений / международной политической экономики, которые исследуют причины и следствия идейных предпочтений и субъективных убеждений, в том числе в процессе формирования международной политики⁴.

На сегодняшний день в исследовательской литературе идейные и институциональные аспекты влияния Бразилии на глобальное и региональное управление практически не рассматривались. Основным вклад данной статьи заключается в том, что ее авторы описывают ряд (эмпирических) взаимосвязей между идейными и нормативными изменениями во внешнеполитическом мышлении бразильских дипломатов и вкладом страны в создание многосторонних институтов в Южной Америке. Основное допущение авторов заключается в том, что Бразилия, по сути, не является «новым актором» в системе глобального управления, однако за период с 2003 по 2012 г. страна достигла небывалого и впечатляющего прогресса в изменении многосторонней повестки дня и институциональных механизмов международного сотрудничества и урегулирования конфликтов — как в Южной Америке, так и на глобальном уровне. За указанный период Бразилия вложила значительный политический капитал и национальное достояние для возрождения существующих региональных механизмов (таких как МЕРКОСУР) и запуска новых глобальных многосторонних процессов с другими так называемыми растущими державами нашего времени — Индией, Китаем, Россией и ЮАР в рамках объединения БРИКС. Однако из-за того, что объем статьи ограничен, мы лишь кратко затронем МЕРКОСУР и БРИКС в первом разделе и вернемся к рассмотрению глобальных инициатив и мирового порядка в Заключение.

Основным предметом анализа станет поиск ответа на вопрос, как и почему в период правления президента Лулы да Силва и первого президентского срока Руссефф Бразилия смогла отойти от риторики лидерства и обеспечить ресурсы для реализации новых инициатив международного сотрудничества и создания новых механизмов

³ Данное заявление опирается на англоязычные исследования и не включают работы на португальском языке, за исключением [Biato, 2008; Brainard, Martinez-Diaz, 2009; Hurrell, 2010; Sotero, 2010; Dauvergne, Farias, 2012; Hurrell, Sangupta, 2012; Vaz, 2013; Burges, 2013; Casanova, Kassum, 2014; Stuenkel, Taylor, 2015].

⁴ Подробное описание конструктивистского направления в международных отношениях и международной политической экономике представлено в работах [Abdelal, 2009; Abdelal, Blyth, Parson, 2010].

международного управления. Ниже мы рассмотрим процесс зарождения новых идей в отношении международного сотрудничества и альтернативных правил на примере Союза южноамериканских наций (УНАСУР), прежде всего в сфере международной безопасности и сотрудничества в сфере здравоохранения⁵. Следует отметить, что история УНАСУР ведет свое начало с предшествующего периода президентства Ф.Э. Кардозу. Однако именно в период правления президента Л.И. Лулы да Силва и первого президентского срока Д. Руссефф Бразилия приступила к реализации нетрадиционной, меняющей существующее положение дел впечатляющей внешней политики, стала играть роль полноценного лидера и смогла использовать новые идеи и накопленные ресурсы для запуска процесса создания устойчивых региональных институтов.

Прежде всего следует признать, что период новых идей и инициатив и активной дипломатии Бразилии совпал и был обусловлен десятилетием уверенного и устойчивого экономического роста: с начала 2000-х годов до приблизительно 2012–2013 гг. Экономические условия имели огромное значение, однако они решительным образом изменились с 2012 г. В ходе второго президентского срока Д. Руссефф страна столкнулась с продолжительным экономическим спадом (граничащим с кризисом), нестабильностью политической системы страны, а также отдалением от глобальных многосторонних площадок (ООН и «Группы двадцати»). Вместо оптимистической все чаще стала наблюдаться скептическая риторика, а в последнее время все больше вопросов стали вызывать длительность и устойчивость подъема Бразилии, ее статус как «растущей экономики» и возможности как международного лидера⁶. Однако даже те, кто и ранее ставил под вопрос способности Бразилии выступать в качестве лидера (т.е. еще до начала недавнего экономического спада), называя Бразилию «лидером без последователей» [Malamud, 2011; Burges, 2005], и те, кто критикует фактические результаты «большой дипломатии президента Лулы да Силва», называя ее претенциозной и подчеркивая, что Бразилия в основном продвигала внешнюю политику, направленную на обеспечение мира (Рабочей партии) [Almeida, 2010], тем не менее соглашались с тем, что в рассматриваемый период Бразилия выдвинула амбициозную повестку дня и ряд важных инициатив. Аргентинский исследователь Диана Тусси описала изменение политики Бразилии и других стран Южной Америки как правильный отказ от политизации внешней политики, который способствовал зарождению «новой политики и международных проектов», в рамках которых государства, социальные движения и (харизматические) лидеры взаимодействуют и «вырабатывают новые концепции о том, что должно представлять собой региональное пространство» [Tussie, 2014, p. 111]. Словом, представляется целесообразным исследовать и описать произошедшие изменения, особенно в контексте изменений глобального миропорядка, как будет сделано в заключительном разделе данной статьи.

Начнем с рассмотрения новых идей и нормативных приоритетов правительства Лулы да Силва.

⁵ Выбор двух данных сфер (обеспечения безопасности и здравоохранения) в качестве наилучших примеров изучения институциональных инициатив в рамках УНАСУР был сделан по итогам обсуждений, проведенных Грегори Чином с официальными лицами Бразилии в мае 2012 г.

⁶ См.: Simon R. Brazil's Foreign Policy Failures // Foreign Affairs. 2016. January 5; Brazil's Petrobras: We Lost \$2 Billion to Bribery // CNN Money. 2015. April 23; Taylor B. Greasing the Path to Dilma's Downfall // Foreign Policy. 2015. March 16; Ruchir Sharma Bearish on Brazil: The Commodity Slowdown and the End of the Magic Moment // Foreign Affairs. 2012. May – June.

Нормативные приоритеты

«Бразилия играет важную роль (в системе международных отношений. — *Примеч. перев.*), однако нередко ее роль принижают, поскольку мы сами не видим свою значимость. Это необходимо изменить...», — заявил Л.И. Лула да Силва в 2003 г.⁷

Ученые верно оценили серьезность изменений, произошедших во внешней политике Бразилии в ходе президентства Лулы да Силва, по сравнению с политикой предыдущего периода. Среди тех, кто настаивал, что «новая» внешняя политика правительства Лулы да Силва была во многих отношениях повторением предыдущего периода, самые осведомленные в предмете эксперты признавали, что правительство Лулы да Силва придерживалось более решительного, «уверенного националистического подхода во внешней политике», чем предшествующие правительства («националистическое мировоззрение»), и отмечали наблюдающуюся «политизацию» внешней политики с ее региональной переориентацией, изменением отношений с Вашингтоном и новой стратегией в отношении южных соседей [Hurrell, 2008, p. 51, 53–57]. И Паулу Роберто Алмейда, и Андрес Маламуд, критикующие итоги внешнеполитической стратегии Лулы да Силва, признают, что правительство Лулы да Силва уделяло особое внимание региональной дипломатии (особенно в начале президентства Лулы да Силва) и стремилось стимулировать региональную интеграцию в Южной Америке [Almeida, 2005, p. 49; Malamud, 2011].

Цитата, приведенная в начале данного раздела, демонстрирует, что с начала президентства Луиса Инасиу Лулы да Силва (2002–2010 гг.) власти Бразилии стремились выработать новую, более амбициозную и уверенную внешнеполитическую доктрину, отличающуюся от предшествующих периодов. Приведем еще одну цитату президента Лулы да Силва: «Правительство приняло решение... интегрировать Бразилию в систему глобального управления как крупную экономику, страну, которая уважает других партнеров, но в то же время хочет, чтобы ее также уважали. Мы больше не намерены участвовать в международной политике на правах “малой страны” третьего мира, известной только беспризорными детьми, футболом и карнавалом. Да, в нашей стране есть беспризорные дети, футбол и карнавал. Но она обладает намного большим потенциалом. Наша страна обладает величием... В нашей стране есть все, чтобы выступать наравне с другими странами мира. И мы не откажемся от этой цели»⁸.

Однако следует отметить, что правительство Лулы да Силва также приняло новый набор правил и идейных установок в качестве основ для более амбициозной внешней политики и дипломатии. Альтернативные нормы включали неодевелопментализм применительно к глобальной интеграции и конкуренции, региональную солидарность, в основе которой лежала идея сотрудничества стран Юга, взаимную поддержку друг друга растущими державами, изначально в формате Диалогового форума IBSA (сокращение от названий трех стран — Индии, Бразилии и ЮАР. — *Примеч. перев.*), а затем более влиятельной группы БРИКС.

Первым сигналом новой внешней политики стало несогласие правительства Лулы да Силва с началом второй войны в Ираке, призванной свергнуть режим Саддама Хусейна. В южноамериканском регионе официальные лица Бразилии продвигали ини-

⁷ Speech by President Luiz Inácio Lula da Silva, Palácio Itamaraty, Brasília. 2003. September 18. Режим доступа: http://www.mre.gov.br/portugues/politica_externa/discursos/discurso_detalhe3.asp (дата обращения: 11.05.2016).

⁸ Ibid.

циативы в сфере безопасности, направленные на превращение Южной Америки в «зону мира». Мы рассмотрим альтернативные нормы международной безопасности в одном из разделов статьи. Однако еще одним доказательством стремления Бразилии продвинуть альтернативные идеи и приоритеты стало лидерство страны в международной региональной коалиции с соседними странами (2003–2005 гг.), которое свело на нет усилия наиболее влиятельного актора в этой части света – США – по созданию Межамериканской зоны свободной торговли (ФТАА), привлекло внимание традиционных держав и обозначило дальнейшие изменения положения Бразилии в торговой сфере. В рамках торговых переговоров первой половины 2000-х годов на глобальном и региональном уровне, в том числе Дохийском раунде переговоров ВТО и переговорах о создании ФТАА, правительство Лулы да Силва отказалось от традиционных позиций страны. Являясь, наряду с США, сопредседателем в переговорах по ФТАА, предшествующее правительство Ф.Э. Кардозу на протяжении долгого периода демонстрировало готовность вести переговоры по ФТАА, что объясняется его стремлением обеспечить больший доступ на рынок США для экспорта бразильского сахара, мяса, цитрусовых и сои. В условиях финансового и экономического кризиса 1999 г. правительство Ф.Э. Кардозу надеялось использовать средства, которые могли быть получены от увеличения экспорта сельскохозяйственных продуктов в США и Европу, для покрытия значительного внешнего долга. Однако импорт сельскохозяйственных товаров в США был и продолжает оставаться ограниченным из-за внушительных программ субсидий на сельское хозяйство. Подобным образом соглашение в сельскохозяйственной сфере, обсуждаемое на министерской встрече в Канкуне в 2003 г., рассматривалось официальными лицами Бразилии как механизм сохранения значительных субсидий для европейских и американских фермеров. Последовавшие переговоры показали, что ни Брюссель, ни Вашингтон не стремятся менять свои программы субсидий. В ходе переговоров по ФТАА, учитывая, что США продемонстрировали нежелание изменять сельскохозяйственные субсидии, правительство Бразилии начало хитроумно маневрировать, чтобы незаметным образом препятствовать этому, стремясь изменить условия соглашения и настаивая на большей независимости для Бразилии и других потенциальных участников соглашения.

Под руководством первого в истории страны правительства Рабочей партии Бразилия вернулась в МЕРКОСУР в 2003 г. Власти подчеркивали необходимость укрепления «региональной экономической солидарности» в текущих глобальных условиях, где Бразилия сталкивается с большим количеством вызовов, включая вызовы национальной конкурентоспособности, возникающие вследствие глобальной экономической интеграции («глобализации»). Неслучайно позиция Бразилии в переговорах по ФТАА и в Дохийском раунде переговоров в большей степени была направлена на продвижение новых интересов развития страны, особенно на защиту интересов ее агробизнеса и продвижение позиций промышленных экспортеров. Правительство Бразилии более настойчиво стало отстаивать права развивающихся стран региона на определение собственного пути развития [Amorim, 2011]. Подобное изменение целей переговорного процесса правительство Лулы да Силва называло сообразным традиционным принципам невмешательства и содействия развитию страны, заложенным во внешней политике Бразилии. В ходе Дохийского раунда переговоров 2003 г. представители Министерства торговли Бразилии вместе с другими развивающимися странами сформировали дипломатическую коалицию для предотвращения заключения «протекционистского соглашения», которое, с их точки зрения, в случае его принятия ухудшит положение фермеров в Бразилии и в других развивающихся странах. Бразилия наряду с Индией

выступала в качестве лидера в так называемой «Группе торговли “Группы двадцати”» [Narlikar, Tussie, 2004]. К 2005 г. переговоры по ФТАА были приостановлены. Инициировав к тому моменту возвращение в МЕРКОСУР, Бразилия пошла ва-банк, восстанавливая или, как выразился Марсель Биато, «возвращая доверие и импульс этой региональной экономической платформе юга континента» [Biato, 2008; 2009]. Неслучайно, опять же, что именно в 2005 г. инициатива ФТАА была отложена, а страны — члены МЕРКОСУР проголосовали за присоединение Венесуэлы в качестве полноценного участника этого регионального торгового соглашения⁹.

Изменение позиции правительства Бразилии в вышеуказанных торговых переговорах также может быть объяснено идейными и нормативными изменениями в национальной политике страны в сфере экономики и развития, произошедшими в тот же период. На волне «возвращения государства в политику в сфере развития» в странах с формирующейся рыночной экономикой правительство Лулы да Силва переориентировало экономическую политику страны на так называемый неодевелопментализм, укрепляя государственные механизмы для поддержки национального экономического развития, а также конкурентоспособности бразильских компаний в торговой и инвестиционных сферах [Hochstetler, Montero, 2013]¹⁰. Неодевелопментализм предполагает новые формы государственной деятельности, направленные на содействие переходу развивающихся стран на более высокий уровень экономического развития, основные цели которого включают достижение полной занятости, ценовой и финансовой стабильности, во внешнеэкономической политике — реализацию экономической стратегии, направленной на поддержку национальных компаний для обеспечения их конкурентоспособности в глобальном пространстве, достижение уровня экономического и технологического развития и развития бизнес-инноваций ведущих экономик мира, а также энергичную торговую политику, обеспечивающую охрану прав интеллектуальной собственности и инвестиционные возможности для бразильских компаний [Hochstetler, Montero, 2013, p. 1484–1488; Van, 2013, p. 3–5]. Несмотря на поддержку принципов экономической открытости и интеграции так называемого Вашингтонского консенсуса, неодевелопментализм воспринимается его сторонниками как отход от доминирующей модели последних трех десятилетий, особенно учитывая акцент на промышленную политику, улучшение условий для продукции и услуг с высокой добавленной стоимостью, а также роль государства в процессе выбора и оказания поддержки ведущим компаниям. Власти Бразилии использовали политические инструменты, такие как Бразильский банк развития (BNDES) [Hochstetler, Montero, 2013], для поддержки бразильских компаний и внутри страны, и на региональных рынках Южной Америки, а также обеспечили поддержку некоторых ведущих компаний Бразилии, чтобы сделать их конкурентоспособными в глобальном масштабе, например, таких корпораций как Petrobras, Vale, Embraer, Odebrecht, Gerdau и LLX Logistics. По мнению Эндрю Харрелла, снижение интереса Бразилии к ФТАА во время президентского срока Лулы да Силва произошло в силу нового «лидерского» восприятия, согласно которому ФТАА стала рассматриваться как вызов усилиям страны расширить технические возможности основных отраслей национальной промышленности Бразилии. Поэтому для защиты национальной промышленной базы страна стала уделять недостаточно внимания переговорному процессу [Hurrell, 2008, p. 52].

⁹ Авторы благодарны Кэтрин Хочстетлер за эту идею.

¹⁰ Термин «неодевелопментализм» впервые был использован бразильским экономистом и бывшим политиком Луисом Карлосом Брессер-Перейрой [Van, 2013].

В дополнение к приоритету по продвижению «региональной солидарности» и идеи «общего дела» с развивающимися странами в рамках глобальных торговых переговоров власти Бразилии под руководством президента Луиса Инасиу Лулы да Силва и министра иностранных дел Селсу Аморима продвигали другое направление солидарности – Юг – Юг, основанное на выработке политических компромиссов между так называемыми странами с формирующейся рыночной экономикой. Изначально усилия Бразилии были направлены на Диалоговый форум IBSA – механизм по развитию сотрудничества и консультаций дипломатических ведомств Индии, Бразилии и ЮАР ([Alden, Viera, 2005]; критическая оценка IBSA представлена в [Nel, Taylor, 2013]). IBSA в определенной степени предшествовала появлению более влиятельной группы БРИКС (мы вернемся к вопросу роли Бразилии в БРИКС в заключительной части статьи) [Chin, Heine, 2014]. Сторонники IBSA, как, например, Марсель Биато, полагали, что IBSA представляет собой новую платформу, призванную содействовать положительным изменениям в глобальной системе: «Созданы все возможности для запуска широкой платформы сотрудничества – действительно глобального механизма, который поможет объединить различных акторов и движущие силы глобализации в рамках реформированной многосторонней системы» [Biato, 2008, p. 17]. Механизм IBSA, старт работе которого был дан в Бразилиа в 2003 г., должен был стать платформой для координации внешней политики трех крупнейших демократий южного полушария. Идея создания IBSA заключалась в том, что три державы будут взаимодействовать для выработки скоординированных позиций в рамках ключевых международных форумов, особенно по продвижению реформ глобальных институтов; содействовать углублению торговых и экономических связей и координировать свои усилия в сфере помощи развитию [Biato, 2008, p. 10]. Правительства трех стран создали фонд IBSA под управлением ООН для финансирования проектов в сфере образования и здравоохранения в развивающихся странах [Biato, 2009]. IBSA опиралась на предшествующую работу трех стран в целях создания глобального «общего блага», как, например, переговоры ВТО 2001 г. о Соглашении по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС), когда Бразилиа, ЮАР и Индия вместе отстаивали позицию, согласно которой права на частные патенты и доходы фармацевтических компаний не должны ставиться на первое место по отношению к общественному здравоохранению и доступу к бюджетным непатентованным лекарственным средствам. В основе их коллективной позиции была общая обеспокоенность быстрым распространением СПИДа в Бразилии и ЮАР. Хотя власти США стремились активно поддержать свои фармацевтические компании, тот факт, что ВТО в конечном счете прислушалась к мнению стран Юга, было важным достижением [Biato, 2008; Gomes, 2008].

Опираясь на опыт запуска IBSA, Бразилиа стала инициатором новых процессов многостороннего диалога между южноамериканскими и арабскими, а также южноамериканскими и африканскими странами. В период президентства Лулы да Силва Бразилиа также вела переговоры с Берлином, Токио и Нью-Дели для продвижения инициативы так называемой «Группы четырех» (G4) по реформированию Совета Безопасности ООН. Инициатива предполагала расширение состава Совета с 15 до 25 стран и включение шести дополнительных постоянных членов (Бразилии, Германии, Индии, Японии и двух африканских государств) без права вето и четырех непостоянных членов, которые избирались бы на двухлетний срок. Однако инициатива не получила поддержки со стороны традиционных держав – соперников стран G4. Эта группа, также называемая «Объединение ради консенсуса», включающая Аргентину, Мексику, Италию, Республику Корея и Пакистан, активно противостояла реформе [Agraes, 2007,

р. 27–40]. В Совете Безопасности ООН Великобритания и Франция неявно поддерживали предложение G4, а Китай и США выступили против. Россия также не стремилась поддержать инициативу. В результате инициатива так и не была вынесена на голосование. Хотя предложение было отклонено в 2005 г., эксперты отмечали дальновидность Бразилии, отстаивающей эту идею.

Начиная приблизительно с 2005 г. Бразилия и так называемые страны BASIC (Бразилия, ЮАР, Индия и Китай) были выбраны правительствами развитых стран благодаря их активному участию в переговорах по климату на глобальном уровне и в рамках более узких встреч основных производителей выбросов, таких как «Группа восьми»+«Группа пяти», «Группа двадцати» и 17 стран – членов форума ведущих экономик по энергетике и климату под главенством США. Бразилия выступала в качестве международного лидера в сфере инноваций в отношении сохранения биосферы и инвестировала значительные ресурсы в развитие ноу-хау в сфере альтернативной энергетики – одного из основополагающих элементов неододевелопментализма [Hochstetler, Kostka, 2015]. Бразилия, на территории которой расположена большая часть джунглей Амазонки, не без оснований позиционировала себя как *национального* управляющего «легких мира», как называют этот лесной массив остальные страны (бразильские официальные лица не приветствовали использование этого термина). В последние 15 лет Бразилия активно развивала и продвигала свой опыт и технологии в сфере альтернативной энергетики. Соглашения по техническому сотрудничеству в сфере борьбы с изменением климата составляют значительную часть бразильской помощи развитию. Бразильское агентство по сотрудничеству в целях развития (ABC) и государственные корпорации, в частности Бразильская сельскохозяйственная исследовательская корпорация (Embrapa), подписали и реализуют соглашения по техническому сотрудничеству в сфере биоэнергетики и производства биотоплива с Аргентиной, Никарагуа и Суринамом, в Гвинее, Кении, Либерии, Мозамбике, ЮАР, Замбии и восьми странах, входящих в Экономическое сообщество западноафриканских государств (ЭКОВАС)¹¹. Embrapa исследует биотопливо в Панаме [Hochstetler, 2012] в рамках одного из проектов по сотрудничеству в сфере сельского хозяйства в Южной Америке [Pinheiro, Gaio, 2016, p. 82]. Наконец власти Бразилии подписали Меморандум о взаимопонимании с правительством США о распространении технологий производства биотоплива.

В ноябре 2009 г. в Копенгагене накануне конференции по вопросам глобального изменения климата состоялась встреча представителей четырех стран BASIC для координации позиций в ходе переговоров. Именно страны BASIC сыграли главную роль в определении результатов конференции (как известно, договорились о соглашении с президентом США Бараком Обамой, который сидел напротив них). С момента конференции в Копенгагене министры окружающей среды коалиции BASIC проводили ежеквартальные встречи для дальнейшего согласования своих позиций в продолжающихся переговорах по климату. По итогам каждой встречи министры публиковали совместные заявления. Страны использовали эти подготовительные встречи для выработки консенсуса, в том числе выражения несогласия с небольшими тематическими форумами и продвижения идеи, что Рамочная Конвенция ООН об изменении климата (РКИК) должна быть ключевой площадкой для заключения глобального соглашения. Как отметила Кэтрин Хочстетлер, среди четырех стран BASIC Бразилия наиболее явно обещала помощь в борьбе с изменением климата в ходе встреч в Копенгагене. На сайте Министерства иностранных дел Бразилии доступны выступления президента Лулы да Силва в Копенгагене (опубликованные в декабре 2009 г.), в которых он дал торже-

¹¹ Информация ABC, см. [Hochstetler, 2012].

ственное обещание перед высокопоставленными участниками встречи предпринять необходимые действия для сокращения выбросов в Бразилии и заявил, что Бразилии для этого не потребуется помощь других стран. В ходе неофициального пленарного заседания президент Лула да Силва, по имеющимся сведениям, пошел еще дальше, предложив предоставлять помощь другим странам в сфере борьбы с изменением климата, если это будет способствовать выходу из дипломатического тупика (это предложение официально не озвучивалось до 2012 г., когда президент Руссефф пообещала выделить 10 млн долл. США на финансирование борьбы с изменением климата на Конференции ООН по устойчивому развитию Рио+20 в Рио-де-Жанейро¹². Бразилия предприняла серьезные усилия по реализации этого обязательства посредством двусторонних программ помощи развитию, которые, как уже отмечалось выше, включают большую долю помощи по климатическим вопросам. По подсчетам исследователей из правительства Бразилии, общие расходы в этой сфере в 2009 г. составляли 362 млн долл. США, а за 2005–2009 гг. – 1,6 млрд долл. США (данные IPEA, ABC, 2010, p. 21, цит. по [Hochstetler, 2012]).

Изменение идейных установок

Каковы предпосылки сдвига во внешней политике Бразилии и ее более активного и впечатляющего участия в региональном и глобальном управлении? Изменение подхода Бразилии к глобальным вопросам можно объяснить новыми внешними условиями, совокупностью объективных структурных экономических факторов, эффективными национальными институтами и внутренними политико-культурными и социальными изменениями, которые обеспечили изменение идейных установок, а также появление ряда субъективных предпочтений с момента прихода к власти президента Лулы да Силва. Именно благодаря структурным факторам впечатляющие и устойчивые темпы роста Бразилии в 1990-е годы и в период с 2003 по 2012 г. сделали ее одной из ведущих стран с переходной экономикой. Также следует отметить работу Министерства иностранных дел Бразилии (Itamaraty) и Министерства торговли, которые сформировали штат первоклассных практичных стратегов в сфере международных отношений, дипломатов, способных представлять страну и разработать новую концепцию национальных интересов Бразилии, продвигаемую правительством Лулы да Силва, и новую повестку дня страны в сфере международного сотрудничества.

Бывший министр иностранных дел Бразилии Селсу Аморим отмечал, что страна исторически испытывает недостаток самоуважения, и чрезмерная осторожность и собственные ограничения оказали негативное влияние на подход к внешней политике [Amorim, 2011]. Можно предположить, что С. Аморим имел в виду субъективные убеждения дипломатов, долгое время работавших в Министерстве иностранных дел, Министерстве торговли, и ряд сотрудников Министерства финансов, которые пренебрежительно относились к попыткам правительства Лулы да Силва повысить статус Бразилии на глобальной арене и до некоторой степени были одержимы обсуждениями, почему Бразилия не должна рассматриваться как «великая держава», а также склонных демонстрировать крайнюю бдительность (болезненную реакцию) в отношении препятствий, с которыми Бразилия сталкивалась в процессе приобретения данного статуса. Например, бывший профессиональный дипломат, известный ученый (профессор в Университетском центре Бразилии – UniCEUB) и критик правительства Лулы

¹² Авторы благодарны Кэтрин Хочстетлер за эту обновленную информацию.

да Силва – Паулу Роберто Альмейда – подчеркивал, что на протяжении президентства Лулы да Силва Бразилии не хватало предпосылок для получения статуса «великой державы», «особенно финансовых и военных» [Almeida, 2010, p. 160]. Кроме того, по мнению Альмейды, Бразилия не воспринималась как «прирожденный лидер» в латиноамериканском регионе и в «мировом сообществе», ей приходилось действовать как великой державе в одиночку. Альмейда полагает, что «было бы преувеличением» рассматривать Бразилию как «прирожденного лидера» в Южной Америке, если только не брать в расчет ее собственное чувство величия; Бразилии недостает субъективных критериев для статуса «великой державы», что означает «добровольное принятие ее в такой роли странами-соседями», от акторов среднего уровня (Аргентина и Колумбия) до малых стран [Almeida, 2010, p. 161]. С точки зрения Альмейды, страны региона «еще не готовы принять Бразилию как их регионального представителя или же, чтобы страна действовала от их лица, не будучи уполномоченной делать это». Ученый предполагает, что препятствием этому служат исторические факторы, прочные культурные барьеры, а также исторически сложившиеся политические и дипломатические «различия»: «Бразилия является единственной страной, население которой говорит на португальском языке, в окружении испаноговорящих стран»; Бразилия была единственной страной с монархическим строем в XIX в., в то время как все остальные страны континента были республиками; также Бразилия имеет долгую историю взаимодействия с развитыми странами Европы и США в ущерб сотрудничеству с южноамериканскими соседями, что привело к укоренившемуся недоверию со стороны ее ближайших соседей [Almeida, 2010, p. 161]. Исследователи также отмечали напряженные взаимоотношения между правительством Лулы да Силва и «ветеранами» в Министерстве торговли, которые выражали беспокойство из-за уступок правительства Лулы да Силва, предпринятых для выработки общих позиций со странами Юга и другими развивающимися странами¹³.

По мнению С. Амори́ма [Amorim, 2011], вышеупомянутое традиционное мировоззрение и политика, подкрепляющая его, служили ограничивающим фактором для более активной дипломатии и внешнеполитических отношений на протяжении периода «независимой внешней политики» Жаниу Куадруса и Жоао Гуларта (1961–1964 гг.) и внешней политики «ответственного прагматизма» генерала Эрнесто Гизеля и сторонника активной внешней политики министра иностранных дел Антониу Азереду да Сильвейра (1974–1979 гг.) [Pinheiro, 2013]. Эндрю Харрелл полагает, что на протяжении 1990-х годов Бразилия преимущественно воспринимала глобальный миропорядок как данность и не стремилась сопротивляться глобальной экономической открытости и интеграционным процессам [Hurrell, 2008]. «У нас было предубеждение относительно нашего места в мире и нашей способности влиять на международные события», – заявлял С. Амори́м. Также он отмечал, что эта тенденция время от времени появлялась и во время президентства Лулы да Силва. Однако в ходе президентства Лулы да Силва, когда бразильские официальные лица и дипломаты должны были продвигать более активную, «впечатляющую», нетрадиционную внешнюю политику, меняя некоторые преобладающие нормы и договоренности в глобальной системе, идея о роли лидера Бразилии глубоко укоренилась в сознании. Эти инициативы и продуманная дипломатия Бразилии, направленная на создание новых региональных и глобальных механизмов, способствовали росту влияния Бразилии на региональном и глобальном уровне.

По мнению руководства страны, включая президента Л.И. Лулу да Силва и министра иностранных дел С. Амори́ма, подобный сдвиг в дипломатии и внешней политике

¹³ Авторы благодарны опытному эксперту и участнику внешнеполитической политики Бразилии за эту мысль (август 2007 г.).

произошел не за один день. Как отметил в другой работе Г. Чин [Chin, 2013], подобный сдвиг был обусловлен внутренними изменениями в бразильском обществе и культуре — изменением идейных установок, повлекшим за собой долгий процесс борьбы за установление демократии и свержение военного авторитарного режима, развитие демократических институтов и рост уверенности в своих силах среди граждан Бразилии¹⁴. Иными словами, более амбициозная внешняя политика и решительный лидерский подход Бразилии к глобальной политике возникли и были обусловлены политическим движением, начавшимся с импичмента президента Колоради Мелу в 1992 г., смягчением темпов инфляции в 1994 г., а также распространившимся среди граждан Бразилии убеждением, что политическая система (государство) может быть источником позитивных изменений. Реформы правительств Кардозу (1995—2003 гг.) и Лулы да Силва (2003—2010 гг.), которые позволили раскрыть потенциал страны, укрепили это новое мировоззрение.

Отличительный «народно-демократический» подход к роли международного лидера и решительная политика правительства Лулы да Силва лучше всего отражены в выступлении президента в Париже, когда он получал почетную докторскую степень в Sciences Po — элитном французском университете, специализирующемся на политологии и международных отношениях. В своей речи Лула да Силва отметил важность борьбы с крайней бедностью среди 28 млн жителей страны и повышения качества жизни, чтобы 39 млн граждан могли подняться на уровень среднего класса; инвестиций в образование, для того чтобы «изменить страну и судьбы людей»; важность участия обычных граждан в политическом процессе как основы изменений, таких как «демократия — наша общая идиома»¹⁵. Лула да Силва призвал политических лидеров по всему миру больше прислушиваться к избирателям: «Политики не должны бояться развития демократии. Они не должны бояться граждан, даже бедных». Президент Бразилии призвал студентов верить в политику и не отказываться от веры и надежды там, где возможно хоть какое-то изменение: «Сейчас не время отказываться от политики, наоборот, необходимо укреплять политику. Никогда не сдавайтесь! Существует только одна категория граждан — это вы, и вы не должны терять надежду! Если бы я отказывался от своих идей, я бы не добился того, чего добился»¹⁶.

Э. Харрелл пишет о том, что бразильские официальные лица стремились позиционировать внешнюю политику как внешнее проявление социальных обязательств внутренней политики президента Лулы да Силва [Hurrell, 2008, p. 52–53]. Мы полагаем, что власти и дипломаты Бразилии пытались перевести настроение граждан Бразилии (новый дух демократии и новое мировоззрение) в новый набор идей и целей для реализации конкретных действий на международной арене — как на региональном, так и на глобальном уровне. На глобальном уровне это означало продвижение идей и нормативных предпочтений традиционно «забытых» стран Юга, а также новых форм коллективных действий для продвижения общих позиций с крупными и малыми развивающимися странами. Серьезный финансовый кризис 2008—2009 гг. убедил власти Бразилии, что они приняли правильное решение продвигать нетрадиционную внешнюю политику [Biato, 2008, p. 17]. Кризис привел к значительным потрясениям в «старом миропорядке», выявив слабые стороны системы. Как отметил Марсель Биато, назрели глобальные предпосылки для того, чтобы Бразилия приступила к поиску об-

¹⁴ Авторы благодарны Марселю Биато за эту мысль (Ватерлоо, Канада, 2009 г.).

¹⁵ Lula to Sciences Po Students: “Don’t Abandon Hope!” // Global Horizons. 2011. October. Режим доступа: <http://www.sciencespo.fr/newsletter/actu/?id=610> (дата обращения: 11.05.2016).

¹⁶ Ibid.

щих интересов с другими странами с переходной экономикой и развивающимися странами для «смягчения последствий процесса неолиберальной глобализации», «который бы учитывал потребности стран Юга» [Biato, 2008, p. 17]. При этом Бразилия (и другие страны — члены БРИКС) получила место за столом переговоров, например, в рамках саммитов лидеров «Группы двадцати» и в Совете по финансовой стабильности. Представители Бразилии озвучивали замечания и предложения в рамках этих формирующихся платформ международного сотрудничества, созданных с целью устранения последствий глобального экономического кризиса [Biato, 2009]. В то же время Бразилия направляла свои экономические и дипломатические ресурсы и политический капитал для укрепления новых международных платформ регионального управления, ключевой из которых является Союз южноамериканских наций (УНАСУР).

Новая институциональная инициатива: УНАСУР

В своей деятельности по расширению и углублению регионального сотрудничества правительство Лулы да Силва опиралось на наработки предыдущего президента Ф.Э. Кардозу, в том числе организованный им первый саммит южноамериканских президентов в сентябре 2000 г. Следующим шагом стало создание Южноамериканского сообщества наций (SAC) на саммите в Куско в декабре 2004 г. К маю 2008 г. процесс завершился запуском обновленной структуры — Союза южноамериканских наций (УНАСУР). Договор об учреждении УНАСУР был подписан в Бразилиа. УНАСУР объединил страны южноамериканского континента от Колумбии до Аргентины. Как можно судить по тематике постоянных советов, деятельность УНАСУР сфокусирована на следующих сферах: оборона, здравоохранение, энергетика, наука и технологии, культура, социальное развитие, экономика и финансы, образование, инфраструктура и планирование, борьба с оборотом наркотиков и безопасность, обеспечение законности и борьба с транснациональной преступностью¹⁷. В процессе формирования УНАСУР принимали участие главы и министры стран, открытых внешнеполитическому сотрудничеству, что упростило формирование позиций всего региона по актуальным вопросам, таким как региональная координация для борьбы с финансовым кризисом 2008–2009 гг. и его последствиями. Изначально УНАСУР приобрел скандальную известность из-за попыток координации на встрече по вопросам здравоохранения, в том числе разработки вакцин против ВИЧ/СПИДа. На саммите в Коста-ду-Сауипе, штат Баия (Бразилия), в марте 2009 г. в результате распространения идеи регионального сотрудничества всех латиноамериканских и карибских государств была создана новая региональная платформа из 33 государств — Сообщество стран Латинской Америки и Карибского бассейна (CELAC). Как писали тогда дипломаты США, двухдневный саммит с участием различных стран продемонстрировал, что бразильское правительство «способно и стремится к тому, чтобы принять на себя региональное лидерство, имея целью легитимно утвердить за собой представительство региональных интересов на глобальной сцене»¹⁸.

МЕРКОСУР был фундаментальным элементом бразильской внешней политики в регионе с момента его создания в 1998 г., а создание УНАСУР привело к расширению региональной стратегии Бразилии за счет охвата двух зон МЕРКОСУР в Южном кону-

¹⁷ По имеющимся сведениям, Сообщество стран Латинской Америки и Карибского бассейна (CELAC) также осуществляет координацию сотрудничества по широкому спектру региональных вопросов, несмотря на существование советов УНАСУР.

¹⁸ Cooper A.F., Heine J., Thakur R. (eds) *The Oxford Handbook of Modern Diplomacy*, 2013. Oxford University Press.

се и Андского сообщества, занимающего северную часть континента. Специалисты в области международных отношений нередко рассматривают УНАСУР как «ключевую платформу» для реализации амбиций Бразилии как великой державы, механизм, посредством которого страна вывела свое влияние на новый уровень на всем пространстве Южной Америки. Однако если более глубоко исследовать сотрудничество в области здравоохранения, реализуемое Бразилией в рамках УНАСУР, можно проследить ряд правил, целей и мотивов, лежащих за подобной максимизацией влияния. Данные цели и мотивы являются альтруистическими, направленными на сотрудничество с целью обмена техническими наработками и ноу-хау в сфере медицины и здравоохранения. Также очевидно стремление правительства поддержать развитие соседних стран и других стран развивающегося мира, например в Африке и за ее пределами, в рамках так называемого «сотрудничества Юг – Юг» [Buss, 2011, p. 1722]. Мы полагаем, что в основе новых механизмов международного сотрудничества, связанных с УНАСУР, лежит нечто большее, чем просто соперничество за статус великой державы, подтверждением чему являются цели и результаты сотрудничества в сфере международной безопасности и здравоохранения.

Международная безопасность

Сотрудничество в сфере безопасности и обороны – ключевое направление деятельности УНАСУР. Лидирующая роль Бразилии была основополагающим элементом международного сотрудничества в этой сфере. Президент Лула да Силва официально предложил 11 странам, включая Венесуэлу, Аргентину и Чили, создать Южноамериканский совет обороны (CDS)¹⁹ в ходе третьего Южноамериканского саммита в Бразилиа в мае 2008 г. Предложению о создании CDS предшествовала военная операция Колумбии против представителей Армии народа (ФАРК) на территории Эквадора, которая почти привела к вооруженному вторжению Венесуэлы [Serbin, 2009]. Колумбия с ее симпатией к Вашингтону изначально выступила против предложения, отстаивая точку зрения, согласно которой вопросы региональной безопасности должны рассматриваться Организацией американских государств (ОАС) под главенством США. Президент Колумбии Альваро Урибе выступил против предложения Бразилии, заявив: «Сейчас не надлежащий момент. Перед нами стоит проблема терроризма, что вынуждает нас быть очень осторожными при принятии подобных решений». Президент А. Урибе и президент США Джордж Буш обвинили Венесуэлу в поддержке терроризма и незаконном обороте наркотиков и предложили санкции для изоляции У. Чавеса.

Под давлением Бразилии и ее региональных союзников Колумбия в конечном счете согласилась с данной инициативой, и CDS был создан [Sanahuja, 2012, p. 49]. Официально CDS начал свою работу 16 декабря 2008 г. в Сальвадоре, Бразилия²⁰. Как отмечается в официальном заявлении, «в сфере ответственности CDS – реализация военной политики в сфере военного сотрудничества, гуманитарных акций, миротворческих операций, обучение в военно-промышленной и технологической сферах»²¹. По сообщению The Washington Post, «Бразилия была инициатором нового южноамериканского объединения в военной сфере, которое ставило под угрозу участие США в региональном военном планировании в период растущей напряженности между Вашинг-

¹⁹ South American Defense Council (CDS) // UNASUR. Режим доступа: <http://www.unasur.org/en/node/339> (дата обращения: 11.05.2016).

²⁰ Ibid.

²¹ Ibid.

тоном и левым президентом Венесуэлы Уго Чавесом»²². Исследователи единодушны в том, что инициатива по созданию CDS была, прежде всего, выражением регионально-го лидерства Бразилии, хотя Уго Чавес также был инициатором новой региональной коллективной повестки дня в области безопасности и УНАСУР. Запуск CDS также был обусловлен обеспокоенностью Бразилии в отношении эффективной охраны ее «проницаемых» границ протяженностью 17 тыс. км, борьбы с наркоторговцами и другими преступными лицами, и ополченческими отрядами из соседних стран; растущей обеспокоенностью из-за нестабильности и в Андском регионе, а также стремлением правительства Лулы да Силва расширить геополитическое влияние в регионе в качестве страны-посредника в урегулировании региональных конфликтов. Исследователи отмечают, что правительство Лулы да Силва рассматривало роль и вмешательство США в региональные конфликты как приводящее в конечном счете к еще большей нестабильности и неопределенности в Южной Америке. Власти Бразилии понимали, что многие страны в регионе, особенно возглавляемые левыми правительствами новой волны, ставили под вопрос легитимность участия Вашингтона как «добросовестного посредника» по урегулированию конфликтов и полагали, что Бразилия находится в более выгодном положении, чтобы выступать в качестве такого посредника.

С момента появления идеи создания CDS Бразилия демонстрировала свою лидерскую позицию, выступая в качестве посредника между У. Чавесом и властями США. У. Чавесу приписывают фразу: «Если существует Организация Североатлантического договора (НАТО), то почему не может существовать Организация Южноатлантического договора?»²³ Официальные лица Министерства обороны и Министерства иностранных дел Бразилии смогли убедить США в том, что, учитывая наличие альтернативных лидеров в регионе, для США предпочтительнее поддержать идею создания нового Совета обороны, особенно с учетом лидерства Бразилии в нем. Лица, отвечающие за внешнюю политику США, осознавали, что У. Чавес и другие «левые» лидеры в регионе могут продвинуть инициативу по вопросам региональной безопасности в направлении, явно противоречащем интересам США, и что США выгоднее поддержать Бразилию в качестве лидера. Представители Бразилии также заверили своих американских коллег, что любое сотрудничество УНАСУР в сфере безопасности будет основано исключительно на обеспечении безопасности и направлено на стандартизацию военных поставок и военной подготовки, в чем США видели выгоду, несмотря на рост озабоченности в отношении гонки вооружений на континенте. Министр обороны Бразилии Нельсон Жобин заявил: «Мы не стремимся к территориальной экспансии. Но мы должны иметь оружие, чтобы защитить возможности нашей политики сдерживания»²⁴. Бразильская дипломатия работала. В ходе ее визита в Бразилию в марте 2008 г. госсекретарь США Кондолиза Райс заявила в разговоре с министром иностранных дел Бразилии Селсу Аморимом: «Я не только не вижу проблем с [Южноамериканским советом обороны], но я полностью доверяю Бразилии, выступающей в роли лидера, и надеюсь на эффективную дальнейшую координацию»²⁵. Тем не менее в апреле 2008 г. Пента-

²² Brazil Proposes Latin American Alliance // Washington Times. 2008. June 5. Режим доступа: <http://www.washingtontimes.com/news/2008/jun/05/brazil-proposes-alliance-of-latin-american-nations/?page=all> (дата обращения: 11.05.2016).

²³ Brazil Proposes Latin American Alliance // Washington Times. 2008. June 5. Режим доступа: <http://www.washingtontimes.com/news/2008/jun/05/brazil-proposes-alliance-of-latin-american-nations/?page=all> (дата обращения: 11.05.2016).

²⁴ Ibid.

²⁵ Ibid.

гон объявил о планах возобновить деятельность 4-го флота США (базирующегося в Мэйпорте, Флорида) для патрулирования вод вокруг Центральной и Южной Америки – решение, которое вызвало широкий резонанс в Южной Америке. Представители военных ведомств США по-разному объясняли это решение. В *The Washington Post* было опубликовано высказывание контр-адмирала Джеймса Стивенсона, командира морского флота США в зоне Центральной и Южной Америки, о том, что возрождение 4-го флота – это сигнал для всего региона, не только для Венесуэлы, и что деятельность флота будет сфокусирована на вопросах безопасности²⁶.

Вскоре после создания Южноамериканский совет обороны столкнулся с проблемой безопасности на территории одного из членов – Колумбии, присоединившейся к Совету без особого желания. Меры, предпринятые Бразилией и другими странами, продемонстрировали новый подход к совместному и гибкому лидерству в сфере безопасности, который отстаивала Бразилия. В августе 2009 г. Колумбия и США объявили о соглашении, согласно которому США могли использовать военные базы на территории Колумбии. Это стало первой проверкой для недавно сформировавшегося Южноамериканского совета обороны. Критики Совета настаивали, что двустороннее соглашение демонстрирует ограниченность многосторонности, сотрудничества в сфере безопасности и автономности Южной Америки; что стремлению членов УНАСУР сохранить CDS и полагаться на него был брошен вызов. Бразилия и ее региональные союзники отреагировали осторожно. Власти Колумбии понимали, что подобное решение (принятое без консультаций с другими членами УНАСУР) вызвало озабоченность в УНАСУР относительно его легитимности и были благодарны, что члены УНАСУР не стали открыто выступать против решения Колумбии. Колумбия и УНАСУР вели переговоры о заключении двух инновационных соглашений по вопросам открытости, направленных на повышение уровня взаимного доверия. После выборов новый президент Колумбии Хуан Мануэль Сантос принял решение не ратифицировать соглашение с США, что означало серьезный сдвиг во внешней политике Колумбии и эффективность «тихой» дипломатии Бразилии.

Индийские специалисты в сфере внешней политики отмечали, что CDS поддерживает и укрепляет государственнические принципы невмешательства, суверенности и территориальности, хотя стремится продвигать новые формы политического диалога и сотрудничества в сфере обороны между своими членами, в том числе на ежегодных встречах министров обороны. Они также подчеркивали, что CDS не рассматривает себя как военный альянс или военную организацию [Pothuraju, 2012, p. 4]. Его цель в большей степени заключается в том, чтобы обеспечивать консультации и сотрудничество в сфере безопасности в широком понимании, а также развивать новые амбициозные нормы сотрудничества в области международной безопасности, что отражено в целях CDS:

- обеспечивать мир в регионе Южной Америки;
- способствовать формированию общего видения обороны;
- представлять позиции стран региона в рамках многосторонних форумов по вопросам обороны;
- осуществлять региональное сотрудничество по вопросам обороны;

²⁶ Brazil Proposes Latin American Alliance // *Washington Times*. 2008. June 5. Режим доступа: <http://www.washingtontimes.com/news/2008/jun/05/brazil-proposes-alliance-of-latin-american-nations/?page=all> (дата обращения: 11.05.2016).

– поддерживать разминирование и обеспечивать предотвращение и помощь жертвам природных катастроф²⁷.

Мы полагаем, что тенденция к внедрению инноваций в законодательство в сфере безопасности изначально пропагандировалась правительством Лулы да Силва для Бразилии (как отмечено в первом разделе), а затем перешла на региональный уровень и нашла отражение в ключевых задачах CDS.

Бразилия продемонстрировала свое лидерство, продвигая конкретные меры, инициативы и шаги, направленные на институционализацию озвученных обязательств. Один индийский исследователь отметил важную роль Бразилии для повышения уровня открытости информации о военных расходах. Страны – члены CDS реализовали эту меру с 2009 г., введя новые механизмы обмена информацией о расходах на поставки и военную подготовку. Мера была призвана устранить давние подозрения, витавшие как в регионе, так и между участниками CDS, в отношении их военных вмешательств, а также преодолеть нехватку опыта сотрудничества в сфере обороны в регионе. Бразилия, на которую приходится 43% всех военных расходов региона, выступила инициатором раскрытия информации [Pothuraju, 2012, p. 5]. Расходы на оборону в регионе являются наименьшими в мире, составляя в среднем только 0,91% ВВП, и одна из целей CDS – сохранить их на таком же уровне. Любопытно, что применительно к региональной экономической интеграции CDS упростил реализацию новых инициатив в секторах промышленности, связанных с обороной, включая международное сотрудничество, в которых бразильские корпорации и технические ноу-хау находятся в центре цепочки добавленной стоимости. В качестве примеров можно привести региональное сотрудничество по строительству бразильского военно-транспортного самолета Embraer C-390 и подписанное в 2001 г. соглашение о модернизации аргентинских ракет по бразильской технологии.

Сотрудничество в области здравоохранения

Хотя сотрудничеству в области здравоохранения в УНАСУР уделяется меньше внимания и оно меньше освещается, чем инициативы в сфере международной безопасности, здравоохранение – один из наиболее ярких примеров значительного вклада Бразилии в региональное сотрудничество и новые походы в международном управлении. Лучше всего это прослеживается на участии Бразилии в Южноамериканском совете по здравоохранению (CSS), или УНАСУР-Здоровье. Этот постоянный Совет был создан 16 декабря 2008 г. главами государств и правительств УНАСУР в Сальвадоре, Бразилия, спустя год после запуска УНАСУР²⁸. Был принят пятилетний план работы CSS (2010–2015 гг.), ключевые задачи которого определены следующим образом: «Содействовать интеграции в сфере здравоохранения посредством использования усилий и достижений других механизмов региональной интеграции» и «продвигать совместную политику и координацию действий стран – членов УНАСУР в сфере здравоохранения». Деятельность CSS сфокусирована на следующих проектах:

- Южноамериканская сеть наблюдения за здоровьем и реагирования;
- создание универсальных систем здравоохранения;
- всеобщий доступ к лекарственным средствам;

²⁷ South American Defense Council (CDS) // UNASUR. Режим доступа: <http://www.unasursg.org/en/node/339> (дата обращения: 11.05.2016).

²⁸ South American Council on Health of Unasur (CSS) // UNASUR. Режим доступа: <http://www.unasursg.org/en/node/340> (дата обращения: 11.05.2016).

- реализация мер по укреплению здоровья граждан и факторов здоровья;
- развитие и качественное управление человеческими ресурсами в сфере здравоохранения²⁹.

Акцент на «всеобщее» медицинское обеспечение и доступ к перечисленным выше проектам важен, и мы вернемся к нему, когда речь пойдет об инновациях применительно к нормам глобального управления.

УНАСУР-Здоровье был создан вскоре после принятия Осакской декларации 2007 г., выработанной министерствами иностранных дел Бразилии, Франции, Индонезии, Норвегии, Сенегала, ЮАР и Таиланда, в которой глобальное здоровье определено как «один из ключевых вопросов внешней политики нашего времени», и доклада Комиссии по социальным детерминантам здоровья 2008 г., в котором отмечается, что вопросы здоровья все в большей степени входят в глобальную повестку дня. Согласно декларации и докладу, дипломатия и глобальное управление в сфере здравоохранения стали привлекать большее внимание правительств стран и вызывать растущую озабоченность гражданского общества и многосторонних институтов [Labonte, Gagnon, 2010]. Ранее Бразилия продемонстрировала свое лидерство в ходе глобальных переговоров в рамках Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), что привело к принятию Рамочной конвенции ВОЗ по борьбе против табака. В ходе торговых переговоров ВТО в 2001 г. Бразилия вместе с Индией и ЮАР была инициатором Дохийской декларации по вопросам интеллектуальной собственности и общественному здравоохранению, призванной сократить возможности для фармацевтических корпораций использовать права на патенты для предотвращения доступа к жизненно важным лекарствам в случае эпидемий в развивающихся странах. Паоло Басс, глава фонда Fiocruz в 2001–2008 гг., существующего на протяжении длительного периода, известного института в Бразилии, осуществляющего подготовку медперсонала и исследователей, а также мероприятия по вакцинации при Министерстве здравоохранения Бразилии, и президент Всемирной федерации ассоциаций общественного здоровья, был основным инициатором новых инициатив в сфере дипломатии здравоохранения, вместе с президентом Лулой да Силва, бывшим лидером профсоюзной организации и участником Всемирного социального форума (президент Венесуэлы Уго Чавес активно поддерживал подобную политику) [Serik, Sousa, 2011].

Эксперты, изучающие региональное сотрудничество в Южной Америке, отмечали, что сфера здравоохранения служит одним из основных примеров исполнения Бразилией своих обязательств по отношению к странам региона. Бразилия сыграла ключевую роль в процессе создания и развития постоянного совета УНАСУР по вопросам здравоохранения, в рамках которого министры здравоохранения стран – членов УНАСУР встречались для выработки общих позиций в сфере здравоохранения за счет продвижения общей политики и программ среди стран-членов [Herrero, Tussie, 2015; Pinheiro, Gaio, 2016, p. 82]. Летисия Пинейро и Габриели Гайо полагают, что Бразилия принимает участие в работе Совета преимущественно посредством Института медико-биологических исследований и общественного здравоохранения фонда Fiocruz [Pinheiro, Gaio, 2016, p. 82]. Мария Белен Эрреро и Диана Тусси пишут о том, что именно благодаря вкладу Бразилии в создание Южноамериканского института управления в сфере здравоохранения (ISAGS)³⁰ в рамках УНАСУР, включая выделение

²⁹ South American Council on Health of Unasur (CSS) // UNASUR. Режим доступа: <http://www.unasursg.org/en/node/340> (дата обращения: 11.05.2016).

³⁰ South American Institute of Governance in Health. Режим доступа: <http://isags-unasur.org/equipe.php?lg=3> (дата обращения: 11.05.2016).

штаб-квартиры для организации в Рио-де-Жанейро и гранта для его запуска, стала возможной техническая работа за рамками нерегулярных встреч Совета и его технических групп [Herrero, Tussie, 2015]. Основные цели ISAGS включают:

- Определение потребностей страны региона; разработку программ; поддержку обучения и профессиональной подготовки человеческих ресурсов, в том числе управленческих кадров в сфере здравоохранения для стран – членов УНАСУР в совместных институтах с национальным и международным участием.
- Систематизацию существующих знаний и исследований в сфере политики и управления в области здравоохранения, подготовки человеческих ресурсов и по другим вопросам, которые могут быть использованы Южноамериканским советом по здравоохранению в работе с национальными и международными институтами.
- Систематизацию, организацию, распространение и передачу технической и научной информации по вопросам глобальной и региональной повестки дня в сфере здравоохранения для оказания поддержки центрам, ответственным за выработку политики. Оказание поддержки для укрепления институтов гражданского общества и повышения отчетности органов государственной власти в сфере здравоохранения.
- Оказание экспертной поддержки в переговорах, связанных с глобальной, международной и региональной повесткой дня с целью выработки единой политики стран УНАСУР³¹.

Исследователи полагают, что ISAGS, ежегодный бюджет которого составляет менее 3 млн долл. США, зарекомендовал себя как гибкая организация и доказал свою значимость как координатора новых региональных объединений министров здравоохранения, исследователей, специалистов и техников, объединяемых общей целью (общностью интересов): поддержать наращивание национального и субрегионального потенциала для формулирования, имплементации и оценки политики и долгосрочного планирования, связанных с подготовкой ведущих специалистов в сфере здравоохранения и профессиональной подготовки управленческих кадров для национальных систем здравоохранения. По мнению Пиа Рижжироззи, в Южной Америке дипломатия в сфере здравоохранения стала одним из ключевых факторов изменения условий регионального сотрудничества и интеграционных процессов. Подобные изменения имели место на трех уровнях: институциональном (между разрешительными органами), дипломатическом (внутрирегиональные и надрегиональные взаимоотношения) и проектном [Riggirozzi, 2014b, p. 14]. ISAGS в рамках УНАСУР может рассматриваться как «первый шаг» по созданию «институциональной основы» для борьбы с общими вызовами в регионе, в том числе неравномерным распределением ресурсов и качеством управления в системе здравоохранения [Riggirozzi, 2014a].

М.Б. Эрреро и Д. Тусси также полагают, что деятельность ISAGS, включая семинары, курсы и программы интернатуры, направлена не только на улучшение управления в системе здравоохранения, но также на поддержку возникновения «более независимой фармацевтической промышленности» за счет координации усилий в сфере исследований [Herrero, Tussie, 2015, p. 271]. Так, ISAGS стремится определить промышленный потенциал региона, осуществлять координацию политики по производству лекарственных препаратов и другой продукции для здоровья и создавать конкурентные преимущества для национальной промышленности на региональном и глобаль-

³¹ South American Government Health Institute (ISAGS) // UNASUR. Режим доступа: <http://www.unasursg.org/en/node/184> (дата обращения: 11.05.2016).

ном уровне. Отмечая вклад в создание новых норм, М.Б. Эрреро и Д. Тусси полагают, что структуры УНАСУР-Здравоохранение, включая Совет, его технические группы и его работу с ISAGS, являются «жизненно важными механизмами» для создания новых «нормативных рамок». Иными словами, Совет УНАСУР по здравоохранению действует как новый региональный экспертный центр, деятельность которого направлена на «изменение границ между общественными интересами и акторами частного сектора», включая посреднические споры и разделение технических инноваций. С их точки зрения, структуры УНАСУР-Здравоохранение помогают отстаивать интересы в рамках переговоров по здравоохранению на глобальном уровне, уточняя то, что Д. Тусси называет «постгегемонистическими нормами» [Tussie, 2014], такими как институционализация обязательства «здоровье для всех».

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать три ключевых вывода. Во-первых, в течение периода президентства Луиса Инасиу Лулы да Силва и начала президентского срока Дилмы Руссефф Бразилия достигла значительного прогресса в изменении многосторонней повестки дня и региональных механизмов международного сотрудничества, урегулировании конфликтов в Южной Америке. В этот период власти Бразилии реализовывали впечатляющую амбициозную внешнюю политику и дипломатическую повестку дня, направленные на изменение иерархии власти и представительства в системе глобального управления, чтобы повысить роль и влияние растущих держав и развивающихся стран.

Во-вторых, подобная впечатляющая внешняя политика и амбициозная дипломатия были вызваны новыми взглядами на правила и институциональные нормы многостороннего сотрудничества в глобальной системе. Правительство Лулы да Силва и дипломатические представители Бразилии трансформировали «народнические» настроения в бразильском обществе, новые идейные и нормативные приоритеты в новое видение мирового порядка и альтернативную программу дипломатических действий на мировой сцене. Другими словами, именно впечатляющая нетрадиционная внешняя политика Бразилии и решительное лидерство были предопределены внутренними изменениями в бразильском обществе и культуре, идейными и нормативными приоритетами, которые возникли в ходе долгого процесса борьбы за установление демократии и свержения военного авторитарного режима, развития демократических институтов и роста уверенности в своих силах среди граждан Бразилии. На глобальном и региональном уровне это означало продвижение общих позиций с крупными и малыми развивающимися странами, новых неоразвивающихся политических моделей и опыта, а также стремление представить интересы традиционно «забытых» стран Юга.

В-третьих, власти Бразилии использовали впечатляющую нетрадиционную внешнюю политику, новые правила и роль лидера для запуска более устойчивого процесса создания региональных институтов в Южной Америке и Карибском регионе. Тем самым правительства Л.И. Лулы да Силва и Д. Руссефф смогли отойти от риторики решительного лидерства и простого представления новых идей и выделить реальные ресурсы для создания новых институционализированных инициатив в сфере международного сотрудничества. Бразилия на протяжении более чем десяти лет, включая первый президентский срок Дилмы Руссефф, обеспечивала реализацию своего обязательства по содействию инновационному развитию международного управления. Эти тенденции исследованы выше на примере УНАСУР, в частности в сфере безопас-

ности и здравоохранения. Бразилия стала ключевым инициатором новых принципов функционирования международных организаций, институциональных правил и норм работы в сфере международной безопасности и здравоохранения в рамках Южноамериканского совета обороны («зона мира») и Южноамериканского совета по здравоохранению («всеобщее здравоохранение»).

Некоторые эксперты в настоящее время ставят под вопрос прочность или устойчивость потенциала Бразилии как международного лидера из-за текущего экономического спада и нестабильности политической системы страны, а также отказа от глобальных дипломатических устремлений, наблюдающихся в ходе второго президентского срока Дилмы Руссефф. Несмотря на изменение социальных и макроэкономических условий в период правления Дилмы Руссефф и недавние события, которые стали серьезными сдерживающими факторами для поддержания духа инновационности и импульса, заложенного в ходе президентства Лулы да Силва, период, о котором речь шла выше, крайне важен. Последние события не могут умалить тот факт, что Бразилия оказала значительное влияние на переосмысление и изменение глобального управления и становление нового периода, который характеризуется меньшей централизацией влияния и является более многоярусным.

Как показывает анализ, Бразилия внесла значительный вклад в глобальное управление наряду со странами-соседями, в том числе являясь членом объединения растущих стран БРИКС. Важно отметить, что Бразилия смогла продвинуть свои впечатляющие новые инициативы в сфере международного управления в современном глобализированном мире, где наблюдается диффузия и децентрализация влияния (по сравнению с периодом после Второй мировой войны). Преждевременно заявлять на данной стадии о начале «постамериканского мирового порядка». Однако недальновидной также представляется точка зрения о неизменности глобального порядка и стремление сфокусировать исследовательскую деятельность на двух основных тенденциях глобального развития: непрерывности и изменениях³². Подтверждением этому служит тот факт, что в настоящее время сразу несколькими «растущими державами» одновременно продвигается ряд новых институциональных механизмов в различных регионах мира. Китай обеспечивает формирование нового Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ) [Chin, 2016], членом которого является Бразилия, и новой инициативы «Один пояс – один путь» [Chin, 2015]; Россия продолжает укреплять Евразийский экономический союз (ЕАЭС); страны – члены БРИКС запустили совместную инициативу – Новый банк развития, одним из основных вкладчиков которого является Бразилия [Abdenur, 2014a; Chin, 2014; Griffith-Jones, 2014]. Хотя новые институциональные механизмы и программы сотрудничества все еще находятся в процессе формирования и важно не забывать про соперничество и напряженные отношения внутри БРИКС³³, совокупное воздействие этих новых инициатив и новых региональных инициатив Бразилии, таких как УНАСУР, является частью постепенно ускоряющегося процесса глобальных изменений, в котором новые идеи, устремления и ресурсы влияют на государства, политику и глобальный миропорядок [Chin, Thakur, 2010]. В данной статье был проанализирован вклад Бразилии в данные изменения.

³² Подробный анализ двух основных тенденций, непрерывности и изменений, представлен в работах [Cox, 2012] и [Chin, Thakur, 2010]. Однако авторы приходят к различным заключениям относительно этих тенденций и будущих направлений исследований.

³³ Оценка соперничества Бразилии и Китая в сфере энергетики и телекоммуникаций представлена в работе [Ramos, Vieira de Macedo, 2014].

Литература

- Abdelal R. (2009) Constructivism as an Approach to International Political Economy // *Handbook of International Political Economy* / M. Blyth (ed.). L.: Routledge. P. 57–71.
- Abdelal R., Blyth M., Parson C. (eds) (2010) *Constructing the International Economy*. Ithaca, NY: Cornell University Press.
- Abdenur A. (2014a) China and the BRICS Development Bank: Legitimacy and Multilateralism in South-South Cooperation // *IDS Bulletin*. No. 45 (4). P. 85–101.
- Abdenur A. (2014b) Emerging Powers as Normative Agents: Brazil and China in The UN Development System // *Third World Quarterly*. No. 35 (1). P. 1876–1893.
- Alden C., Vieira M.A. (2005) The New Diplomacy of The South: South Africa, Brazil, India and Trilateralism // *Third World Quarterly*. No. 26 (7). P. 1077–1095.
- Almeida P.R. (2005) Políticas de Integração Regional no Governo Lula // *Política Internacional* (Lisbon). No. 29. P. 33–60.
- Almeida P.R. (2010) Never before Seen in Brazil: Luis Inácio Lula Da Silva's Grand Diplomacy // *Revista Brasileira de Política Internacional*. No. 53 (2). P. 160–177.
- Amorim C. (2011) Reflections on Brazil's Global Rise // *America's Quarterly*. Spring. P. 50–55.
- Arraes V. (2007) O Brasil e a ONU de 1990 a nossos dias: das grandes con-ferências às grandes pretensões // *Relações internacionais do Brasil. Temas e agendas*. Vol. 2. São Paulo: Saraiva. P. 7–41.
- Ban C. (2013) Brazil's Liberal Neo-Developmentalism: New Paradigm or Edited Orthodoxy? // *Review of International Political Economy*. No. 20 (2). P. 298–331.
- Biato M.F. (2008) Shaping Global Governance: A Brazilian Perspective // *Centro Brasileiro de Relações Internacionais*. No. 1 (3). P. 1–18.
- Biato M.F. (2009) When Emerging Markets Lead the Way // *The Globalist*. 5 October.
- Brainard L., Martinez-Diaz L. (eds) (2009) *Brazil as an Economic Superpower?: Understanding Brazil's Changing Role in the Global Economy*. Washington, DC: Brookings Institution Press.
- Burges S.W. (2005) Bounded by the Reality of Trade: Practical Limits to a South American Region // *Cambridge Review of International Affairs*. No. 18. P. 437–454.
- Burges S. (2013) Brazil as Bridge Between Old and New Powers // *International Affairs*. No. 89 (3). P. 577–594.
- Buss P. (2011) Brazil: Structuring Cooperation for Health // *The Lancet*. Vol. 377. P. 1722–1773.
- Cassanova L., Kassum J. (2014) *The Political Economy of an Emerging Power // Search of the Brazilian Dream*. Basingstoke: Palgrave.
- Cepik M., Sousa R.P. (2011) A política externa brasileira e a cooperação internacional em saúde no começo do governo Lula // *Século*. No. XXI 2 (1). P. 109–134.
- Chin G.T. (2010) Remaking the Architecture: Emerging Powers, Self-Insuring and Regional Insulation // *International Affairs*. No. 86 (3). P. 693–716.
- Chin G.T. (2013) The Economic Diplomacy of the Rising Powers // *The Oxford Handbook of Modern Diplomacy* / A. Cooper, J. Heine, R. Thakur (eds). Oxford: Oxford University Press. P. 881–900.
- Chin G.T. (2014) The BRICS-Led Development Bank: Purpose and Politics Beyond the G20 // *Global Policy*. September.
- Chin G.T. (2015) China's Bold Economic Statecraft // *Current History*. No. 114 (223). P. 217–223.
- Chin G.T. (2016) Asian Infrastructure Investment Bank: Governance Innovation and Prospects // *Global Governance*. No. 22 (1). P. 11–26.

- Chin G.T., Heine J. (2014) Consultative Forums // *International Development: Ideas, Experience, and Prospects* / B. Currie-Adler, R. Kanbur, D. Malone, R. Medhora (eds). Oxford: Oxford University Press. P. 866–880.
- Chin G.T., Thakur R. (2010) Will China Change the Rules of Global Order? // *The Washington Quarterly*. No. 33 (4). P. 119–138.
- Cooper A.F. (2016) *BRICS: A Very Short Introduction*. Oxford: Oxford University Press.
- Cox M. (2012) Power Shifts, Economic Change and the Decline of the West? // *International Relations*. No. 26 (4). P. 369–388.
- Dauvergne P., Farias D. (2012) The Rise of Brazil as a Global Development Power // *Third World Quarterly*. No. 33 (5). P. 903–17.
- Gomes S.M. (2008) Las estrategias de cooperación sur–sur en el marco de la política exterior brasileña de 1993 a 2007 // *Revista Española de Desarrollo y Cooperación*. No. 22. P. 121–143.
- Griffith-Jones S. (2014) A BRICS Development Bank: A Dream Coming True? UNCTAD Discussion Papers. No. 215. Geneva: UNCTAD. Режим доступа: http://unctad.org/en/PublicationsLibrary/osgdp20141_en.pdf (дата обращения: 11.05.2016).
- Heine J., Viswanathan R. (2011) The Other BRIC in Latin America: India // *Americas Quarterly*. Spring.
- Herrero M.B., Tussie D. (2015) UNASUR Health: A Quiet Revolution in Health Diplomacy in South America // *Global Social Policy*. No. 15 (3). P. 261–277.
- Hochstetler K. (2012) G77, BASIC and Global Climate Change Negotiations // *Revista Brasileira de Política Internacional*. No. 55. P. 55–69.
- Hochstetler K., Kostka G. (2015) Wind and Solar Power in Brazil and China: Interests, State-Business Relations, and Policy Outcomes // *Global Environmental Politics*. No. 15 (3). P. 74–94.
- Hochstetler K., Montero A. (2013) The Renewed Developmental State: The National Development Bank and The Brazil Model // *Journal of Development Studies*. No. 49 (11).
- Hurrell A. (2008) Lula's Brazil: a Rising Power but Going Where? // *Current History*. No. 107 (706). P. 51–57.
- Hurrell A. (2010) Brazil and the New Global Order // *Current History*. No. 109 (724). P. 60–66.
- Hurrell A., Sengupta S. Emerging Powers, North – South Relations and Global Climate Politics // *International Affairs*. No. 88 (3). P. 463–484.
- Ikenberry G.J. (2008) The Rise of China and the Future of the West: Can the Liberal System Survive? // *Foreign Affairs*. January/February Issue.
- Johnston A.I. (2008) *Social States: China in International Institutions, 1980–2000*. Princeton: Princeton University Press.
- Johnston A.I., Ross R. (eds) (1999) *Engaging China: the Management of an Emerging Power*. N.Y.: Routledge.
- Labonte R., Gagnon M. (2010) Framing Health and Foreign Policy: Lessons for Global Health Diplomacy // *Globalization and Health*. No. 6 (4). P. 1–19.
- Malamud A. (2011) A Leader without Followers: The Growing Divergence Between the Regional and Global Performance of Brazilian Foreign Policy // *Latin American Politics and Society*. No. 53 (3). Fall Issue. P. 1–24.
- Mearsheimer J. (2001) *The Tragedy of Great Powers*. N.Y.: W.W. Norton & Company.
- Narlikar A. (2007) All That Glitters is not Gold: India's Rise to Power // *Third World Quarterly*. No. 28 (5). P. 983–996.
- Narlikar A. (2013) India Rising: Responsible to Whom? // *International Affairs*. No. 89 (3). P. 595–614.
- Narlikar A., Tussie D. (2004) The G20 at the Cancun Ministerial: Developing Countries and Their Evolving Coalitions at the WTO // *The World Economy*. No. 27 (7). P. 947–966.

- Nel P., Taylor I. (2013) *Bigger thy Neighbour?: IBSA and South-South Solidarity* // *Third World Quarterly*. No. 34 (6). P. 1091–1110.
- Pinheiro L. (2013) *Foreign Policy Decision-Making Under the Geisel Government: The President, the Military and the Foreign Ministry*. Brasilia: Fundação Alexandre de Gusmão.
- Pinheiro L., Gaio G. (2016) *Cooperation for Development, Brazilian Global Leadership and Global Protagonism* // *Global and Regional Leadership of BRICS Countries* / S. Kingah, C. Quiliconi (eds). N.Y.: Springer. P. 67–91.
- Pothuraju B. (2012) *UNASUR and Security in South America* // *Institute for Defence Studies and Analyses (IDSA)*. New Delhi. P. 1–11.
- Ramos B., Silva D., Vieira de Macedo B. (2014) *Chinese Multinational Corporations in Brazil: Strategies and Implications in Energy and Telecom Sectors* // *Revista Brasileira de Política Internacional*. No. 57 (1). P. 143–161.
- Riggiozzi P. (2014a) *Regionalism, Activism, and Rights: New Opportunities For Health Diplomacy in South America* // *Review of International Studies*. No. 41 (2). P. 407–428.
- Riggiozzi P. (2014b) *Regionalism Through Social Policy: Collective Action and Health Diplomacy in South America* // *Economy and Society*. No. 43 (3). P. 432–454.
- Sanahuja J.A. (2012) *Regionalismo Post-liberal y Multilateralismo en Sudamérica: El caso de UNASUR* // *El regionalismo “post-liberal” en América Latina y el Caribe: Nuevos actores, nuevos temas, nuevos desafíos* / A. Serbin, L. Martínez, H. Ramanzini (eds). CRIES. P. 19–72.
- Serbin A. (2009) *América del Sur en un mundo multipolar: ¿es la Unasur la alternativa?* // *Nueva Sociedad*. No. 219. P. 145–156.
- Shambaugh D. (2013) *China Goes Global: The Partial Power*. N.Y.: Oxford University Press.
- Sotero P. (2010) *Brazil’s Rising Ambition in a Shifting Global Balance of Power* // *Politics*. No. 30S1. P. 71–81.
- Stuenkel O., Taylor M. (eds) (2015) *Brazil on the Global Stage: Power, Ideas and the Liberal International Order*. Basingstoke: Palgrave.
- Tussie D. (2014) *Reshaping Regionalism and Regional Cooperation in South America* // *Pensamiento Propio*. No. 39. P. 109–38.
- Vaz A.C. (2013) *Brazilian Perspectives on the Changing Global Order and Security Challenges*, CEPS Working Document. Brussels: Centre for European Policy Studies.

Brazil in Regional and Global Governance: Foreign Policy, Leadership and UNASUR

G.T. Chin, I.B. Diaz

Gregory T. Chin – Associate Professor, Department of Political Science, York University; 4700, Keele Street, Toronto, Ontario, Canada M3J 1P3; E-mail: gtchin@yorku.ca

Ismael B. Diaz – Graduate student in School of Policy Studies, Queen's University; 138, Union Street, Suite 301, Kingston, Ontario, Canada K7L 3N6, E-mail: 14ibd@queensu.ca

Abstract

This article examines the role of Brazil as a source of international governance innovation during the Lula da Silva and early Rousseff presidencies (2003–12). The analysis details some of Brazil's main contributions to regional and global governance, and how these contributions are rooted in ideational and normative innovation and its imaginative, non-conformist, status quo–altering foreign policy of the period. Although Brazil was not, and is not, a “new actor” per se in global governance, it did take unprecedented and dramatic strides between 2003 and 2012 to redefine the multilateral agenda and reshape institutional arrangements for international cooperation and conflict management in South America. At the global level, Brazil launched new platforms for international cooperation, including with the other BRICS countries of Russia, India, China and South Africa. The regional trends are examined in the case of the Union of South American Nations (UNASUR), and the innovations that Brazil spearheaded and supported in international security and health cooperation. However, Brazil's contributions gain greater salience as part of the broader processes of global change where international power is becoming increasingly diffused and decentralized.

Key words: Brazil, global governance, international norms, multilateralism, institutional innovation

References

- Abdelal R. (2009) Constructivism as an Approach to International Political Economy. *Handbook of international political economy* / M. Blyth (ed.). London: Routledge, pp. 57–71.
- Abdelal R., Blyth M., Parson C. (eds) (2010) *Constructing the International Economy*. Ithaca, NY: Cornell University Press.
- Abdenur A. (2014a) China and the BRICS Development Bank: Legitimacy and Multilateralism in South-South Cooperation. *IDS Bulletin*, no 45 (4), pp. 85–101.
- Abdenur A. (2014b) Emerging Powers as Normative Agents: Brazil and China in The UN Development System. *Third World Quarterly*, no 35 (1), pp. 1876–1893.
- Alden C., Vieira M.A. (2005) The New Diplomacy of The South: South Africa, Brazil, India and Trilateralism. *Third World Quarterly*, no 26 (7), pp. 1077–1095.
- Almeida P.R. (2005) Políticas de Integração Regional no Governo Lula. *Política Internacional (Lisbon)*, no 29, pp. 33–60.
- Almeida P.R. (2010) Never before Seen in Brazil: Luis Inácio Lula Da Silva's Grand Diplomacy. *Revista Brasileira de Política Internacional*, no 53 (2), pp. 160–77.
- Amorim C. (2011) Reflections on Brazil's Global Rise. *America's Quarterly*, Spring, pp. 50–55.
- Arraes V. (2007) O Brasil e a ONU de 1990 a nossos dias: das grandes con-ferências às grandes pretensões. *Relações internacionais do Brasil. Temas e agendas*, vol. 2. São Paulo: Saraiva, pp. 7–41.
- Ban C. (2013) Brazil's Liberal Neo-Developmentalism: New Paradigm or Edited Orthodoxy? *Review of International Political Economy*, no 20 (2), pp. 298–331.

- Biato M.F. (2008) Shaping Global Governance: A Brazilian Perspective. *Centro Brasileiro de Relações Internacionais*, no 1 (3), pp. 1–18.
- Biato M.F. (2009) When Emerging Markets Lead the Way. *The Globalist*, 5 October.
- Brainard L., Martinez-Diaz L. (eds) (2009) *Brazil as an Economic Superpower?: Understanding Brazil's Changing Role in the Global Economy*. Washington, DC: Brookings Institution Press.
- Burges S.W. (2005) Bounded by the Reality of Trade: Practical Limits to a South American Region. *Cambridge Review of International Affairs*, no 18, pp. 437–54.
- Burges S. (2013) Brazil as Bridge Between Old and New Powers. *International Affairs*, no 89 (3), pp. 577–594.
- Buss P. (2011) Brazil: Structuring Cooperation for Health. *The Lancet*, vol. 377, pp. 1722–1723.
- Cassanova L., Kassum J. (2014) The Political Economy of an Emerging Power. *Search of the Brazilian Dream*. Basingstoke: Palgrave.
- Cepik M., Sousa R.P. (2011) A política externa brasileira e a cooperação internacional em saúde no começo do governo Lula. *Século*, no XXI 2 (1), pp. 109–134.
- Chin G.T. (2010) Remaking the Architecture: Emerging Powers, Self-Insuring and Regional Insulation. *International Affairs*, no 86 (3), pp. 693–716.
- Chin G.T. (2013) The Economic Diplomacy of the Rising Powers. *The Oxford Handbook of Modern Diplomacy* / A. Cooper, J. Heine, R. Thakur (eds). Oxford: Oxford University Press, pp. 881–900.
- Chin G.T. (2014) The BRICS-Led Development Bank: Purpose and Politics Beyond the G20. *Global Policy*, September.
- Chin G.T. (2015) China's Bold Economic Statecraft. *Current History*, no 114 (223), pp. 217–223.
- Chin G.T. (2016) Asian Infrastructure Investment Bank: Governance Innovation and Prospects. *Global Governance*, no 22 (1), pp. 11–26.
- Chin G.T., Heine J. (2014) Consultative Forums. *International Development: Ideas, Experience, and Prospects* / B. Currie-Adler, R. Kanbur, D. Malone, R. Medhora (eds). Oxford: Oxford University Press, pp. 866–880.
- Chin G.T., Thakur R. (2010) Will China Change the Rules of Global Order? *The Washington Quarterly*, no 33 (4), pp. 119–138.
- Cooper A.F. (2016) *BRICS: A Very Short Introduction*. Oxford: Oxford University Press.
- Cox M. (2012) Power Shifts, Economic Change and the Decline of the West? *International Relations*, no 26 (4), pp. 369–388.
- Dauvergne P., Farias D. (2012) The Rise of Brazil as a Global Development Power. *Third World Quarterly*, no 33 (5), pp. 903–917.
- Gomes S.M. (2008) Las estrategias de cooperación sur–sur en el marco de la política exterior brasileña de 1993 a 2007. *Revista Española de Desarrollo y Cooperación*, no 22, pp. 121–143.
- Griffith-Jones S. (2014) A BRICS Development Bank: A Dream Coming True? *UNCTAD Discussion Papers*, no 215. Geneva: UNCTAD. Available at: http://unctad.org/en/PublicationsLibrary/osgdp20141_en.pdf (accessed 11 May 2016).
- Heine J., Viswanathan R. (2011) The Other BRIC in Latin America: India. *Americas Quarterly*, Spring.
- Herrero M.B., Tussie D. (2015) UNASUR Health: A Quiet Revolution in Health Diplomacy in South America. *Global Social Policy*, no 15 (3), pp. 261–77.
- Hochstetler K. (2012) G77, BASIC and Global Climate Change Negotiations. *Revista Brasileira de Política Internacional*, no 55, pp. 55–69.
- Hochstetler K., Kostka G. (2015) Wind and Solar Power in Brazil and China: Interests, State-Business Relations, and Policy Outcomes. *Global Environmental Politics*, no 15 (3), pp. 74–94.
- Hochstetler K., Montero A. (2013) The Renewed Developmental State: The National Development Bank and The Brazil Model. *Journal of Development Studies*, no 49 (11).
- Hurrell A. (2008) Lula's Brazil: a Rising Power but Going Where? *Current History*, no 107 (706), pp. 51–57.
- Hurrell A. (2010) Brazil and the New Global Order. *Current History*, no 109 (724), pp. 60–66.

- Hurrell A., Sengupta S. Emerging Powers, North – South Relations and Global Climate Politics. *International Affairs*, no 88 (3), pp. 463–484.
- Ikenberry G.J. (2008) The Rise of China and the Future of the West: Can the Liberal System Survive? *Foreign Affairs*, January/February Issue.
- Johnston A.I. (2008) *Social States: China in International Institutions, 1980–2000*. Princeton: Princeton University Press.
- Johnston A.I., Ross R. (eds) (1999) *Engaging China: the Management of an Emerging Power*. New York: Routledge.
- Labonte R., Gagnon M. (2010) Framing Health and Foreign Policy: Lessons for Global Health Diplomacy. *Globalization and Health*, no 6 (4), pp. 1–19.
- Malamud A. (2011) A Leader without Followers: The Growing Divergence Between the Regional and Global Performance of Brazilian Foreign Policy. *Latin American Politics and Society*, no 53 (3), Fall Issue, pp. 1–24.
- Mearsheimer J. (2001) *The Tragedy of Great Powers*. New York: W.W. Norton & Company.
- Narlikar A. (2007) All That Glitters is not Gold: India's Rise to Power. *Third World Quarterly*, no 28 (5), pp. 983–996.
- Narlikar A. (2013) India Rising: Responsible to Whom? *International Affairs*, no 89 (3), pp. 595–614.
- Narlikar A., Tussie D. (2004) The G20 at the Cancun Ministerial: Developing Countries and Their Evolving Coalitions at the WTO. *The World Economy*, no 27 (7), pp. 947–966.
- Nel P., Taylor I. (2013) Bugger thy Neighbour?: IBSA and South-South Solidarity. *Third World Quarterly*, no 34 (6), pp. 1091–1110.
- Pinheiro L. (2013) *Foreign Policy Decision-Making Under the Geisel Government: The President, the Military and the Foreign Ministry*. Brasilia: Fundação Alexandre de Gusmão.
- Pinheiro L., Gaio G. (2016) Cooperation for Development, Brazilian Global Leadership and Global Protagonism. *Global and Regional Leadership of BRICS Countries* / S. Kingah, C. Quiliconi (eds). New York: Springer, pp. 67–91.
- Pothuraju B. (2012) UNASUR and Security in South America. *Institute for Defence Studies and Analyses (IDSA)*. New Delhi, pp. 1–11.
- Ramos B., Silva D., Vieira de Macedo B. (2014) Chinese Multinational Corporations in Brazil: Strategies and Implications in Energy and Telecom Sectors. *Revista Brasileira de Política Internacional*, no 57 (1), pp. 143–61.
- Riggirozzi P. (2014a) Regionalism, Activism, and Rights: New Opportunities For Health Diplomacy in South America. *Review of International Studies*, no 41 (2), pp. 407–428.
- Riggirozzi P. (2014b) Regionalism Through Social Policy: Collective Action and Health Diplomacy in South America. *Economy and Society*, no 43 (3), pp. 432–454.
- Sanahuja J.A. (2012) Regionalismo Post-liberal y Multilateralismo en Sudamérica: El caso de UNASUR. *El regionalismo "post-liberal" en América Latina y el Caribe: Nuevos actores, nuevos temas, nuevos desafíos* / A. Serbin, L. Martínez, H. Ramanzini (eds). CRIES, pp. 19–72.
- Serbin A. (2009) América del Sur en un mundo multipolar: ¿es la Unasur la alternativa? *Nueva Sociedad*, no 219, pp. 145–156.
- Shambaugh D. (2013) *China Goes Global: The Partial Power*. New York: Oxford University Press.
- Sotero P. (2010) Brazil's Rising Ambition in a Shifting Global Balance of Power. *Politics*, no 30S1, pp. 71–81.
- Stuenkel O., Taylor M. (2015) (eds) *Brazil on the Global Stage: Power, Ideas and the Liberal International Order*. Basingstoke: Palgrave.
- Tussie D. (2014) Reshaping Regionalism and Regional Cooperation in South America. *Pensamiento Propio*, no 39, pp. 109–138.
- Vaz A.C. (2013) *Brazilian Perspectives on the Changing Global Order and Security Challenges, CEPS Working Document*. Brussels: Centre for European Policy Studies.

Рассчитывать ли на БРИКС?¹

Г.Д. Толорая, Р.С. Чуков

Толорая Георгий Давидович — д.э.н., профессор, Исполнительный директор НИИ БРИКС, руководитель Центра российской стратегии в Азии Института экономики РАН; Российская Федерация, 117218, Москва, Нахимовский проспект, 32; E-mail: rumirasaf@yandex.ru

Чуков Роман Сергеевич — научный сотрудник Центра российской стратегии в Азии Института экономики РАН; Российская Федерация, 117218, Москва, Нахимовский проспект, 32; E-mail: roman@chukov.org

В связи с текущим состоянием турбулентности в мирополитических процессах весьма противоречивым представляется будущее устройство глобального управления, расстановка сил и роль в этом будущем таких формирований, как БРИКС: о его дальнейших перспективах сейчас сложно судить однозначно.

Россия в рамках своего председательства сделала все возможное для налаживания диалога на разных уровнях БРИКС, увеличив количество форматов встреч по основным трекам и в формате аутрич. В принятой в Уфе Стратегии экономического партнерства БРИКС подтверждена консолидированность объединения по важнейшим вопросам финансово-экономического порядка, общим принципам взаимоотношений субъектов мировой политики и конкретным проблемам развития. Сделаны важные шаги в развитии сотрудничества внутри БРИКС в энергетике, науке, технологиях и инновациях и ряде других областей. Подготовлены соответствующие документы, планы действий. В год председательства России впервые прошли такие мероприятия, как Молодежный саммит БРИКС, Глобальный университетский саммит и Гражданский саммит — такая гражданская составляющая укрепила БРИКС.

Несомненно, за время российского председательства в объединении на новый уровень была выведена заинтересованность стран БРИКС во взаимной поддержке и готовности выступать с солидарных позиций в безальтернативной на сегодняшний день системе глобального управления. Представляется, что Уфимский саммит наглядно продемонстрировал единство объединения и настроенность на конкретные дела. При этом многие встречи и консультации выявили системное расхождение позиций, а экономическая ситуация и продолжающийся в ряде стран кризис существенно ограничили сотрудничество по определенным направлениям в дополнение к имевшимся ранее политическим противоречиям.

БРИКС как мощный инструмент позиционирования интересов крупных экономических акторов, не входящих в «Группу семи», наиболее эффективен во внешнем представительстве, когда объединение консолидированно выступает в рамках «Группы двадцати» или международных институтов. Консолидированная позиция БРИКС стала весьма ощутимой в этих объединениях, однако следует отметить в качестве одной из проблемных точек «пятерки» то, что пока страны БРИКС не вышли на достаточный уровень взаимодействия и отстаивания интересов в Организации Объединенных Наций.

Авторами статьи выполнен комплексный анализ всего многообразия факторов, влияющих на дальнейшее становление и развитие БРИКС, а также предлагаются возможности расширения объединения за счет новых членов и варианты успешной конкуренции с новыми структурами экономического роста и региональными торгово-экономическими союзами. Они приводят к выводу о том, что для России БРИКС должен оставаться стратегическим приоритетом.

Ключевые слова: БРИКС, глобальное управление, «Группа двадцати», председительство, саммит

¹ Материал поступил в редакцию в феврале 2016 г.

БРИКС: уроки становления

Формат БРИКС — новое явление в международных отношениях. Это не военно-политический союз и не интеграционное объединение экономик. Отличается он от других «клубных» форматов прежде всего отсутствием выраженных доминирующих игроков и блоков. Как отмечает российский исследователь А. Виноградов, страны-участницы «представляют не только разные социально-экономические модели, но и разные цивилизации... Глобализация привела их в соприкосновение и наделила новыми функциями, превратив их еще и в главных субъектов международных отношений... В чем отличие межцивилизационных отношений от межгосударственных? Прежде всего, в масштабе социально-экономической, исторической и культурной идентичности участников... историческая ответственность цивилизации значительно выше политической ответственности, свойственной государствам» [Виноградов, 2013].

По сути, это альянс реформаторов международных отношений, ранее старавшихся подключиться к механизмам глобального управления в рамках существующих форматов с той или иной степенью успешности. Так, страны «пятерки» взаимодействовали в качестве приглашенных государств «Группы восьми» (пока Россия была участницей этого объединения), они входят в представительный форум «Группы двадцати», являются влиятельными членами ООН и практически всех форматов, имеющих отношение к глобальному управлению.

Однако неудовлетворенность существующей системой международных отношений и собственной ролью в ней подтолкнула эти страны к тому, чтобы объединиться в рамках БРИКС. В то же время сама «пятерка» является инновационным форматом международного сотрудничества, заключающемся в абсолютном равенстве партнеров, в отличие от большинства объединений с явной или неявной иерархией (как, например, в «Группе семи», шесть членов которой являются также и членами НАТО), представляя собой новую модель взаимоотношений в сфере повышения экономического роста стран-членов.

Тем не менее современная мирополитическая ситуация становится все более турбулентной, что, в свою очередь, не позволяет дать однозначного ответа на вопрос о будущей архитектуре глобального управления, расстановке сил и роли в будущем мироустройстве таких объединений, как БРИКС: его дальнейшие перспективы представляются весьма противоречивыми и зависящими от многих политических и экономических факторов. Вместе с тем несомненно, что входящие в объединение страны будут играть возрастающую роль в мироустройстве XXI в. и с высокой вероятностью продолжат использование механизма БРИКС для взаимной координации усилий и укрепления своих позиций. Новым важным фактором глобального управления становится переориентация модели глобального экономического роста с традиционно западного вектора на страны АТР и другие растущие регионы мира.

У БРИКС было, есть и будет немало оппонентов, критиков и скептиков. Создание БРИКС вызвало противодействие как в странах Запада, так и среди сторонников «универсальной модели развития» и вестернизации в самих странах БРИКС. «Необоснованность», «искусственность» и «надуманность» данного формата постоянно дискутируется многими экспертами и исследователями западнцентричного направления. Однако даже они вынуждены признать, что БРИКС превзошел изначальную идею О'Нила: «Созданный банкирами для привлечения инвесторов броский акроним БРИКС (сначала это были Бразилия, Россия, Индия, Китай, а затем к ним добавилась Южная Африка) со временем стал обозначать не связанную жесткими правилами ас-

социацию стран с возникающими глобальными перспективами. Представители этой группы теперь собираются ежегодно для обсуждения общих намерений, однако у них еще мало внутренних структур», – считает Уильям Померанц, заместитель директора Института перспективных российских исследований имени Кеннана Центра Вудро Вильсона в Вашингтоне [Pommeranz, 2013].

Вне всякого сомнения, у стран БРИКС много противоречий, и это не секрет для исследователей, хотя нельзя с сожалением не отметить, что на Западе «хорошим тоном» остается недоброжелательность в отношении БРИКС². Действительность дает немало возможностей для эксплуатации этой темы. Особенно опасны для единства БРИКС застарелые политические конфликты, как, например, индийско-китайские территориальные противоречия. Недруги БРИКС активно «играют» на неприязни китайцев и индийцев друг к другу, стараются вывести ее на уровень доктринального столкновения между стратегическими концепциями развития стран и их представлений о своем месте в мире.

Возможно ли обойти эти острые углы? Да, у стран БРИКС много различий – в политических системах, экономических моделях, уровне жизни населения, и подчас эти различия являются препятствием для развития «пятерки», но государства-участники не стремятся к единообразию, доминированию и унификации. И этот тезис должен быть основой БРИКС – никакого доминирования и навязывания своего мнения. Очевидно, что БРИКС неоднороден и, например, не станет военным блоком наподобие НАТО, которая является ядром «коллективного Запада». Однако НАТО основана на жестком диктате США, тогда как у объединения Бразилии, России, Индии, Китая и ЮАР принципиально иные основы. БРИКС изначально создавался как диалоговый формат равноправных государств.

Экономический кризис вызвал новую волну дискуссий о перспективах БРИКС, можно образно сказать, в гамлетовском формате: быть или не быть? Считать ли это объединение Бразилии, России, Индии, Китая и ЮАР состоявшимся, жизнеспособным и перспективным? Однако сегодня даже скептики вынуждены признать, что объединение стало не умозрительным проектом, а реальной действенной силой, с которой приходится считаться.

Многие эксперты склонны считать БРИКС наиболее прогрессивно развивающейся группой стран ввиду того, что, например, «все эти государства являются мощными региональными державами, их доля в мировом экспорте и привлечении иностранных инвестиций неуклонно растет» [Naude et al., 2013, p. 2]. БРИКС стремится формировать полицентричный мировой порядок, что находит отражение также и во внешнеполитических доктринах стран, входящих в объединение.

Исследователи отмечают, что «страны БРИКС демонстрируют весьма различные траектории развития, однако во всех из них проходили (или проходят) процессы модернизации. При этом такие факторы, как географическая протяженность и межрегиональные различия, размер и характер экономики, численность и размещение населения, внутриэлитные расколы, значимость традиционных ценностей, создают в каждом случае свой баланс возможностей, издержек и рисков [Бусыгина, Окунев, 2015, с. 5].

По итогам Саммита БРИКС, прошедшего в Форталезе (2014 г.), несмотря на существующие между ними различия, страны подтвердили четыре стратегических приоритета: укрепление БРИКС как альянса глобальных политических и экономических

² Broken BRICS: Why the Rest Stopped Rising. Режим доступа: <http://www.foreignaffairs.com/articles/138219/ruchir-sharma/broken-brics?page=show> (дата обращения: 16.05.2016).

реформаторов, поддержание роли ООН как гаранта международной безопасности, максимальное использование комплементарности экономик стран – членов БРИКС, продвижение сотрудничества для модернизации общества [Toloraya, 2014].

Объединение трансформируется в механизм сотрудничества во многих областях, представляющих взаимный интерес (это, прежде всего, энергетика, промышленное производство, сельское хозяйство, здравоохранение, образование), что позволит совместно решать проблемы и преодолевать возникающие вызовы. Сегодня в повестке БРИКС, помимо политики и экономики, более трех десятков направлений, таких как безопасность, экология, транспорт, использование так называемых «общих пространств» – космоса, водной акватории и мирового океана, Интернета и др.

Представляется принципиально важным повысить уровень взаимодействия внутри объединения. Для этого желательно регламентировать управляющие и координирующие структуры, хотя не все страны БРИКС сегодня готовы к этому.

Например, на министерской встрече в Москве в декабре 2015 г. речь шла о создании Энергетической ассоциации или даже Энергетического агентства БРИКС (идея была высказана Россией еще в 2014 г.) [Толорая, 2015]. По итогам прошедшего в июле 2015 г. в Москве первого заседания представителей финансирующих организаций стран – членов БРИКС в области науки и технологий были приняты решения о реализации «Научно-технологической и инновационной рамочной программы» (BRICS STI Framework) для финансирования многосторонних совместных научно-исследовательских проектов, проектов в области коммерциализации технологий и инновационных проектов, а также формирования научно-исследовательских и инновационных сетевых платформ (BRICS Research and Innovation Networking Platforms), которые обеспечат более основательный и скоординированный подход внутри научного сообщества стран БРИКС, а также привлекут к деятельности наукоемкие промышленные предприятия³. По сути, координационные отраслевые центры возникают по «инициативам снизу», что заставляет задуматься об унификации такой активности в интересах единообразия подходов.

Создавая и совершенствуя форматы сотрудничества между странами «пятерки», БРИКС в то же время выступает за реформу институтов глобального финансового управления, прежде всего МВФ и Всемирного банка. БРИКС предлагает пакет мер по реформе этих институтов, предполагающих, в том числе, отказ от регионального и национального принципов в распределении руководящих должностей. Как правило, в указанных институтах руководящие позиции занимают представители стран Запада. Предлагаемый странами БРИКС пакет мер позволит создать предпосылки для усиления роли развивающихся стран в сфере глобальных финансов, а значит, в случае реализации, будет способствовать формированию более устойчивого равновесия в международной финансовой системе. Между тем особую целесообразность для стран БРИКС имеет необходимость создания специальной комиссии по мониторингу за деятельностью рейтинговых агентств в рамках Совета по финансовой стабильности «Группы двадцати».

Таким образом, можно предположить, что БРИКС будет прогрессировать по двум взаимосвязанным трекам: усиление солидарных позиций стран в системе глобального управления и активизация их усилий по его изменению (или совершенствованию су-

³ Заседание представителей финансирующих организаций стран – членов БРИКС в области науки и технологий // Официальный сайт Национального комитета по исследованию БРИКС. Режим доступа: <http://www.nkibrics.ru/posts/show/559e681f62726943081a0000> (дата обращения: 16.05.2016).

ществующего порядка вещей) и углубление взаимодействия в рамках самого объединения по самым разным направлениям.

Российское председательство

Стратегической целью России в БРИКС, по мнению российского руководства, является, прежде всего, постепенная трансформация объединения пяти государств из диалогового формата в полноформатный механизм стратегического и текущего взаимодействия по ключевым политическим и экономическим проблемам. Однако не все страны-участницы в равной мере разделяют эту точку зрения – у государств «южного крыла» существуют определенные опасения относительно поспешных шагов. Тем не менее Россия рассматривает взаимодействие в рамках БРИКС как одно из приоритетных направлений своей внешней политики, наша страна намерена укреплять свои позиции в БРИКС и всемерно содействовать совершенствованию и укреплению авторитета самой организации на международной арене.

В год председательства в БРИКС (апрель 2015 г. – февраль 2016 г.) участие в объединении приобрело растущее значение во внешнеполитической стратегии России. В ситуации конфронтации с Западом и санкций Россия стала значительно больше опираться на незападные страны и БРИКС. Участие в БРИКС продолжает открывать новые возможности для России, и наша страна может и должна использовать эти возможности. Сотрудничество со странами БРИКС также является перспективным и важным для развития российских регионов, прежде всего Сибири и Дальнего Востока.

Российское председательство создало беспрецедентный уровень коммуникации между странами БРИКС, существенно расширив повестку дня объединения, и сделало все возможное для налаживания диалога на разных уровнях БРИКС, увеличив количество встреч по основным трекам и в формате аутрич.

Год председательства России в БРИКС подтвердил заинтересованность стран «пятерки» в консолидации и дальнейшем развитии, ведь чем сложнее ситуация в странах БРИКС, тем больше они заинтересованы во взаимной поддержке, взаимном сотрудничестве и в том, чтобы выступать с солидарных позиций в сложившейся системе глобального управления.

Ключевым событием председательства России в БРИКС стал саммит БРИКС в Уфе 8–9 июля 2015 г., прошедший под девизом «Партнерство стран БРИКС – мощный фактор глобального развития». Саммит, как и ожидалось, завершился важными решениями: были приняты Уфимская декларация, Уфимский план действий, Стратегия экономического партнерства БРИКС, определившие основные задачи и направления дальнейшего развития БРИКС. Российская сторона инициировала подготовку «дорожной карты» торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества на период до 2020 г.

В год российского председательства стартовал процесс работы первых исключительно БРИКСовских структур – Нового Банка развития и Пула условных валютных резервов, решение о создании которых было принято во время предыдущих председательств. По сообщению официального представителя МИД РФ, «уже в этом году банк профинансирует свой первый проект» [БРИКС, 2016]. По неофициальным данным, среди первых инвестиционных проектов Банка БРИКС – финансирование РЖД (строительство скоростной магистрали Москва – Казань), российские стартапы в гидроэнергетике и южноафриканская «зеленая» энергетика (строительство линий электропередачи, которые соединят новые солнечные и ветровые электростанции

с национальной энергосистемой. ЮАР стремится развивать «зеленую» энергетику и снижать зависимость от угля).

В рамках российского председательства было запущено взаимодействие на таких новых направлениях, как миграция, энергетика, регулирование промышленной безопасности, окружающая среда, борьба с инфекционными заболеваниями. «Всего за десять с половиной месяцев российского председательства состоялось более 100 мероприятий, из них более двух с половиной десятков – на уровне министров и глав профильных ведомств» [БРИКС, 2016], – сообщили в МИД. Это стало периодом дальнейшей консолидации БРИКС, совместной активной и последовательной работы по углублению сотрудничества в объединении, открытию новых треков взаимодействия.

Как отмечалось в выступлениях лидеров пяти стран по итогам VII саммита БРИКС, повестка дня саммита стала наиболее обширной за всю историю их проведения и охватывала широкий круг вопросов: от международной безопасности и противостояния терроризму вплоть до сотрудничества по конкретным направлениям экономического и гуманитарного взаимодействия. В 50-страничной Уфимской декларации, подписанной главами государств БРИКС, затрагивается широкий круг проблем, начиная от сирийского конфликта и локальных гражданских войн и заканчивая проблемами экологии, образования, здравоохранения.

Касаясь необходимости реформы ООН, которая в последние годы все больше подвергается критике за неспособность быстро и эффективно противостоять глобальным вызовам, отмечено, что необходимо сделать организацию более представительной и активно реагирующей на угрозы безопасности. Также признается необходимость расширить Совет Безопасности ООН, в состав постоянных членов которого сейчас входят только пять стран, победивших во Второй мировой войне. Страны БРИКС, как уже отмечалось выше, последовательно выступают за реформу Международного валютного фонда. Претензии те же, что и к другим международным институтам: недостаточное представительство восходящих держав, лоббирование интересов США и их союзников.

В Уфимской декларации затронуто множество конфликтов во всем мире. Отдельно упомянута и осуждена террористическая группировка «Исламское государство». В документе названы неприемлемыми террористические методы, которые использует ИГИЛ, подчеркивается необходимость эффективной борьбы с этой организацией, представляющей угрозу международной безопасности. Последующие после саммита события – участие Военно-космических сил Российской Федерации в конфликте в Сирии, террористические акты в Египте, Франции и других странах – подтвердили необходимость решительных, жестких и согласованных действий против террористов и их пособников. «БРИКС – это не только экономика. Эти страны объединены общими стратегическими интересами. И наше общее объединение уделяет большое внимание совместным противодействиям глобальным угрозам. Эффективно борясь с терроризмом, можно объединить усилия всего мирового сообщества», – заявила представитель МИД на брифинге 17 февраля 2016 г. [БРИКС, 2016].

На саммите в Уфе лидеры пяти государств подтвердили, что сотрудничество в рамках Нового банка развития БРИКС и Пула условных валютных резервов БРИКС продолжает развиваться. По словам президента России Владимира Путина, создание Нового банка развития и Пула условных валютных резервов стран БРИКС позволит нашим странам значительно успешнее координировать макроэкономическую политику. «Банк и валютный пул с суммарными ресурсами в 200 млрд долл. закладывают основы для координации макроэкономической политики. Банк БРИКС станет одним

из крупнейших многосторонних финансовых институтов развития в мире, его объявленный капитал составит 100 млрд», – подчеркнул Владимир Путин⁴.

Лидеры БРИКС также одобрили предложение о тесном сотрудничестве Нового банка развития БРИКС с существующими финансовыми институтами, в частности с Азиатским банком инфраструктурных инвестиций.

Являются ли Новый банк развития БРИКС и Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ, АПВ) конкурентами? Напомним, что соглашение о создании Азиатского банка инфраструктурных инвестиций было подписано 29 июня 2015 г. представителями 57 стран – учредителей банка. Крупнейшие доли голосов в Совете директоров банка получили Китай, Индия и Россия. Уставный капитал АПВ составит на начальном этапе 50 млрд долл., а потом будет увеличен до 100 млрд долл. Замглавы МИД РФ Сергей Рябков считает, что между Новым банком развития БРИКС и АБИИ нет конкуренции, более того, он предполагает, «что мы совместно с китайскими коллегами и другими участникам Нового банка развития БРИКС будем присматривать за тем, чтобы не было ненужного дублирования, чтобы рациональнее расходовались ресурсы»⁵.

Саммит наглядно продемонстрировал единство объединения и настроенность на конкретные дела. Тем не менее многие встречи выявили системное расхождение позиций ключевых членов группы и определенное нежелание стран находить компромиссы. Наиболее отчетливо это было продемонстрировано в ряду аутрич-мероприятий, где страны зачастую не соглашались даже обсуждать какие-то темы, а тем более принимать на себя какие-либо долгосрочные обязательства. Экономический кризис в ряде стран сузил возможности для сотрудничества, не ликвидированы и политические противоречия.

В ходе российского председательства в БРИКС также был принят ряд конкретных мер по углублению, диверсификации и институционализации сотрудничества. Состоялись стартовые мероприятия БРИКС по таким новым секторальным направлениям, как охрана окружающей среды (Москва, 22 апреля 2015 г.), молодежная политика (Казань, 4 июля 2015 г.), миграция (Сочи, 8 октября 2015 г.), промышленность (Москва, 20 октября 2015 г.), телекоммуникации (Москва, 22–23 октября 2015 г.), энергетика (Москва, 19–20 ноября 2015 г.), содействие международному развитию (Москва, 7 декабря 2015 г.).

Напомним, что БРИКС был задуман и создавался как интеллектуальный формат. И роль научно-экспертного сообщества в объединении чрезвычайно значима. Лидерство в области изучения и экспертного анализа в БРИКС принадлежит России. В частности, на полях саммита БРИКС в Дурбане по инициативе российской стороны был создан Совет экспертных центров БРИКС (СЭЦ), объединивший национальные научно-исследовательские центры пяти стран. В России таким центром является Национальный комитет по исследованию БРИКС.

На саммите в Форталезе (Бразилия, июль 2014 г.) лидерами стран перед экспертным сообществом пяти стран-участниц была поставлена задача по разработке Стратегии долгосрочного развития БРИКС. За год интенсивной работы Совету экспертных

⁴ Страны БРИКС учредили Банк развития, его капитал составит \$100 млрд // Russia Today. 2014. 15 июля. Режим доступа: <https://russian.rt.com/article/40970> (дата обращения: 16.05.2016).

⁵ Рябков: между Новым банком развития БРИКС и АПВ нет конкуренции // РИА Новости. 2016. 15 февраля. Режим доступа: <http://ria.ru/economy/20160215/1374730402.html> (дата обращения: 16.05.2016).

центров БРИКС удалось согласовать аналитический документ, определяющий основные направления долгосрочного взаимодействия «пятерки».

По итогам VII Академического форума БРИКС, организованного НКИ БРИКС 22–23 мая 2015 г. в Москве, был согласован аналитический доклад «На пути к долгосрочной стратегии БРИКС» для лидеров пяти стран, выработаны рекомендации участников Форума к саммиту БРИКС в Уфе. В принятом по итогам дискуссий на Академическом форуме документе содержатся рекомендации по широкому кругу вопросов, представляющих взаимный интерес: роль БРИКС в мировой системе глобального управления, сохранение мира и безопасности, экономическая стратегия объединения, направления устойчивого развития, дальнейшее расширение и развитие сотрудничества стран-участниц, перспективы институционализации БРИКС, имидж объединения в мире и ряд других.

Также в Москве 29 июня – 1 июля 2015 г. состоялся и Гражданский форум БРИКС, повестка которого включала вопросы обеспечения конструктивного диалога представителей гражданского общества стран БРИКС с лицами, принимающими решения в важнейших социальных областях – здравоохранении, образовании, культуре, развитии, проблемах урбанизации, финансах и др. Работа Гражданского форума БРИКС была разделена на тематические секции. Участники каждой секции подготовили конструктивные предложения, на основе которых был разработан итоговый документ – Заявление участников Гражданского форума БРИКС 2015 г. Представители гражданского общества стран БРИКС выразили готовность и намерение продолжить сотрудничество в подобном формате и встретиться в рамках второго Гражданского форума БРИКС в 2016 г. – в год председательства Индии в БРИКС

Выступая 3 декабря 2015 г. с речью перед Федеральным собранием, Владимир Путин отметил, что в сложной политической и экономической ситуации у России есть союзники и партнеры⁶. В частности, происходит укрепление связей России со странами БРИКС, которые играют все возрастающую роль в мировой политике и экономике. Вопрос теперь в том, чтобы сами страны БРИКС продолжили разделять эту позицию. Впереди большая и многогранная работа по согласованию позиций, поиску компромиссов, постановке целей развития, выработке подробных сценариев и программ достижения этих целей. И самое главное – скоординированная реализация этих планов. Это работа на годы и десятилетия.

Перспективы дальнейшего развития БРИКС

Следует отметить, что позитивные ожидания от развития отношений внутри объединения БРИКС разделяют не только российские исследователи. Так, например, Ренато Бауманн, бывший директор по международным исследованиям государственного Института прикладных экономических исследований в Бразилии считает, что «существуют невероятные возможности для взаимовыгодных отношений между странами БРИКС»⁷, а Оливер Штюнкель, профессор кафедры международных отношений университета Сан-Паулу, говорит о том, что БРИКС – это будущее нового миропорядка [Stuenkel, 2015; Bond, Garcia, 2015].

⁶ Послание Президента Федеральному Собранию // Официальный сайт Президента Российской Федерации. 2015. 3 декабря. Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/50864> (дата обращения: 16.05.2016).

⁷ Attempts being made to suppress Russia, BRICS in international arena – experts // ТАСС. 2014. 29 октября. Режим доступа: <http://tass.ru/en/world/757231> (дата обращения: 16.05.2016).

Впрочем, перспективы его развития пока не вполне ясны, хотя все страны-члены проявляют заинтересованность в БРИКС. К сожалению, оборотной стороной признания действенной роли БРИКС стали попытки исподволь навредить объединению восходящих держав, внести рознь изнутри, попытаться ослабить реформаторский потенциал БРИКС. А ведь именно в реформе существующего миропорядка и был смысл существования БРИКС. Особенно эти процессы усилились на фоне внезапно возникшей острой конфронтации Запада с Россией и медленно зреющей конфронтации Китая с США. Этот фактор явно затрудняет достижение компромисса по новым правилам «глобального общежития», к чему стремятся и бизнес-сообщество, и «экономический блок» правительственных кругов стран БРИКС.

На исходе первого десятилетия своего существования (если вести отчет деятельности БРИКС с памятной встречи министров иностранных дел «четверки» на полях Генеральной Ассамблеи ООН в 2006 г.) мы так и не подошли к однозначному ответу на вопрос: в чем конечная цель БРИКС? Сможет ли БРИКС решить историческую задачу по мирному преобразованию правил общежития в мире или деградирует в сторону парадного формата периодических, ни к чему не обязывающих встреч высокого уровня?

Научный дискурс о «нужности» БРИКС и его перспективах стал полем серьезной идеологической борьбы. И в России, и в других странах «пятерки» идет активный интеллектуальный поиск по этой теме. Сформировалось понимание того, что помимо консолидации на мировой арене восходящих стран БРИКС может выполнить еще одну важную функцию — предложить новую модель социально-экономического развития, может быть, взамен модели «Вашингтонского консенсуса», на основе идеи устойчивого развития и более справедливого распределения благ.

В последнее время вопрос о путях экономического роста восходящих стран, применимости рецептов устойчивого развития становится все более значимым. Катастрофическая экологическая ситуация в таких странах, как Китай и Индия, придает этим поискам особую актуальность. При этом предложенные Западом рецепты «зеленой» экономики чаще всего означают сдерживание экономического роста, что «восходящие страны» считают несправедливым, ущемляющим их национальные интересы. В частности, это противоречие проявилось в ходе недавней конференции по климату в Париже. Выработанный на ней документ устанавливает определенные критерии снижения выбросов, разные для развитых и развивающихся стран, но пока не ясны механизмы и перспективы его выполнения. Представители некоторых стран заявляли, что документ перекладывает ответственность за регулирование выбросов парниковых газов с богатых стран на развивающиеся⁸.

Глобальные проблемы в одиночку, и даже группе стран, не решить — и это лишний раз доказывают недавние события (рост терроризма, климатические изменения). Для стран БРИКС также на первый план выдвигаются вопросы борьбы с бедностью, образования, здравоохранения.

Однако по силам ли странам БРИКС заняться этими проблемами «один на один»? Думается, не стоит игнорировать или принижать роль западных стран, интересы которых в чем-то противоположны интересам стран БРИКС, но в чем-то совпадают с ними. Поэтому принципиально важно, чтобы восхождение БРИКС не сопровождалось конфронтацией с Западом. Нужен поиск общего языка и согласованных рецептов. Сложности, с которыми, например, столкнулось обсуждение проблем новых, не

⁸ Чем закончилась конференция по климату // Газета.Ру. 2015. 13 декабря. Режим доступа: http://www.gazeta.ru/science/2015/12/11_a_7954835.shtml (дата обращения: 16.05.2016).

слишком выгодных для развивающихся стран торговых режимов на конференции ВТО в Найроби, лишний раз продемонстрировали это⁹.

Каким образом, избегая открытой конфронтации с Западом, продвигать собственную повестку дня? Какая модель развития БРИКС оптимальна с учетом интересов всех стран-участниц? Какую задачу ставит перед собой БРИКС: усовершенствовать имеющуюся систему глобального управления или строить параллельную?

Представляется, что оптимальный путь – это путь поиска компромисса в рамках существующей глобальной системы управления и регулирования. Не стоит полагать, что БРИКС и другие новые объединения в скором времени вытеснят существующие. Такая позиция не только ошибочна, но и опасна, так как способствует усилению конфронтации вместо поисков путей сотрудничества и взаимодействия. Существующие институты глобального управления – прежде всего ООН и МВФ – нельзя игнорировать, сбрасывать со счетов. Тем более что Запад в упреждающем порядке приступает к созданию новых институтов под своим контролем, которые могут стать «зародышами» новых международных режимов – примером является инициированное США Транстихоокеанское партнерство.

Не вызывает сомнения тот факт, что стремление БРИКС к совершенствованию (в свою пользу) существующих институтов системы международных отношений не встречает понимания сил, доминирующих в этих институтах. Удастся ли изменить существующие «правила игры» и когда это может произойти? Можно попытаться усилить количественно позиции стран БРИКС, которые уже встроены в существующую глобальную экономическую и финансовую архитектуру, допустим, добиться перераспределения квот в МВФ, однако существует опасность того, что центром принятия решений, определения «правил игры», в том числе неформальным путем, останутся западные страны, действующие, как показывает опыт, в основном в собственных интересах. Закрепление существующих ролей (Китай – трудоемкая продукция, Россия – ресурсы) вряд ли отвечает интересам стран БРИКС. Более того, на этом пути их ждет обострение противоречий между собой (производители – потребители сырья и т.п.), в том числе искусственно подогреваемое извне.

Параллельно БРИКС не исключает и альтернативный путь – создание «зеркальных» структур. Первыми такими структурами стали Новый Банк развития и Пул условных валютных резервов. Важно, чтобы их деятельность была не просто коммерчески успешной, но создала бы новое измерение координации макроэкономической политики. Однако создание структур и треков с доминированием БРИКС сулит больше проблем, чем выигрышей.

Опасность заключается в том, что возможен новый раскол мира на блоки (хотя Запад обвинит в этом именно страны БРИКС, не желающие играть по «общепринятым универсальным правилам», умолчав о том, что они выгодны в первую очередь развитым странам). По этому пути, похоже, может пойти Китай. Налицо попытки создания некой альтернативной группировки (скажем, на базе Всеобъемлющего регионального экономического партнерства – ВРЭП¹⁰, или «Экономического пояса Шелкового пути» и его «сопряжения» с Евразийским экономическим сообществом). Такая азиатско-

⁹ ВТО решила прекратить субсидирование сельскохозяйственного экспорта // ТАСС. 2015. 20 декабря. Режим доступа: <http://tass.ru/ekonomika/2543467> (дата обращения: 16.05.2016).

¹⁰ Переговоры по созданию Всеобъемлющего регионального экономического партнерства (ВРЭП) – интеграционного объединения с участием 16 государств Азии (в переговорах участвуют 10) имеют целью достижение партнерства с участием стран АСЕАН и его партнеров по ЗСТ (с одной из инициатив на этот счет выступил в 2011 г. Китай, предложивший Восточно-Азиатскую ЗСТ в составе АСЕАН+3; в 2012 г. было достигнуто согласие по формуле АСЕАН+6).

европейская структура рискует стать вторичной и характеризоваться менее прогрессивными параметрами взаимодействия национальных хозяйств, что, не исключено, приведет к торможению развития и конфликтам.

Каков может быть рецепт, пусть трудновыполнимый? Надо попытаться договориться с развитыми странами о перераспределении ролей, уступке ими части прав и привилегий в обмен на перспективы гармоничного глобального развития и минимизацию угрозы конфликта. То есть следует опираться на переговорные и дипломатические механизмы. БРИКС – G7 представляется хорошей площадкой для такого диалога. Хотя надо отдавать себе отчет в том, что США не хотят обсуждать проблемы в таком формате, настаивая на том, что будут вести диалог отдельно с каждой страной.

Особую роль призвана сыграть принятая в 2015 г. экономическая стратегия. БРИКС призывает противодействовать всем формам торгового протекционизма и обеспечить поддержку Всемирной торговой организации. В Стратегии говорится, что страны БРИКС будут стремиться к углублению сотрудничества для расширения и диверсификации своего участия в глобальной торговле, а также выражена решительная поддержка задаче завершения Дохийского раунда. Страны БРИКС также подтвердили ценность многосторонней торговой системы, воплощением которой является ВТО, в деле регулирования мировой торговли.

Государства БРИКС заинтересованы в расширении практики взаиморасчетов в национальных валютах. Соответствующим государственным организациям пяти стран поручено искать пути более широкого использования национальных валют, а также развивать сотрудничество в сфере налогового администрирования. Эксперты высказывают мнение о том, что именно под эгидой БРИКС есть возможность создать реальную коалицию против доллара, введя в оборот на территории стран объединения единую денежную единицу БРИКС – вместо торговли в долларах или евро страны БРИКС осуществляют взаиморасчеты в валюте БРИКС. И это будет обменная валюта. За нее невозможно будет что-то купить, только поменять на деньги одной из стран – членов группы.

Ирина Ярыгина, рассуждая на тему возможного взаимодействия с другими формальными и неформальными структурами, отмечает, что «рост экономического потенциала БРИКС и ЕАЭС, несомненно, будет способствовать наращиванию многостороннего взаимодействия сторон и позволит более эффективно решать практические задачи реализации программ сотрудничества, что создаст дополнительные условия обеспечения стабильности финансовых связей» [Ярыгина, 2015]. Нового уровня интеграции и сотрудничества можно будет достичь уже в этом году после запуска первых инвестиционных проектов Нового банка развития БРИКС, а само создание Банка – это четкий сигнал о существующей необходимости реформировать финансовую и монетарную архитектуру в интересах всех стран мира [Tolodaya, 2014].

Участие объединения БРИКС как в качестве самостоятельного формата, так и в рамках «Группы двадцати» представляет интересный феномен, особенно учитывая и тот факт, что «Группа семи» также входит в G20. При этом аналитики уже выводят БРИКС на первое место в сравнении с «семеркой» по ряду макроэкономических показателей, территории, населению и ресурсам.

Вопрос возможного представительства НБР в формате «Группы двадцати» представляет отдельный интерес, поскольку новая структура глобального финансового управления теоретически способна, при готовности участников «Группы двадцати», присоединиться к работе Группы, получив еще один дополнительный консолидированный голос для поддержки позиций стран БРИКС. Данный сценарий является од-

ним из возможных вариантов развития событий, которые происходят в настоящее время при значительном противодействии со стороны представителей действующих международных финансовых институтов, чья гегемония медленно, но верно подходит к концу, особенно в свете попыток проведения полноформатной институционализации БРИКС или серьезного успеха первых финансовых институтов развития, учрежденных странами, входящими в объединение.

Другая возможность осуществима в том случае, если БРИКС пойдет по пути институционализации и будет входить в дополнительное качество не только на уровне глав центральных банков стран «Группы двадцати», но и в целом в качестве отдельного члена G20 в работу вышеуказанных форматов. При реализации данного сценария вполне реальной представляется перспектива включения БРИКС в качестве одного из постоянных членов «Группы семи» (восьми) или создания нового формата на данной основе.

Изучается также возможность включения объединения БРИКС в качестве самостоятельного игрока в «Группу семи» по примеру участия Европейского союза. Однако это, во-первых, по сути, повторило бы Хайлигендаммский процесс, а, во-вторых, не являлось бы достойным представительством в клубе, поскольку все остальные страны представлены самостоятельно и имели бы большее влияние, а БРИКС досталась бы роль «младшего партнера». Соответственно, формату взаимодействия БРИКС с «Группой семи» на паритетных началах по-прежнему лучше подходит формат «Группы двадцати» как основного форума по обсуждению глобальных экономических и финансовых вопросов, в рамках которого страны находятся в равном положении, а другие участники G20 могут занимать ту или иную позицию в зависимости от собственного интереса. Поскольку консенсусных решений по радикальному изменению мировой экономической системы в рамках механизма «двадцатки» достичь не удастся, страны могут и должны использовать данный формат в целях консолидации позиций и анализа имеющихся точек зрения для построения собственных стратегий.

При этом стоит отметить, что институционализация не всегда ведет к повышению эффективности, и возможно существующее объединение усилий стран БРИКС в рамках работы Организации Объединенных Наций, Международного валютного фонда наряду с собственными попытками инициирования новых структур глобального финансового управления и координированного участия в «Группе двадцати» могут помочь БРИКС продолжать успешно продвигать собственные позиции, не обретая институционального характера.

Заслуживает внимания идея создания пятисторонней межправительственной комиссии по экономическому и научно-техническому сотрудничеству во главе с вице-премьерами с соответствующими подкомиссиями и рабочими группами. Она объединила бы все многочисленные межминистерские «треки», которые сегодня действуют подчас несогласованно, а на ее базе возможно создание постоянно действующего технического Секретариата БРИКС.

Вместо заключения

В феврале 2016 г. закончилось председательство России в БРИКС, и эстафета перешла к Индии. Определенный интерес вызывает факт совпадения председательства в 2016 г.: Китая – в «Группе двадцати», Индии – в объединении БРИКС – впервые председательство в ключевых клубных форматах глобального управления у партнеров по БРИКС. Учитывая особую роль, которую Китай в данный момент играет в становлении

региональных экономических союзов и возрождении собственного влияния в регионе посредством Азиатского банка инфраструктурных инвестиций и «Экономического пояса Шелкового пути», представляется, что председательство в «Группе двадцати» будет более актуально для Китая в интересах демонстрации уже нескрывааемых амбиций по участию в глобальном управлении.

Вместе с тем существующий антагонизм между Индией и Китаем по ряду факторов вряд ли сможет обеспечить двум форматам достаточную синергию, необходимую для сопряжения повестки дня двух председательств и подчеркивания роли, которую страны БРИКС могут играть в общем глобальном управлении и повышении роли соучастия развивающихся стран в достижении глобальных целей, стоящих перед «Группой двадцати».

Еще одну проблему представляют попытки «расплодить» новые международные форматы. Данная ситуация приводит к тому, что многие исследователи группируют иные, не входящие в БРИКС или «Группу семи», но входящие, например в «двадцатку» страны в отдельные форматы, такие как МИКТА (Мексика, Индонезия, Корея, Турция и Австралия) или МИНТ (Мексика, Индонезия, Нигерия, Турция), а также CIVETS (Колумбия, Индонезия, Вьетнам, Египет, Турция, ЮАР) [Толорая, 2013].

С этими тенденциями связан вопрос о расширении БРИКС. При этом называются разные государства-кандидаты и выдвигаются разные аргументы в пользу того или иного нового члена объединения. С одной стороны, БРИКС открыт для конструктивного взаимодействия, и это относится не только к восходящим державам, но и к странам Запада. С другой стороны, на расширение членства в БРИКС пока объявлен мораторий. Но как долго он продлится? Так или иначе, расширение не должно приводить к «размыванию» основ объединения и негативно влиять на его эффективность.

Различия в подходах к тем или иным вопросам мирового развития, разные приоритеты стран-участниц не отменяют главного — совпадения ряда важных стратегических интересов. К ним относятся: стремление реформировать основы мировой политики и экономики, независимость в политике и примат международного права, поддержание роли ООН как гаранта международной безопасности, максимальное использование возможностей взаимодополняемости национальных экономик, сотрудничество в деле модернизации общества.

Проанализировав все многообразие факторов, влияющих на дальнейшее становление и развитие БРИКС, конкуренцию с форматами новых участников экономического роста или региональных торгово-экономических союзов, можно предположить, что он останется важным фактором международной жизни в обозримом будущем. Представляется, что для России БРИКС должен оставаться стратегическим приоритетом. В условиях явно приобретающей долгосрочный характер геополитической конфронтации с Западом у России просто нет другой альтернативной стратегии, которая позволила бы ей удержаться на позициях мирового центра силы. Односторонняя ориентация на один из страновых центров силы — скажем, Китай — куда менее предпочтительна, так как сужает свободу внешнеполитического маневра.

Литература

БРИКС (2016) Мария Захарова: БРИКС доказал свою востребованность и работоспособность // Официальный сайт председательства России в БРИКС в 2015 г. 19 февраля. Режим доступа: <http://brics2015.ru/news/20160219/891131.html> (дата обращения: 16.05.2016).

Бусыгина И., Окунев. И. (2015) Модернизация и демократизация в странах БРИКС: сравнительный анализ. М.: Аспект Пресс.

Виноградов А.В. (2013) Диалоговый формат БРИКС и его роль в становлении многополярного мира // Стратегия России в БРИКС: цели и инструменты / под ред. В.А. Никонова, Г.Д. Толорая. М.: НКИ БРИКС. Режим доступа: http://www.nkibrics.ru/system/asset_publications/data/53c7/b39f/676c/7631/4009/0000/original/strategiya-rossii-v-briks-tseli-i-instrumenty.pdf?1408705835 (дата обращения: 16.05.2016).

Толорая Г. (2015) Вопрос о создании энергетического агентства стран БРИКС назрел // Сайт НКИ БРИКС. 19 ноября. Режим доступа: <http://nkibrics.ru/posts/show/564df951627269490c2a0000> (дата обращения: 16.05.2016).

Толорая Г.Д. (2013) МИКТА – новый элемент конструкции глобального управления? // Российский Совет по международным делам. 23 декабря. Режим доступа: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=2889#top-content (дата обращения: 16.05.2016).

Ярыгина И. (2015) Проблемы и перспективы сотрудничества БРИКС – ЕАЭС // Официальный сайт Национального комитета по исследованию БРИКС. 26 февраля. Режим доступа: <http://www.nkibrics.ru/posts/show/54eee2d46272691beb020000> (дата обращения: 16.05.2016).

Bond P., Garcia A. (eds) (2015) BRICS: An Anti-Capitalist Critique. L.: Pluto.

Naude W., Szirmai A., Lavopa A. Industrialization Lessons from BRICS: A Comparative Analysis. Institute for the Study of Labor. Discussion Paper. No. 7543 (August). P. 2.

Pommeranz W. (2013) Why Russia Needs the BRICS? // Fareed Zakaria Global Public Square. September 3. Режим доступа: <http://globalpublicsquare.blogs.cnn.com/2013/09/03/why-russia-needs-the-brics/> (дата обращения: 22.12.2014).

Stuenkel O. (2015) The BRICS and the Future of Global Order. Lanham: Lexington.

Toloraya G. (2014) How is the Sixth BRICS Summit Rated in Russia? // LEAP. August 20. Режим доступа: <http://www.leap2020.net/euro-brics/2014/08/20/how-is-the-sixth-brics-summit-rated-in-russia/?lang=en> (дата обращения: 16.05.2016).

BRICS To Be Considered?

G. Toloraya, R. Chukov

Georgy Toloraya – Professor, Executive Director of the National Committee on BRICS, Research Director of the Asian Strategy Center of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences; 32 Nakhimovskiy prospect, 117218, Moscow, Russian Federation; E-mail: rusmirasaf@yandex.ru

Roman Chukov – Research fellow, Asian Strategy Center of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, 32 Nakhimovskiy prospect, 117218, Moscow, Russian Federation; E-mail: roman@chukov.org

Abstract

The current political situation in the world is becoming increasingly turbulent, which does not give an unambiguous answer to the question of the future architecture of global governance, the balance of power and the role of international forums such as the BRICS grouping of Brazil, Russia, India, China and South Africa – the prospects of which now seem highly controversial. As president of the BRICS in 2015, Russia did its best to promote dialogue at all levels of the BRICS, especially by increasing the number of formats and meetings within the main and outreach tracks. The BRICS Economic Partnership Strategy, which was adopted at the Ufa Summit, confirmed the consolidated positions on major financial and economic issues and on the general principles for relations between the subjects of world politics and specific development issues. Important steps were taken to develop cooperation within the BRICS in energy, science, technology, innovation and other areas. Relevant documents, declarations and action plans were prepared throughout the presidency. Several inaugural BRICS events were held, such as youth, global university and civil summits, creating a civil society component that definitely strengthened the BRICS. As a result of Russia's presidency, the group has shown interest in further consolidation and development: the more complex the situation in a member, the more it is interested in mutual support and common positions in the existing system of global governance. Although the Ufa Summit demonstrated unity among the members and their intentions to cooperate on the agenda, many meetings and consultations revealed systemic divergences. The economic crisis in several countries narrowed the opportunities for cooperation and highlighted the existing political contradictions. Nonetheless, as a powerful mechanism for positioning these large economic actors outside the interests of the Group of Seven, the external representation of the BRICS is most efficient when the countries consolidate their positions in the Group of 20 or other international organizations and communities. BRICS positions have become very noticeable in such instances. However, the BRICS countries have not yet reached an adequate level of cooperating and promoting their interests in the United Nations, which could be considered one trouble spot for the group.

This article presents a comprehensive analysis of various factors affecting the ongoing formation and development of the BRICS, and offers possible formats for its institutionalization, expansion with new members, and options for competing with the new structures of economic growth and regional trade and economic unions. It concludes that the BRICS should remain a strategic priority for Russia.

Key words: BRICS, global governance, G20, G7, summitry, international organizations, international communities

References

- Bond P., Garcia A. (eds) (2015) *BRICS: An Anti-Capitalist Critique*. London: Pluto.
- BRICS (2016) Maria Zakharova: BRICS Has Proven its Relevance and Efficiency. *Official Website of Russia's Presidency in BRICS*, 19 February. Available at: <http://en.brics2015.ru/news/20160219/891166.html> (accessed 16 May 2016).
- Busygina I., Okunev. I. (2015) *Modernizacija i demokratizacija v stranah BRIKS: sravnitel'nyj analiz* [The modernization and democratization in the BRICS countries: A Comparative Analysis]. M.: Aspekt Press. (In Russian.)
- Jarygina I. (2015) Problemy i perspektivy sotrudnichestva BRIKS – EAJeS [The Problems and the prospects of BRICS – EEU cooperation]. *Russian National Committee on BRICS Research*, 26 February. Available at: <http://www.nkibrics.ru/posts/show/54eee2d46272691beb020000> (accessed 16 May 2016).

- Naude W., Szirmai A., Lavopa A. *Industrialization Lessons from BRICS: A Comparative Analysis*. Institute for the Study of Labor. Discussion Paper, no 7543, August, p. 2. Bonn.
- Pommeranz W. (2013) Why Russia Needs the BRICS? *Fareed Zakaria Global Public Square*, 3 September. Available at: <http://globalpublicsquare.blogs.cnn.com/2013/09/03/why-russia-needs-the-brics/> (accessed 22 December 2014).
- Stuenkel O. (2015) *The BRICS and the Future of Global Order*. Lanham: Lexington.
- Toloraja G. (2015) Vopros o sozdanii jenergeticheskogo agentstva stran BRIKS nazrel [The Question about Establishment of the BRICS Energy Agency Has Matured]. *Russian National Committee on BRICS Research*, 19 November. Available at: <http://nkibrics.ru/posts/show/564df951627269490c2a0000> (accessed 16 May 2016).
- Toloraja G.D. (2013) MIKTA – Is it a New Element of the Global Governance Structure? *Russian International Affairs Council*, 23 December. Available at: http://russiancouncil.ru/en/inner/?id_4=2893#top-content (accessed 16 May 2016).
- Toloraya G. (2014) How is the Sixth BRICS Summit Rated in Russia? *LEAP*, 20 August. Available at: <http://www.leap2020.net/euro-brics/2014/08/20/how-is-the-sixth-brics-summit-rated-in-russia/?lang=en> (accessed 16 May 2016).
- Vinogradov A.V. (2013) Dialogovyj format BRIKS i ego rol' v stanovlenii mnogopoljarnogo mira [BRICS Dialogue Format and its Role in Development of a Multipolar World]. *Strategija Rossii v BRIKS: celi i instrumenty* / V.A. Nikonova, G.D. Toloraja (eds). Moscow: NKI BRIKS. (In Russian.)

Российское председательство в БРИКС: модели взаимодействия с международными институтами¹

М.В. Ларионова

Ларионова Марина Владимировна — д.полит.н., к.филол.н., директор Института международных организаций и международного сотрудничества (ИМОМС) НИУ ВШЭ, директор и ведущий научный сотрудник Центра исследований международных институтов (ЦИМИ), Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС); 119034, Российская Федерация, Москва, Пречистенская наб., 11; E-mail: larioнова-mv@yandex.ru

Со времени первого саммита БРИК в Екатеринбурге в июне 2009 г. прошло всего семь лет. За этот краткий период БРИКС состоялся как неформальный форум глобального управления. Страны БРИКС последовательно укрепляли сотрудничество, расширяли и углубляли сферы взаимодействия, координировали усилия для восстановления и роста своих экономик, содействовали развитию стран всего мира, развивали взаимодействие с международными организациями. Эта работа была продолжена в рамках российского председательства.

В данной статье рассматривается только один аспект — взаимодействие БРИКС с международными организациями. Есть три основания, определяющие актуальность анализа данного измерения. Во-первых, с самого начала возникновения БРИКС заявили о своей коллективной приверженности созданию «многополярного, справедливого и демократического миропорядка», что невозможно без взаимодействия с ключевыми многосторонними организациями. Во-вторых, повышение устойчивости, легитимности и эффективности архитектуры глобального управления определяет необходимость гибкого сочетания «институтами высшего уровня» различных моделей взаимодействия с другими многосторонними организациями. В-третьих, согласно Концепции председательства Российской Федерации в БРИКС, одной из задач форума является обеспечение качественно нового уровня взаимодействия с международными организациями.

Аналитической основой исследования является теория рационального выбора институционализма. Рациональный подход особенно уместен при анализе неформальных институтов высшего уровня, объединяющих государства разных континентов, цивилизаций и уровня экономического развития. Во-первых, страны-члены действуют стратегическим образом, для того чтобы извлечь максимальные преимущества от объединения усилий и обеспечить достижение своих приоритетов. Во-вторых, саммиты являются уникальными механизмами, в которых стратегическое взаимодействие между лидерами государств определяет политические результаты координации. В-третьих, теория рационального выбора институционализма аналитически наиболее выигрышна в применении к исследованию режимов, в которых для обеспечения институциональных изменений необходим консенсус между акторами примерно равного уровня, привыкших к стратегическим действиям — характеристики, типичные для неформальных институтов высшего уровня. В-четвертых, институты создаются волеизъявлением лидеров соответствующих стран для осуществления конкретных миссий и функций.

Основная гипотеза работы заключается в том, что для получения максимальных результатов от сотрудничества в рамках БРИКС лидеры выбирают модели взаимодействия с существующими международными организациями, которые они считают наиболее эффективными для достижения своих целей. Модели не являются взаимоисключающими, но сосуществуют в деятельности неформальных институтов. Их вы-

¹ Статья подготовлена с использованием средств Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” (НИУ ВШЭ)» в 2015 г. (грант № 15-09-0252) по проекту РГНФ № 15-07-00022 «Модели взаимодействия международных институтов в процессе осуществления многостороннего управления в сферах макроэкономической политики, финансового регулирования, международной торговли и инвестиций».

Материал поступил в редакцию в октябре 2015 г.

бор зависит от сферы и организации. Модели взаимодействия неформальных институтов высшего уровня с международными организациями отражают место и роль форума в архитектуре глобального управления.

В рамках исследования используются количественный и качественный методы анализа. На основе контент-анализа документов, принятых в рамках председательства, прослеживается динамика взаимодействия БРИКС с международными институтами, выявляются основные модели взаимодействия, осуществляется сравнительный анализ с динамикой и моделями взаимодействия, характерными для предшествующих председательств.

Анализ взаимодействия БРИКС с существующими международными организациями в ходе российского председательства подтверждает гипотезу о том, что выбор участниками объединения модели взаимодействия с международными организациями отражает их место и роль в архитектуре глобального управления, предписанную их «отцами-основателями» при создании и закреплённую в ходе дальнейшей эволюции.

Выбор участниками объединения модели взаимодействия с международными организациями зависит от сферы и этапа становления сотрудничества, специфики организаций, которые они считают наиболее эффективными для достижения своих целей. Создавая новые институты, БРИКС одновременно укрепляет сотрудничество с другими международными организациями. С профильными организациями ООН и ВТО взаимодействие развивается по модели «каталитического воздействия» (стимулирование или поддержка изменений и реформирования международных организаций), в то время как с «Группой двадцати» отмечается нереализованная тенденция к взаимодействию по модели «управление в союзе с многосторонними институтами».

В 2015 г. отмечена тенденция к дальнейшему усилению взаимодействия БРИКС с институтами ООН, усиление поддержки «Группы двадцати» и ВТО. Первое в истории БРИКС упоминание ОЭСР позволяет предположить, что страны БРИКС готовы использовать экспертный потенциал этой организации. Что касается ШОС и ЕАЭС, учитывая, что в следующем году в БРИКС председательствует вступившая в 2015 г. в ШОС Индия, а затем Китай, можно ожидать продолжения взаимодействия БРИКС и ШОС. В то же время, учитывая отсутствие результатов «каталитического воздействия», продолжается снижение количества обращений к МВФ и Всемирному банку в сопряжении с возрастающим количеством упоминаний НБР. Согласие БРИКС относительно тесного сотрудничества НБР с существующими и новыми финансовыми механизмами позволяет опровергнуть высказывающиеся рядом экспертов и практиков опасения относительно соперничества или конкуренции НБР с другими многосторонними банками развития.

В 2015 г. закрепляется выбор БРИКС в пользу двух моделей взаимодействия с другими международными организациями: «каталитического воздействия» (стимулирование или поддержка изменений и реформирования международных организаций) и «параллельного управления» (создание собственных механизмов). Новым институтам БРИКС еще предстоит обрести собственную идентичность, заполнить лакуны в управлении, обеспечить потребности членов БРИКС и потенциально других субъектов международных отношений, занять свое место в системе глобального управления. По мере становления новых институтов можно ожидать включение в практику взаимодействия БРИКС с международными организациями по модели «управления в союзе с многосторонними организациями».

Ключевые слова: БРИКС, глобальное управление, международные организации, ООН, МВФ, Всемирный банк, Новый банк развития

Введение

Со времени первого саммита БРИК в Екатеринбурге в июне 2009 г. прошло всего семь лет. За этот краткий период БРИКС состоялся как неформальный форум глобального управления. Страны БРИКС последовательно укрепляли сотрудничество, расширяли и углубляли сферы взаимодействия, координировали усилия для восстановления и роста своих экономик, содействия развитию стран всего мира, «успешно формулировали общие интересы и избегали рассмотрения вопросов, которые могли бы вызвать разногласия, полагаясь на институциональную гибкость неформальной модели взаимо-

действия» [Modi, 2014, p. 86–87]. Несмотря на многочисленные критические оценки, причины возникновения и становления БРИКС как актора глобального управления, факторы успеха и сложности работы форума, процесс институционализации БРИКС стали предметом многочисленных исследований².

В данной статье рассматривается только один аспект – взаимодействие БРИКС с международными институтами. Существуют как минимум три основания, определяющие актуальность анализа данного измерения. Во-первых, с самого начала возникновения БРИКС заявили о своей коллективной приверженности созданию «многополярного, справедливого и демократического миропорядка, основанного на международном праве, равенстве, взаимном уважении, сотрудничестве, скоординированных действиях всех государств и коллективном принятии ими решений»³. Создание многостороннего миропорядка, отвечающего интересам развивающихся стран, невозможно без взаимодействия с ключевыми многосторонними организациями. Приверженность членов форума многосторонности подтверждает неизменно растущее количество упоминаемых международных организаций в документах БРИКС: за период со времени первой встречи министров иностранных дел БРИК в мае 2008 г. и до ноября 2015 г. отмечено 670 упоминаний.

Во-вторых, повышение устойчивости, легитимности и эффективности архитектуры глобального управления определяет необходимость гибкого сочетания «институтами высшего уровня»⁴ различных моделей взаимодействия с другими многосторонними организациями. Наиболее рациональным может быть сочетание трех подходов, традиционно практикуемых «многосторонними институтами высшего уровня»: «каталитического воздействия» (стимулирование или поддержка изменений и реформирования международных организаций), «ядра, влияющего на систему» (определение нового направления действий для других организаций) и «параллельного управления» (создание собственных механизмов). Как показывают различные исследования [Ларионова и др., 2014; Larionova, Sheleпов, 2015; Ларионова, 2016; Шелепов, 2015], во взаимодействии с международными организациями БРИКС практикует подход, характерный для «Группы семи» в первые годы ее существования [Putnam, Bayne, 1987]: поддержка действий, изменений и реформирования международных организаций; решение коллективных

² Обзор широкого спектра оценок представлен в статье: Киртон Дж.Дж. Анализ причин успешности саммитов БРИКС // Вестник международных организаций. 2015. Т. 10. № 2. Режим доступа: <http://ioij.hse.ru/2015-10-2/152391839.html> (дата обращения: 31.10.2015).

³ Совместное заявление глав государств и правительств стран – участниц Второго саммита БРИК (§ 2). 15 апреля. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/supplement/524> (дата обращения: 31.10.2015).

⁴ Plurilateral summitry institutions (многосторонние институты высшего уровня) – институты, которые, как правило, характеризуются ограниченным членством, относительно низким уровнем бюрократии, гибкостью форматов взаимодействия, опорой на принципы консенсуса в принятии решений и добровольности их исполнения. Регулярные встречи глав государств и правительств для координации позиций по широкому кругу вопросов международной, региональной и национальной политики являются вершиной (summit) таких институциональных образований, включающих достаточно большое количество акторов, взаимодействующих по сложившимся процедурам на двух уровнях: национальном и международном. Обязательства, зафиксированные в коллективных документах, не являются юридически обязательными для исполнения, имплементация решений стимулируется взаимными ожиданиями и давлением со стороны партнеров. Примерами подобных институтов в глобальном и региональном управлении являются «Группа семи/восми», «Группа двадцати», БРИКС, АТЭС и др. Диалог лидеров для определения направлений коллективных действий, выработки общих решений, исполнения принятых обязательств, развития глобального управления и решения задач политического управления на национальном уровне составляет суть и определяет уникальный характер «многосторонних институтов высшего уровня». Такие институты также принято называть институтами «клубного типа».

задач через механизмы, существующие в рамках форума; или создание новых собственных институтов, таких как Новый банк развития. БРИКС не использует модель «ядра, влияющего на систему», предполагающую определение направления действий для других организаций, сотрудничество в выработке решений и новых правил, а также реализации обязательств, в том числе и через мандаты международным организациям.

В-третьих, согласно Концепции председательства Российской Федерации в БРИКС, одной из задач форума является обеспечение качественно нового уровня взаимодействия с международными организациями через введение в регулярную практику «на полях» встреч лидеров и министров государств БРИКС мероприятий в формате «аутрич» с участием руководителей международных и региональных организаций; запуск системы регулярных консультаций председательства БРИКС с руководством ведущих международных и региональных организаций – Организации Объединенных Наций (ООН), Евразийского экономического союза (ЕАЭС), Африканского союза, Лиги арабских государств, Организации исламского сотрудничества, региональных интеграционных объединений Латинской Америки, АСЕАН и других; введение в практику направления посланий председательства руководителям ведущих международных организаций по наиболее актуальным вопросам мировой политики, финансов и экономики⁵.

Таким образом, задачи реализации миссии создания многостороннего миропорядка, повышения эффективности глобального управления и собственной эффективности определяют стратегический, продуманный (в нашем случае отраженный в Концепции председательства) и добровольный выбор БРИКС в отношении организаций, моделей и интенсивности взаимодействия с ними.

Основная гипотеза работы заключается в том, что для получения максимальных результатов от сотрудничества в рамках БРИКС лидеры выбирают модели взаимодействия с существующими международными организациями, которые они считают наиболее эффективными для достижения своих целей. Модели не являются взаимоисключающими, но сосуществуют в деятельности неформальных институтов. Их выбор зависит от сферы и организации. Модели взаимодействия неформальных институтов высшего уровня (в данном случае БРИКС) с международными организациями отражают место и роль форума в архитектуре глобального управления, предписанные им при создании отцами-основателями, закрепленные в ходе дальнейшей эволюции, но не являющиеся статичными.

Методология

Аналитической основой исследования является теория рационального выбора институционализма. Рациональный подход особенно уместен при анализе неформальных институтов высшего уровня, объединяющих государства разных континентов, цивилизаций и уровня экономического развития. Его положения, безусловно, применимы к анализу происхождения и деятельности БРИКС. Во-первых, страны-члены действуют стратегическим образом, для того чтобы извлечь максимальные преимущества от объединения усилий и обеспечить достижение своих приоритетов. Во-вторых, саммиты являются уникальными механизмами, в которых стратегическое взаимодействие между лидерами государств определяет политические результаты координации. В-третьих,

⁵ Концепция председательства Российской Федерации в межгосударственном объединении БРИКС в 2015–2016 гг. Режим доступа: http://brics2015.ru/russia_and_brics/20150301/15383.html (дата обращения: 31.10.2015).

теория рационального выбора институционализма аналитически наиболее выигрышна в применении к исследованию режимов, в которых для обеспечения институциональных изменений необходим консенсус между акторами примерно равного уровня, привыкших к стратегическим действиям – характеристики, типичные для неформальных институтов высшего уровня. В-четвертых, институты создаются волеизъявлением лидеров соответствующих стран для осуществления конкретных миссий и функций [Hall, Taylor, 1996, p. 936–957]. Так, БРИКС объединили усилия для создания платформы для диалога и сотрудничества в интересах содействия миру, безопасности и развитию в многополярном, взаимозависимом, все более сложном глобализирующемся мире [BRICS Leaders, 2012, para 3], на основе общепризнанных норм международного права и многостороннего подхода к принятию решений [BRICS Leaders, 2012, para 4]. Миссия, задачи и функции БРИКС должны определять выбор в отношении международных организаций и моделей взаимодействия с ними.

В рамках исследования используются количественный и качественный методы анализа. На основе контент-анализа документов, принятых в рамках председательства России, прослеживается динамика взаимодействия БРИКС с международными институтами, выявляются основные модели взаимодействия, осуществляется сравнительный анализ с интенсивностью и моделями взаимодействия, характерными для председествующих председательств.

На первом этапе анализа используется количественный подход с применением трех параметров: количество упоминаний того или иного института за период, доля в общем количестве упоминаний и интенсивность. Интенсивность рассчитывается как отношение количества упоминаний к количеству символов (включая пробелы и пунктуацию) в документах:

$$D_1 = M_1/S_1,$$

где D_1 – интенсивность упоминаний международных организаций за определенный год (период), M_1 – количество упоминаний организации в этот год (период), и S_1 – общее количество символов в документе за данный год (период). Для большей наглядности результатов D_1 умножается на 10 000.

Количественный подход позволяет сравнить интенсивность и динамику взаимодействия БРИКС с международными организациями в рамках российского председательства с предыдущими председательствами.

На втором этапе осуществляется качественный анализ, позволяющий выявить наиболее характерные модели взаимодействия БРИКС с многосторонними международными организациями, а также динамику и интенсивность избираемых ими моделей по конкретным организациям в конкретных сферах политики: финансах, экономике и международной торговле, политике и безопасности, социальных вопросах.

Помимо трех вышеописанных подходов, практикуемых «многосторонними институтами высшего уровня» во взаимодействии с другими международными организациями: «каталитическое воздействие», «ядро, влияющее на систему» и «параллельное управление», в анализе учитывалась возможность использования БРИКС других моделей. Четыре академических направления исследований выделяют наиболее характерные модели взаимодействия «клубных институтов» с многосторонними организациями: управление через многосторонние организации; управление вопреки многосторонним организациям; управление без многосторонних организаций и управление в союзе с многосторонними организациями [Kirton et al., 2010, ch. 2]. Данные модели

первоначально были выделены на основе исследования взаимосвязей «Группы семи/восьми» с международными организациями.

Элла Кокотсис считает, что управление через многосторонние организации способствует повышению эффективности, поскольку деятельность многосторонних организаций содействует исполнению обязательств, принятых в рамках саммитов, при условии, что эти организации являются профильными для данных специфических обязательств [Kokotsis, 1999; Kokotsis, Daniels, 1999].

Подход «управление против многосторонних институтов» разработан Джоном Киртоном в сопряжении с его моделью «союза равных» в отношениях между странами – членами «Группы семи/восьми». Он утверждает, что «Группа семи/восьми» движется все далее от стремления к усилению и реформированию институтов к замене старых многосторонних организаций на альтернативные и созданию нового фундаментально отличного от традиционной системы порядка, построенного вокруг «семерки/восьмерки» (G8-centred system of its own) [Kirtion, 2010, p. 25–26].

Третья модель, «управление без многосторонних институтов», обоснованная Николасом Бейном, исходит из того, что «Группа семи/восьми» и многосторонние институты находятся в отношениях взаимного сосуществования и отстраненности, если их повестки дня различаются, и в отношениях напряженности в ситуациях общности повестки [Waune, 2000, p. 45].

Авторы четвертого подхода исходят из того, что институты «клубного типа» и многосторонние организации во всем их многообразии все же создаются для реализации общих целей создания общественного блага и должны действовать как союзники. В условиях возрастающих вызовов для реализации задач глобального управления рациональным выбором «клубных институтов» должен быть выбор в пользу модели управления в союзе с многосторонними организациями [Larionova, 2010, p. 45–46].

Документальная база исследования включает документы БРИКС, документы органов власти стран БРИКС, документы председательства России в БРИКС, пресс-релизы по итогам встреч, интервью и заявления официальных лиц, документы социальных партнеров. Основное внимание в рамках исследования уделяется периоду российского председательства, начиная с февраля 2015 г., учитывая, что впервые в явном виде в Концепции председательства была поставлена задача вывести качество внешних связей БРИКС на новый уровень.

Основные результаты

Общие тенденции

По общему количеству упоминаний международных организаций в документах, принятых в ходе российского председательства, БРИКС превысил все предшествующие показатели. На момент завершения председательства зафиксировано 184 обращения к международным организациям. Наибольшая доля упоминаний в связи с широким спектром вопросов приходится на ООН (35,3%, или 65 в абсолютных значениях). Это в целом характерно для БРИКС, за исключением 2009 г., когда определялись приоритеты борьбы с кризисом и формирования новой архитектуры экономического управления, с чем связана более высокая доля обращений в документах первого председательства России в БРИК к «Группе двадцати» (26,5%), Международному валютному фонду (МВФ) (26,5%) и Всемирному банку (18,4%), по сравнению с ООН (16,3%). В контексте взаимодействия с ООН в 2015–2016 гг. особенно следует отметить осуждение БРИКС

односторонних военных интервенций и экономических санкций в нарушение международного права и общепризнанных норм. Несомненное значение имеет также коллективно выраженная приверженность принципу неделимого характера безопасности, при котором ни одно государство не может укреплять собственную безопасность за счет безопасности других государств⁶.

Относительно высокая доля упоминаний Всемирной торговой организации (ВТО) (10,3%) также в целом типична для БРИКС. Растущее число двусторонних, региональных и многосторонних торговых соглашений является объективной реальностью. Однако, учитывая, что уже сейчас действуют 267 торговых соглашений и еще 38 находятся в стадии переговоров⁷, призыв БРИКС к соблюдению участниками торговых соглашений принципов транспарентности, открытости и совместимости с правилами ВТО становится все более актуальным. Не менее важна и приверженность самих стран БРИКС этим принципам, поскольку на них приходится в общей сложности 54 соглашения (Бразилия – 5, Китай – 13, Индия – 15, Российская Федерация – 17, Южная Африка – 4).

Особенностью председательства является довольно высокая доля упоминаний «Группы двадцати» (8,2%), которая последовательно снижалась с 2009 г. и составила исторический минимум в рамках председательства Бразилии 2014–2015 гг. (2,2%). БРИКС призвали к координации макроэкономической политики между всеми ведущими в экономическом отношении странами в интересах восстановления роста. Лидеры БРИКС также подчеркнули необходимость укрепления диалога в рамках «Группы двадцати» для снижения потенциальных рисков, связанных с «возможными побочными эффектами нетрадиционных монетарных политик развитых экономик, которые могут вызвать пагубные колебания валютных курсов и цен на активы, а также волатильность потоков капитала»⁸.

Рекордно низким стало обращение БРИКС к МВФ (2,2%) и Всемирному банку (1,6%). БРИКС в очередной раз призвали к завершению давно назревших реформ Бреттон-Вудских институтов, подтвердив готовность работать над промежуточными мерами, которые «смогли бы приблизить размер квотных ресурсов и распределение голосов к уровням, согласованным в рамках 14-го Общего пересмотра квот», а также обязательство сохранить устойчивость МВФ и его достаточную финансовую обеспеченность на основе квотных ресурсов⁹.

Упоминания Нового банка развития (НБР), напротив, составили исторический максимум в 9,8%, что неудивительно, поскольку Уфимский саммит знаменовал начало функционирования Нового банка развития и Пула условных валютных резервов БРИКС. Накануне Уфимского саммита состоялось первое заседание Совета управляющих НБР. Был подписан Меморандум о взаимопонимании по вопросам сотрудничества национальных банков/институтов развития с Новым банком развития. Лидеры подчеркнули, что они ожидают от НБР утверждения своих стартовых проектов в области инвестиций в начале 2016 г. Однако начало работы НБР не стоит оценивать как усиление в работе форума модели «параллельного управления», поскольку страны БРИКС, не определяя заранее формата взаимодействия, тем не менее выразили общее согласие

⁶ Уфимская декларация, VII саммит БРИКС (§ 8). 2015. 9 июля. Режим доступа: <http://brics2015.ru/load/382553> (дата обращения: 31.10.2015).

⁷ База данных нотифицированных соглашений ВТО. Режим доступа: <http://rtais.wto.org/UI/publicsummarytable.aspx> (дата обращения: 31.10.2015).

⁸ Уфимская декларация, VII саммит БРИКС (§ 11). 2015. 9 июля. Режим доступа: <http://brics2015.ru/load/382553> (дата обращения: 31.10.2015).

⁹ Там же, § 19.

относительно тесного сотрудничества НБР с существующими и новыми финансовыми механизмами, в том числе с Азиатским банком инфраструктурных инвестиций¹⁰.

Впервые в дискурсе БРИКС появилось упоминание Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). Лидеры подтвердили обязательство продолжить сотрудничество по Плану действий «Группы двадцати»/ОЭСР по противодействию размыванию налогооблагаемой базы и выводу прибыли из-под налогообложения (BEPS) и Общему стандарту отчетности для автоматического обмена налоговой информацией¹¹.

Заложена основа для диалога с Евразийским экономическим союзом и Шанхайской организацией сотрудничества (ШОС). На полях саммита лидеры БРИКС провели встречу с главами государств и правительств стран, входящих в ЕАЭС и ШОС, а также с руководителями государств – наблюдателей в ШОС.

Расширяя и углубляя повестку дня своего сотрудничества, БРИКС создали ряд новых механизмов и инициатив, в том числе: Платформу для развития сотрудничества в области электронной торговли в рамках БРИКС, Инициативу по укреплению сотрудничества в области прав интеллектуальной собственности (ПИС) между странами БРИКС, Рабочую группу БРИКС по антикоррупционному сотрудничеству, Рабочую группу по вопросам сотрудничества в области ИКТ, Рабочую группу в сфере занятости и другие механизмы. Впервые в истории БРИКС состоялись встречи министров окружающей среды (22 апреля 2015 г.), глав миграционных ведомств (8 октября 2015 г.), министров промышленности (20 октября 2015 г.), министров связи (22–23 октября 2015 г.), министров энергетики (19–20 ноября 2015 г.), министров по вопросам труда и занятости населения (в феврале 2016 г.), глав национальных ведомств по борьбе с чрезвычайными ситуациями стран БРИКС (2016 г.).

Таким образом, в 2015 г. отмечена тенденция к дальнейшему усилению взаимодействия БРИКС с институтами ООН, усиление поддержки «Группы двадцати» и ВТО. Первое в истории БРИКС упоминание ОЭСР позволяет предположить, что страны БРИКС готовы использовать экспертный потенциал этой организации. Что касается ШОС и ЕАЭС, учитывая, что в следующем году в БРИКС председательствует вступившая в 2015 г. в ШОС Индия, а затем Китай, можно ожидать продолжения взаимодействия БРИКС и ШОС. В то же время, учитывая отсутствие результатов «каталитического воздействия», продолжается снижение количества обращений к МВФ и Всемирному банку в сопряжении с возрастающим количеством упоминаний НБР. Согласие БРИКС относительно тесного сотрудничества НБР с существующими и новыми финансовыми механизмами позволяет опровергнуть опасения ряда экспертов и практиков относительно соперничества или конкуренции НБР с другими многосторонними банками развития.

В 2015 г. закрепляется выбор БРИКС в пользу двух моделей взаимодействия с другими международными организациями: «каталитического воздействия» (стимулирование или поддержка изменений и реформирования международных организаций) и «параллельного управления» (создание собственных механизмов). Новым институтам БРИКС еще предстоит обрести собственную идентичность, заполнить лакуны в управлении, обеспечить потребности членов БРИКС и потенциально других субъектов международных отношений, занять свое место в системе глобального управления. По мере становления новых институтов можно ожидать включения в практику взаимодействия

¹⁰ Уфимская декларация, VII саммит БРИКС (§ 15). 2015. 9 июля. Режим доступа: <http://brics2015.ru/load/382553> (дата обращения: 31.10.2015).

¹¹ Там же, § 26.

БРИКС с международными организациями по модели «управления в союзе с многосторонними организациями».

Ключевые направления координации

В данном разделе рассматривается взаимодействие БРИКС с международными организациями по различным направлениям политики. В ходе российского председательства БРИКС в рамках официального трека состоялись 22 министерские встречи. При этом в целом прошло 72 встречи, из них 6 – по финансовым вопросам, 18 – по торгово-экономическому блоку, 3 – по сельскохозяйственной проблематике, 21 – по политическим вопросам, 18 – по социальной политике, 4 – по энергетическому и природоохранному сотрудничеству, 2 – по вопросам культуры и молодежного сотрудничества. По данным открытых источников, представители международных организаций приняли участие как минимум в пяти встречах (по торгово-экономическому, сельскохозяйственному, политическому и социальному направлениям координации). На уровне лидеров и глав ведомств согласовано 37 документов. Доступные тексты документов, пресс-релизы и выступления официальных лиц позволяют выявить тенденции взаимодействия БРИКС с другими международными организациями, характерные для основных направлений сотрудничества.

Финансы

Несмотря на то, что четыре из шести состоявшихся заседаний БРИКС по финансовым вопросам проходили по традиции на полях весенней сессии руководящих органов МВФ и Всемирного банка в Вашингтоне с 14 по 16 апреля 2015 г.¹², встречи включали только представителей стран БРИКС. Дискуссии в рамках заседаний рабочей группы по формированию многостороннего Пула условных валютных резервов, экспертов центральных банков стран БРИКС по подготовке операционного соглашения по Пулу валютных резервов и заседания группы официальных переговорщиков по созданию Нового банка развития БРИКС были сфокусированы на разработке нормативной базы функционирования НБР и ПВР. На встрече министров финансов и управляющих центральными банками стран БРИКС была достигнута договоренность о ратификации в ближайшее время всеми странами БРИКС вслед за Россией Соглашения и определении состава руководства НРБ¹³. Также продолжилось обсуждение вопроса о дальнейших шагах по выполнению пакета реформ квот и голосов МВФ 2010 г.

¹² Заседание рабочей группы по формированию многостороннего Пула условных валютных резервов (14–15 апреля 2015 г.), Встреча экспертов центральных банков стран БРИКС по подготовке операционного соглашения по Пулу валютных резервов (14–15 апреля 2015 г.), Заседание группы официальных переговорщиков по созданию Нового банка развития БРИКС (15 апреля 2015 г.).

¹³ В 2015 г. все страны – члены БРИКС ратифицировали Соглашение о создании Нового банка развития БРИКС и Договор о создании Пула условных валютных резервов.

20 февраля 2015 г. закон о ратификации соглашения о создании Нового банка развития БРИКС был принят Государственной думой, 25 февраля – одобрен Советом Федерации, 9 марта президент Российской Федерации Владимир Путин подписал закон о ратификации соглашения. В апреле договор о создании Пула условных валютных резервов был ратифицирован Государственной думой и Советом Федерации, а 2 мая президент России подписал закон о ратификации договора.

Индия ратифицировала договор и соглашение в апреле 2015 г. Бразилия осуществила ратификацию в июне. Парламент ЮАР 26 июня 2015 г. ратифицировал оба документа, последней из стран БРИКС ратификацию осуществил Китай – 1 июля 2015 г.

Подготовка Операционного соглашения и его согласование завершились в июне 2015 г.¹⁴, а в июле 2015 г. после встречи министров финансов и управляющих центральными банками стран БРИКС главы центральных банков подписали Операционное соглашение об условиях взаимной поддержки государств «пятерки» в рамках Пула условных валютных резервов БРИКС. В Соглашении детализированы процедуры, которые выполняются центральными банками государств БРИКС в рамках Пула условных валютных резервов БРИКС, а также определены их права и обязательства. Договор о Пуле условных валютных резервов БРИКС вступил в силу 30 июля того же года. Пул начал свою работу 5 сентября 2015 г. Создание этого механизма направлено на поддержание финансовой стабильности в странах БРИКС через взаимное предоставление центральными банками стран БРИКС денежных средств в долларах США в случае возникновения проблем с долларовой ликвидностью¹⁵.

Ратификационные процедуры Международного соглашения о создании Нового банка развития БРИКС завершились к 1 июля 2015 г., первое заседание Совета управляющих НБР состоялось 7 июля. НБР начал работать 21 июля 2015 г.¹⁶ Президент Всемирного банка Джим Ён Ким накануне заявил о готовности института работать с НБР, в том числе по софинансированию инфраструктурных проектов¹⁷. Выступая на торжественной церемонии, министр финансов КНР Лоу Цзивэй подчеркнул необходимость взаимодействия с Азиатским банком инфраструктурных инвестиций, созданным по инициативе Китая: «На первоначальном этапе работы этим двум банкам следует обмениваться опытом, а после начала операционной деятельности – укреплять сотрудничество и совместно поощрять развитие инфраструктуры в Азии и во всем мире»¹⁸. По словам министра финансов России А. Силуанова, Новый банк развития и Азиатский банк инфраструктурных инвестиций могут стать концессионерами по финансированию инвестиционных проектов в рамках «Нового Шелкового пути»: «Банк БРИКС и АБИИ, возможно, станут концессионерами по созданию такого рода проекта»¹⁹.

Начало работы НБР – одно из важных достижений БРИКС в рамках российского председательства. Можно прогнозировать, что по мере становления НБР будет развиваться и укрепляться его сотрудничество с региональными банками развития и потенциально Всемирным банком, т.е., создав собственный институт, БРИКС в рамках

Первым президентом НБР (на 6 лет) стал представитель Индии Кундапур Ваман Каматх, вице-президентами – представитель Китая Чжу Сянь и представитель ЮАР Лесли Маасдорп. Первым председателем Совета управляющих был избран министр финансов Российской Федерации Антон Силуанов. В качестве неисполнительного директора НБР выступает представитель ЮАР Тито Мбовени.

¹⁴ Встреча экспертов центральных банков стран БРИКС по подготовке операционного соглашения по Пулу валютных резервов (13–14 июня 2015 г.).

¹⁵ Общий объем пула установлен в размере 100 млрд долл. Китай внесет в организацию 41 млрд долл., Бразилия, Индия и Россия – по 18 млрд долл., ЮАР – 5 млрд долл. Режим доступа: <http://brics2015.ru/news/20150707/280501.html> (дата обращения: 31.10.2015).

¹⁶ Согласно ст. 7 Соглашения о НБР, Банк будет иметь первоначальный разрешенный капитал 100 млрд долл., подписной капитал – 50 млрд долл., который в равной степени распределяется между учредителями. Оплаченный капитал банка составит 10 млрд долл., оплаченный по требованию – 40 млрд долл. [BRICS Governments, 2014].

¹⁷ World Bank Group Welcomes Launch of New Development Bank. 2015. July 20. Режим доступа: <http://www.worldbank.org/en/news/press-release/2015/07/20/statement-world-bank-group-president-new-development-bank> (дата обращения: 31.10.2015).

¹⁸ Новый банк развития начал работу в Шанхае. 2015. 21 июля. Режим доступа: <http://brics2015.ru/news/20150721/466170.html> (дата обращения: 31.10.2015).

¹⁹ Антон Силуанов о Новом банке развития. 2015. 7 июля. Режим доступа: <http://brics2015.ru/news/20150707/281746.html> (дата обращения: 31.10.2015).

данного направления может перейти от модели «параллельного управления» к модели «управления в союзе с многосторонними организациями» и модели «каталитического воздействия». Однако, учитывая относительно небольшой объем капитала НБР, в ближайшее время маловероятно использование модели «ядра, влияющего на систему».

Экономика и торговля

Принятие Стратегии экономического партнерства БРИКС по итогам саммита в Уфе можно считать успехом российского председательства, хотя ее подготовка и согласование не были простыми. Профильные ведомства стран БРИКС осуществляли координацию разработки Стратегии, обсуждению которой были посвящены два заседания группы высокого уровня по согласованию Стратегии экономического партнерства (16 апреля 2015 г. и 4–5 июня 2015 г.) и заседание контактной группы БРИКС по торгово-экономическим вопросам (6 июля 2015 г.). Кроме того, Стратегия стала предметом обсуждения министров экономики и внешней торговли стран БРИКС на их пятой встрече, состоявшейся в Москве 7 июля 2015 г. Во встрече приняли участие министр экономического развития России Алексей Улюкаев, первый заместитель министра развития, промышленности и внешней торговли Бразилии Иван Рамальо, заместитель министра торговли и промышленности Индии Джагдиш Саксена Дипак, заместитель министра коммерции Китая Ван Шоувэнь и министр торговли и промышленности ЮАР Роб Дэвис. И хотя представители международных организаций на встречу не были приглашены, состоялось обсуждение взаимодействия стран БРИКС на площадках международных организаций, включая ВТО и «Группу двадцати», потенциала сотрудничества между БРИКС и ЕАЭС²⁰. В итоге в Стратегии экономического партнерства БРИКС, определившей приоритетные сферы сотрудничества стран объединения, специальный (третий) раздел посвящен развитию взаимодействия между странами БРИКС в рамках различных международных и региональных платформ. В ходе встречи министры экономики и внешней торговли БРИКС подтвердили приверженность реформированию институтов, занимающихся глобальным экономическим регулированием, и готовность отстаивать интересы членов БРИКС, других развивающихся стран и стран формирующейся рыночной экономикой. В совместном заявлении участники встречи вновь подчеркнули центральную роль ВТО в многосторонней торговле, обязательство координировать усилия в процессе выработки пост-Балийской программы как платформы для завершения Дохийского раунда и необходимость соответствия торговых соглашений принципам и правилам ВТО. Министры отметили, что участие БРИКС в региональных интеграционных процессах, таких как ЕАЭС, ШОС, Диалоговый форум ИБСА (Индия, Бразилия, ЮАР), может способствовать усилению сотрудничества БРИКС [BRICS Trade Ministers, 2015].

На встрече министров торговли БРИКС, состоявшейся на полях 10-й Министерской конференции ВТО в Найроби 16 декабря 2015 г., основной темой обсуждения стало дальнейшее развитие ВТО, а также возможности выработки единой позиции стран БРИКС по ВТО. Министр экономического развития России Алексей Улюкаев отметил, что по многим вопросам у стран БРИКС «разный взгляд не только по ключевым вопросам переговоров, но и в более широком смысле относительно будущего много-

²⁰ Министры экономики и торговли стран БРИКС обсудили совместные инициативы. 2015. 7 июля. Режим доступа: <http://economy.gov.ru/minec/press/news/2015070707> (дата обращения: 31.10.2015).

сторонней торговой системы»²¹. Индия настаивает на сохранении Дохийского мандата, министр коммерции и промышленности Индии Нирмала Ситараман на встрече министров ВТО отстаивала позицию, согласно которой до завершения Дохийского раунда включение в переговоры новых вопросов нецелесообразно²². В выступлении на пленарном заседании Нирмала Ситараман выразила глубокое разочарование тем, что вопрос об ограничении субсидирования сельского хозяйства в развитых странах, который был частью повестки Дохийских переговоров, даже не был включен в повестку дня²³. Министр коммерции КНР выразил глубокое сомнение в возможности достижения договоренности по новым вопросам, если члены ВТО не в состоянии согласовать Дохийскую повестку²⁴. «С другой стороны, мандату уже 15 лет и он не отвечает современным условиям мировой экономики и торговли», — подчеркнул Алексей Улюкаев²⁵, поэтому БРИКС должны постараться консолидировать позиции. Таким образом, несмотря на согласие координировать позиции по вопросам повестки ВТО, для выработки общей платформы странам БРИКС предстоит значительная работа.

В соответствии с приоритетами председательства России в БРИКС продолжилось взаимодействие по вопросам конкурентной политики. На начало ноября 2015 г. состоялись две встречи глав конкурентных ведомств стран БРИКС. Первая — в рамках конференции Международной конкурентной сети в Сиднее (Австралия) 28 апреля 2015 г., вторая — в Москве 21–22 сентября 2015 г. Участники обсудили совместные приоритеты работы конкурентных ведомств в формате БРИКС, прежде всего в социально значимых секторах экономик стран объединения, включая фармацевтический сектор, автомобилестроение, рынки строительства жилья, нефти и нефтепродуктов, услуг международной связи с использованием роуминга и рынок услуг торговых сетей. Была одобрена концепция деятельности рабочей группы стран БРИКС по исследованию нарушений антимонопольного законодательства на социально значимых рынках стран БРИКС, разработанная по инициативе ФАС России в 2013 г. В рамках первой встречи была представлена российская инициатива разработки соглашения о сотрудничестве в области конкуренции между правительствами стран БРИКС. Также рассматривался вопрос объединения усилий стран БРИКС при проведении антимонопольных расследований. Участники договорились о создании рабочих групп по социально значимым рынкам, в первую очередь фармацевтическим и продовольственным, с целью проведения эффективной конкурентной политики. На полях IV Международной конференции по конкуренции в Дурбане в ноябре 2015 г. главы конкурентных ведомств БРИКС согласились заключить Меморандум о взаимопонимании в сфере конкурентной политики стран БРИКС. Сотрудничество по вопросам конкурентной политики в значительной степе-

²¹ Алексей Улюкаев: Мы попытаемся консолидировать позиции стран БРИКС в ВТО. 2015. 16 декабря. Режим доступа: <http://economy.gov.ru/minec/press/news/2015161205> (дата обращения: 13.02.2016).

²² WTO Talks Conclude, India Feels Short Changed. 2015. December 19. Режим доступа: <http://www.livemint.com/Politics/Z37Cn5f7ztlI0bdOLm3SqK/WTO-talks-conclude-India-feels-short-changed.html> (дата обращения: 13.02.2016).

²³ Address by Ms. Nirmala Sitharaman, Minister of State (Independent Charge) for Commerce and Industry of India at the Plenary Session of the 10th Ministerial Conference of the WTO. 2015. December 16. Режим доступа: https://www.wto.org/english/thewto_e/minist_e/mc10_e/statements_e/ind_e.pdf (дата обращения: 13.02.2016).

²⁴ Plenary Session General Statement, China. 2015. December 16. Режим доступа: https://www.wto.org/english/thewto_e/minist_e/mc10_e/mc10_planarysessions_e.htm#CHN (дата обращения: 13.02.2016).

²⁵ Алексей Улюкаев: Мы попытаемся консолидировать позиции стран БРИКС в ВТО. 2015. 16 декабря. Режим доступа: <http://economy.gov.ru/minec/press/news/2015161205> (дата обращения: 13.02.2016).

ни ориентировано на формирование собственной повестки и внутренних механизмов взаимодействия БРИКС.

Впервые в рамках российского председательства состоялись консультации экспертов в сфере промышленности стран – членов БРИКС (Москва 26–27 августа 2015 г.). Участники консультаций обсудили вопросы выработки механизмов сотрудничества в сфере промышленности между странами БРИКС, состоялось обсуждение документов к первой встрече министров промышленности стран БРИКС 20 октября 2015 г. в Москве, в том числе проекта совместной министерской декларации и проекта меморандума по горнодобывающей промышленности. Уже на экспертной встрече был одобрен ряд мер по расширению взаимодействия БРИКС с другими международными структурами, прежде всего Организацией Объединенных Наций по промышленному развитию (ЮНИДО)²⁶.

В первой встрече министров промышленности стран БРИКС (Москва, 20 октября 2015 г.), помимо министров промышленности стран форума, приняли участие министры промышленности стран – членов ЕАЭС (Армении, Белоруссии, Казахстана, Кыргызстана) и высокопоставленные представители ЮНИДО. Участники встречи обсудили вопросы промышленного сотрудничества, механизмы реализации ключевых совместных проектов, направленных на обеспечение экономического роста, а также определили план действий на ближайшую перспективу. В качестве одной из целей было заявлено содействие взаимовыгодному инвестиционному сотрудничеству для создания благоприятного инвестиционного климата; стимулирование, привлечение и защита взаимных инвестиций в рамках совместных проектов в широком круге отраслей промышленности. Особенно важно, что в Декларации министры подчеркнули приверженность достижению целей Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 г., прежде всего «Цели устойчивого развития № 9: Создание стойкой инфраструктуры, содействие всеохватной и устойчивой индустриализации и инновациям», а также расширению всестороннего сотрудничества с Организацией Объединенных Наций по промышленному развитию²⁷. Сотрудничество с ЕАЭС и отдельными странами – членами ЕАЭС в итоговом документе не упоминается. Таким образом, в дальнейшем можно ожидать усиления диалога с региональными партнерами и профильной организацией ООН.

Ключевой темой встречи глав налоговых администраций стран БРИКС стало сотрудничество по вопросу борьбы с размыванием налоговой базы и выводом прибыли из-под налогообложения, а также укрепления налоговой дисциплины. Участники подтвердили свою приверженность действиям, предпринимаемым «Группой двадцати» для достижения справедливой и современной международной налоговой системы, поддержали пакет мероприятий по Плану действий по размыванию налоговой базы и выводу прибыли из-под налогообложения (План действий BEPS), принятый министрами финансов «двадцатки» в г. Лиме, Перу, 8 октября 2015 г. Главы налоговых администраций заявили о намерении тесно сотрудничать на двусторонней и многосторонней основе для внедрения Общего стандарта отчетности для автоматического обмена информацией, а также подтвердили свое обязательство начать автоматический обмен информацией между странами БРИКС и с другими юрисдикциями к 2017 или 2018 г.

²⁶ 26 и 27 августа в Москве состоялись первые консультации экспертов промышленности стран БРИКС. 2015. 28 августа. Режим доступа: <http://brics2015.ru/news/20150828/501218.html> (дата обращения: 31.10.2015).

²⁷ Декларация министров промышленности стран БРИКС «Промышленное сотрудничество стран БРИКС: новые возможности для роста». 2015. 20 октября. Режим доступа: <http://brics2015.ru/load/582358> (дата обращения: 31.10.2015).

в зависимости от выполнения необходимых правовых требований²⁸. Несмотря на то, что упоминания ОЭСР в тексте документа отсутствуют, реализация плана действий ОЭСР/«Группы двадцати» по размыванию налоговой базы и выводу прибыли из-под налогообложения, разработанного ОЭСР и реализуемого при помощи ОЭСР, подразумевает сотрудничество стран – членов БРИКС с ОЭСР. Все страны «двадцатки», включая БРИКС, являются партнерами в проекте BEPS, принимая участие на равных условиях с членами ОЭСР, что подразумевает участие в работе Комитета по финансовым вопросам ОЭСР в части, касающейся BEPS. Бразилия, Китай Индия и Южная Африка были приглашены к участию в Бюро Комитета для управления проектом [ОЕСД, 2014]. В связи с приостановлением процесса присоединения России к ОЭСР, несмотря на то, что Россия приняла Декларацию «Международные налоговые правила для 21 века», Россия не является членом Бюро. Тем не менее очевидно, что взаимодействие БРИКС с ОЭСР по данному направлению будет укрепляться.

В пятой встрече министров сельского хозяйства и сельскохозяйственного развития стран БРИКС, состоявшейся в Москве 9 октября 2015 г., помимо министров сельского хозяйства и сельскохозяйственного развития стран БРИКС, приняли участие представители Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО). По итогам встречи министры подтвердили готовность к дальнейшему развитию торговли сельскохозяйственной продукцией и увеличению инвестиций, сотрудничеству в сфере сельскохозяйственных исследований, технологий и инноваций, а также защиты права на достаточное питание, особенно наиболее уязвимых групп населения, посредством укрепления семейных ферм. Был отмечен прогресс, достигнутый в создании Системы обмена базовой сельскохозяйственной информацией стран БРИКС (СОБСИ), запущенной после второй министерской встречи, начало работы которой ожидается в 2016 г. Значительное внимание в итоговом документе уделяется сотрудничеству БРИКС с ключевыми международными организациями и взаимодействию на основных многосторонних площадках, например, учрежденному в 2014 г. механизму проведения консульгаций между постоянными представителями стран БРИКС на площадке ФАО. Министры подтвердили обязательство работать в направлении достижения Цели устойчивого развития 2, предусматривающей ликвидацию голода, обеспечение продовольственной безопасности и улучшение питания, содействие устойчивому развитию сельского хозяйства.

В Декларации отмечается роль ВТО и многосторонней системы торговли в контексте задачи обеспечения глобальной продовольственной безопасности. По направлению сотрудничества и координации в вопросах разработки и обеспечения выполнения санитарных и фитосанитарных (СФС) мер, стандартов, технических регламентов и процедур оценки соответствия БРИКС подчеркнули намерение работать вместе с соответствующими международными организациями. Учитывая негативное воздействие изменений климата на продовольственную безопасность, участники встречи выразили поддержку усилиям Рамочной конвенции ООН по изменению климата (РКИК) и Зеленого климатического фонда (ЗКФ) по оказанию помощи развивающимся странам.

Таким образом, по развитию сельского хозяйства, как и в целом по направлению экономики и торговли, в рамках российского председательства в БРИКС продолжилась тенденция к созданию и укреплению собственных механизмов координации, в том числе на площадках международных многосторонних организаций. Одновременно с этим, за исключением вопросов конкурентной политики, прослеживается усиление

²⁸ Коммюнике глав налоговых администраций стран БРИКС. 2015. 19 ноября. Режим доступа: <http://brics2015.ru/load/795763> (дата обращения: 13.02.2016).

взаимодействия с профильными организациями ООН, а также «Группой двадцати» и ВТО. Причем с профильными организациями ООН и ВТО взаимодействие развивается по модели «каталитического воздействия» (стимулирование или поддержка изменений и реформирования международных организаций), в то время как с «Группой двадцати» отмечается нереализованное намерение к взаимодействию по модели «управление в союзе с многосторонними институтами». Можно прогнозировать укрепление взаимодействия БРИКС с ОЭСР по реализации Плана действий по размыванию налоговой базы и выводу прибыли из-под налогообложения.

Вопросы политики и безопасности

Вопросы политики и безопасности обсуждались в рамках председательства как минимум на 21 встрече БРИКС различного уровня: от экспертного уровня до встреч министров иностранных дел. Значительная часть согласованных решений нашла отражение в Декларации лидеров, принятой на саммите в Уфе. Многие из политических форматов не предполагают принятия собственных документов, например, встречи шерп и су-шерп, диалог по вопросам внешней политики. Это осложняет анализ характера взаимодействия с международными организациями, ограничивая его косвенными источниками (пресс-релизы, выступления и интервью ключевых участников процесса).

Повестка сотрудничества по проблемам политики и безопасности в рамках российского председательства была довольно широкой: от борьбы с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров в странах БРИКС до предотвращения гонки вооружений в космическом пространстве. Решение практически всех проблем БРИКС считает эффективным во взаимодействии с профильными организациями, прежде всего ООН. Так, участники третьей министерской встречи БРИКС по борьбе с наркоугрозой, состоявшейся 22 апреля 2015 г., договорились о создании Антинаркотической рабочей группы БРИКС. Одновременно они подчеркнули необходимость выработки консолидированной позиции на специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН по наркотикам в 2016 г. в поддержку мер по ликвидации наркопроизводства, альтернативного развития наркопроизводящих государств и укрепления традиционного режима контроля, основанного на положениях конвенций ООН²⁹.

В рамках консультаций по вопросам безопасности космической деятельности (20 мая 2015 г.) участники межведомственных делегаций стран – членов БРИКС обсудили практические меры по предотвращению гонки вооружений в космическом пространстве. Обсуждалось, в том числе, продвижение российско-китайского проекта международного договора о предотвращении размещения оружия в космическом пространстве, а также необходимость усиления взаимодействия в рамках Комитета ООН по использованию космического пространства в мирных целях³⁰.

В итоговом Коммюнике консультативного совещания заместителей глав внешнеполитических ведомств государств БРИКС по ситуации на Ближнем Востоке и в Северной Африке (БВСА)³¹, состоявшегося в Москве 22 мая 2015 г., была подчеркнута

²⁹ Страны БРИКС намерены активизировать сотрудничество в борьбе с наркоугрозой. 2015. 22 апреля. Режим доступа: <http://brics2015.ru/news/20150422/63700.html> (дата обращения: 31.10.2015).

³⁰ О консультациях БРИКС по безопасности космической деятельности. 2015. 21 мая. Режим доступа: http://archive.mid.ru//brp_4.nsf/newsline/586C3224AC75A5B143257E4C00580076 (дата обращения: 31.10.2015).

³¹ Совместное коммюнике по итогам встречи заместителей министров иностранных дел государств БРИКС по ситуации на Ближнем Востоке и в Северной Африке. 2015. 22 мая. Режим досту-

роль Совета Безопасности ООН как органа, несущего главную ответственность за поддержание международного мира и безопасности. Участники совещания высказались в поддержку российской инициативы о проведении на площадке Совета Безопасности (СБ) ООН комплексного анализа причин, приведших к всплеску террористической активности на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Позитивная оценка была дана усилиям спецпосланника Генсекретаря ООН С. де Мистуры в САР по возобновлению Женевского процесса; спецпредставителя Генерального секретаря ООН по Ливии Б. Леона по налаживанию внутривосточного диалога. Участники поддержали призыв СБ ООН к Генеральному секретарю о созыве конференции всех сторон конфликта в Йемене с целью выработки консенсусного политического решения йеменского кризиса. Было принято решение проводить консультации на уровне заместителей министров иностранных дел государств – членов БРИКС один раз в год на площадке страны, председательствующей в БРИКС, а также регулярные консультации по проблематике БВСА на различных площадках, в том числе ООН³².

Актуальные угрозы и вызовы безопасности, а также вопрос о реформировании ООН обсуждались на встрече высоких представителей стран БРИКС, курирующих вопросы безопасности, которая состоялась в Москве 26 мая 2015 г. В ходе дискуссии было подчеркнуто, что одной из целей создания Нового банка развития БРИКС является укрепление безопасности. Состоялась встреча высоких представителей с президентом России Владимиром Путиным³³.

Важность координации позиций по проблематике обеспечения международной информационной безопасности в ООН была отмечена по итогам заседания рабочей группы экспертов стран БРИКС по вопросам безопасности в сфере использования информационно-коммуникационных технологий (Москва, 16–18 июня 2015 г.). Российская сторона представила проект Конвенции ООН о сотрудничестве в сфере противодействия информационной преступности. Делегаты подтвердили позицию относительно актуальности проблематики борьбы с информационной преступностью и важности совместных усилий в этой области. Обсудив текущую ситуацию в рамках Группы правительственных экспертов ООН по достижениям в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности, перспективы дальнейшей деятельности этой группы, делегации подчеркнули ключевую роль ООН в вопросах безопасности в сфере использования ИКТ, прежде всего в сфере выработки универсальных правил, норм, принципов поведения государств в информационном пространстве³⁴.

Страны БРИКС выступают с координированными позициями и по другим вопросам безопасности. Примером такой координации является Совместное заявление стран БРИКС по Конвенции о запрещении биологического и токсинного оружия на

па: http://archive.mid.ru/brp_4.nsf/newsline/324287B539F108B743257E4E002B26D7 (дата обращения: 31.10.2015).

³² Российский шерпа: БРИКС продолжает работу над самыми серьезными вызовами международной безопасности. 2015. 22 мая. Режим доступа: <http://brics2015.ru/news/20150522/106843.html> (дата обращения: 31.10.2015).

³³ В Москве прошла встреча высоких представителей стран БРИКС, курирующих вопросы безопасности. 2015. 26 мая. Режим доступа: <http://brics2015.ru/news/20150526/117916.html> (дата обращения: 31.10.2015).

³⁴ Об итогах заседания Рабочей группы экспертов государств – участников БРИКС по вопросам безопасности в сфере использования информационно-коммуникационных технологий. 2015. 19 июня. Режим доступа: http://archive.mid.ru/brp_4.nsf/newsline/3BB3B5C134007E0D43257E69004A6A25 (дата обращения: 31.10.2015).

комитете Генеральной Ассамблеи ООН 22 октября 2015 г. Страны БРИКС, с одной стороны, выступили за принятие универсального, юридически обязывающего неди-скриминационного Протокола, касающегося всех статей Конвенции, включая вери-фикацию, в сбалансированной и всеобъемлющей форме. С другой стороны, призвали к снятию всех ограничений на осуществление мирной биологической деятельности, препятствующих экономическому и техническому развитию государств — участников Конвенции, в том числе обмену оборудованием, материалами, научной и технической информацией об использовании бактериологических (биологических) средств и ток-синов в мирных целях³⁵.

Традиционная встреча министров иностранных дел стран БРИКС на полях сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке 29 сентября 2015 г. включала широкий круг вопросов: от состояния глобальной экономики и финансов до урегулирования регио-нальных конфликтов. Министры вновь подчеркнули необходимость всеобъемлющей реформы ООН, в частности ее Совета Безопасности, в целях обеспечения его большей представительности и эффективности, призвали к объединению усилий в противодей-ствии терроризму и урегулированию конфликтов на прочной международно-правовой основе под эгидой ООН. Участники встречи призвали к разблокированию реформы МВФ как меры по реформированию системы глобального экономического управле-ния в соответствии с интересами и потребностями развивающихся стран. Министры также высказались в поддержку успешного завершения Конференции по вопросам изменения климата. Они призвали к заключению полноценного, сбалансированного и равноправного соглашения, имеющего юридическую силу, на период после 2020 г., которое будет соответствовать принципам и положениям Рамочной конвенции Орга-низации Объединенных Наций об изменении климата и станет результатом открытого, прозрачного и инклюзивного переговорного процесса³⁶.

На неформальной встрече лидеров стран БРИКС на полях саммита «Группы двад-цати» в Анталье значительное внимание было уделено вопросам борьбы с терроризмом. Проблема стояла особенно остро в связи с террористическими нападениями в Париже накануне саммита и крушением российского самолета над Синайским полуостровом. Одновременно состоялась традиционная координация позиций по широкому кругу об-щих задач, прежде всего обеспечению устойчивого восстановления мировой экономи-ки. Было отмечено, что политизация экономических отношений продолжает наносить ущерб экономическому росту. Лидеры договорились о необходимости формирования «инклюзивной, основанной на правилах и открытой мировой экономики»³⁷, усилении сотрудничества в рамках «Группы двадцати» для предотвращения краткосрочных фи-нансовых рисков и создания условий для экономического восстановления³⁸.

³⁵ Совместное заявление стран БРИКС по Конвенции о запрещении биологического и ток-синного оружия (Первый комитет Генеральной Ассамблеи ООН. Кластер 2: «Другие виды оружия массового уничтожения»). 2015. 22 октября. Режим доступа: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/1904106 (дата обращения: 31.10.2015).

³⁶ Встреча министров иностранных дел государств БРИКС на полях сессии Генеральной Ассамблеи ООН. 2015. 30 сентября. С. 2. Режим доступа: <http://brics2015.ru/news/20150930/541637.html> (дата обращения: 31.10.2015).

³⁷ Совместное сообщение для СМИ по итогам неформальной встречи лидеров стран БРИКС на полях саммита «Группы двадцати» в Анталье. 2015. 15 ноября. Режим доступа: <http://brics2015.ru/load/674659> (дата обращения: 13.02.2016).

³⁸ Expand Opportunities and Meet Challenges Together. Remarks by H.E. Xi Jinping, President of the People's Republic of China at the Informal BRICS Leaders Meeting. 2015. November 15. P. 2. Режим досту-па: http://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/t1315059.shtml (дата обращения: 13.02.2016).

Первая встреча прокуроров стран БРИКС, состоявшаяся в Сочи 10 ноября 2015 г., положила начало сотрудничеству прокуратур в борьбе с организованной преступностью, в первую очередь с терроризмом и его финансированием, незаконным оборотом наркотиков, коррупцией, использованием информационно-телекоммуникационных технологий в преступных целях и нелегальной миграцией. Ожидается, что встречи руководителей прокуратур стран БРИКС будут проходить не реже одного раза в два года для обсуждения ключевых вопросов сотрудничества.

В рамках председательства России повестка дня БРИКС по вопросам политики и региональной безопасности расширилась и углубилась, включив такие вопросы, как безопасность ИКТ, борьба с коррупцией, незаконным оборотом наркотиков, терроризмом и урегулирование региональных конфликтов, прежде всего в странах БВСА. При этом, одновременно с созданием и развитием новых внутренних механизмов координации, страны БРИКС продолжили последовательно укреплять взаимодействие с ООН, действуя в духе модели «каталитического воздействия».

Вопросы социальной политики

Для всех стран БРИКС вопросы социальной политики, обеспечения равенства возможностей граждан, в том числе в доступе к качественному образованию, здравоохранению и занятости, являются приоритетными. Однако уровень приоритетности и глубины проработки данных вопросов в повестке дня объединения существенно различается.

Министры здравоохранения встречаются регулярно с 2011 г., как и представители стран БРИКС во Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ). Пятая встреча министров здравоохранения стран – членов БРИКС состоялась на полях Всемирной ассамблеи здравоохранения в Женеве (Швейцария) 26 мая 2015 г. 30 октября состоялась еще одна встреча, по итогам которой была принята декларация³⁹. Помимо новых задач, страны БРИКС заявили о поддержке Целей устойчивого развития, усилий международного сообщества по борьбе с инфекционными и неинфекционными заболеваниями, поддержке деятельности ООН и других международных структур, направленной на управление рисками пандемических заболеваний⁴⁰.

На первой встрече старших должностных лиц, курирующих вопросы содействия международному развитию (СМР) в странах БРИКС, состоявшейся в Москве 7 декабря 2015 г., участники обсудили системы, институты, приоритеты, наилучшие практики в сфере содействия международному развитию, потенциал сотрудничества БРИКС в СМР. Итоговый документ принят не был, но, по мнению участников, общим приоритетом усилий стран БРИКС должна стать поддержка реализации Целей устойчивого развития (ЦУР) 2030, принятых на Генеральной Ассамблее ООН в сентябре 2015 г.

Первая в истории БРИКС встреча министров труда состоялась 25–26 января 2016 г. в Уфе. Она прошла с участием социальных партнеров – работодателей и профсоюзов. Встреча готовилась при активной поддержке Международной организации работодателей (МОР) и Международной организации труда (МОТ)⁴¹, Всемирного банка и

³⁹ В рамках Ассамблеи ВОЗ состоялась традиционная встреча министров здравоохранения в формате БРИКС. 2015. 25 мая. Режим доступа: <http://brics2015.ru/news/20150525/111101.html> (дата обращения: 31.10.2015).

⁴⁰ В Москве прошла встреча министров здравоохранения БРИКС. 2015. 3 ноября. Режим доступа: <http://brics2015.ru/news/20151103/644134.html> (дата обращения: 05.11.2015).

⁴¹ Министры труда и занятости стран БРИКС обсудили в Женеве программу взаимодействия. 2015. 11 июня. Режим доступа: <http://brics2015.ru/news/20150611/166720.html> (дата обращения: 31.10.2015).

Международной ассоциации социального обеспечения. По итогам встречи министры определили приоритетные меры для повышения качества и инклюзивности занятости, согласовали подход, направленный на снижение неформальности рынков труда и договорились создать Рабочую группу в сфере занятости. Рабочая группа должна будет сосредоточиться на подготовке Стратегии формализации рынков труда. В итоговой декларации зафиксировано решение о проведении встреч министров труда и занятости стран – участниц БРИКС на регулярной основе. Министры выразили благодарность за опыт, представленный МОТ, МАСО, ВБ и другими международными организациями. Впервые страны БРИКС заявили о намерении продолжать и укреплять сотрудничество с международными организациями «для решения конкретных вопросов, представляющих общий интерес, и оказания поддержки в разработке согласованной стратегии БРИКС в целях содействия достойному труду»⁴². Таким образом, по данному направлению можно прогнозировать развитие взаимодействия БРИКС с международными организациями по модели «управление в союзе с международными организациями».

Министры образования провели свою первую встречу в 2014 г. На второй встрече в марте 2015 г. министры приняли решение о создании нескольких внутренних механизмов, а также Сетевого университета БРИКС и Лиги (ассоциации) университетов БРИКС. Министры также подтвердили приверженность обеспечению инклюзивного и равноправного качественного образования для всех в соответствии с Целями устойчивого развития после 2015 г. На третьей встрече, состоявшейся 18 ноября 2015 г., министры образования поддержали план действий ЮНЕСКО в области образования и выразили намерение расширять сотрудничество с ЮНЕСКО. Кроме того, министры договорились содействовать гармонизации статистики в сфере образования стран БРИКС с учетом международных статистических норм, включая международную стандартную классификацию образования – 2011. Знаменательным событием стало подписание Меморандума о взаимопонимании о создании сетевого университета БРИКС. В целом решения третьей встречи министров, так же как и решения министров труда и занятости, наметили тенденцию взаимодействия БРИКС с международными организациями по модели «управление в союзе с международными организациями».

В контексте подготовки второй встречи министров науки, технологии и инноваций БРИКС 4 августа 2015 г. состоялось заседание Совета по научно-техническому и инновационному сотрудничеству в рамках БРИКС. Обсуждение в рамках заседания было посвящено деятельности пяти экспертных групп Совета: по реализации многосторонней исследовательской инициативы БРИКС и координации совместных конкурсов научно-исследовательских проектов; по глобальной инфраструктуре; по инновационному сотрудничеству; по выработке приоритетов научно-технологического сотрудничества; по работе в рамках совместной научно-исследовательской и инновационной платформы. В качестве перспективных направлений деятельности выделены: проведение форума молодых ученых БРИКС, сотрудничество в области биотехнологий и здоровья человека, формирование платформы для научно-исследовательской и инновационной деятельности, создание технологического прогнозирования БРИКС для климатических систем, совместные исследования в области продовольственной безопасности, устойчивого развития сельского хозяйства, энергетики, медицины, преду-

⁴² Декларация министров труда и занятости стран БРИКС «Квалифицированные рабочие места и инклюзивная политика в сфере занятости» (§ 4). 2015. 26 января. Режим доступа: <http://brics2015.ru/load/869994> (дата обращения: 13.02.2016).

преждения чрезвычайных ситуаций⁴³. В преддверии встречи министров по вопросам науки, технологий и инноваций 28 октября 2015 г., по итогам которой была принята Московская декларация, состоялась встреча старших должностных лиц БРИКС по вопросам науки, технологий и инноваций. На встрече министров была подтверждена готовность к реализации Стратегии экономического партнерства стран БРИКС с использованием науки, технологий и инноваций (НТИ), договоренность об обязательствах по разработке и реализации Рамочной программы БРИКС по финансированию многосторонних научных исследований посредством конкурсного финансирования. Министры также утвердили Рабочий план по науке, технологиям и инновациям стран БРИКС на 2015–2018 гг.⁴⁴

Первая в истории БРИКС встреча руководителей миграционных ведомств состоялась в Сочи 8 октября 2015 г. На встрече обсуждались вопросы регулирования миграционных процессов, все в большей степени влияющих на геополитическую ситуацию в мире. К участию были приглашены представители стран СНГ (Армении, Азербайджана, Белоруссии, Казахстана, Кыргызстана, Молдовы, Таджикистана, Туркменистана, Украины, Узбекистана), стран – наблюдателей ШОС (Афганистана, Ирана, Монголии, Пакистана, Турции, Шри-Ланки) и международных организаций (ЕАЭС, Международной организации по миграции (МОМ), Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), ООН, Агентства ООН по делам беженцев (УВКБ), Управления ООН по наркотикам и преступности (УНП ООН))⁴⁵. В совместном заявлении, принятом по итогам встречи, была подчеркнута открытость БРИКС широкому сотрудничеству с другими странами, международными и региональными организациями на основе принципа равноправия и взаимного уважения для обсуждения и решения вопросов международной миграции, в том числе содействия безопасной и регулируемой миграции⁴⁶.

Таким образом, взаимодействие БРИКС с международными организациями по вопросам социальной политики существенно различается в зависимости от сферы и этапа становления сотрудничества. В сфере здравоохранения сложилась система внутренних механизмов координации (параллельное управление), одновременно БРИКС поддерживает деятельность и реформирование профильных организаций, прежде всего ВОЗ (каталитическое воздействие) [Ларионова и др., 2014]. В рамках российского председательства наблюдается закрепление сложившейся модели. Подготовка первой встречи министров труда и занятости позволяет предположить, что аналогичная модель будет характерна для БРИКС во взаимодействии с МОТ. В сотрудничестве БРИКС в сфере образования, а также науки, технологий и инноваций пока основное внимание уделяется формированию собственных механизмов взаимодействия. Формат и дискурс первой встречи руководителей миграционных ведомств стран БРИКС заложили основу для развития сотрудничества БРИКС как с региональными, так и с международными партнерами.

⁴³ В Минобрнауки России состоялось заседание Совета по научно-техническому и инновационному сотрудничеству в рамках БРИКС. 2015. 7 августа. Режим доступа: минобрнауки.рф/новости/6073 (дата обращения: 31.10.2015).

⁴⁴ Московская декларация, III встреча министров науки, технологий и инноваций стран БРИКС. 2015. 28 октября. Режим доступа: <http://brics2015.ru/load/630487> (дата обращения: 31.10.2015).

⁴⁵ В Сочи прошла первая встреча руководителей миграционных ведомств стран БРИКС. 2015. 8 октября. Режим доступа: <http://brics2015.ru/news/20151008/553769.html> (дата обращения: 31.10.2015).

⁴⁶ Совместное заявление руководителей миграционных ведомств стран БРИКС. 2015. 8 октября. Режим доступа: <http://brics2015.ru/load/581179> (дата обращения: 31.10.2015).

Энергетика и окружающая среда

В рамках российского председательства в БРИКС, в соответствии с заявленным приоритетом, 22 апреля 2015 г. впервые состоялась встреча министров окружающей среды стран – участниц объединения. Особая актуальность нового направления сотрудничества определяется растущей важностью проблем экологии во всех странах БРИКС и значением экологической ориентированности технологий для инвестиционной привлекательности экономик в целом⁴⁷. Встреча министров окружающей среды стала в определенной степени «перевыполнением» Форталезского плана действий⁴⁸, в котором была отмечена необходимость проведения «консультативных совещаний старших должностных лиц стран БРИКС «на полях» соответствующих международных форумов по вопросам устойчивого развития, окружающей среды и изменения климата (по мере необходимости)». Участники обсудили задачи развития «зеленой» экономики в интересах обеспечения устойчивости и конкурентоспособности стран БРИКС⁴⁹.

В принятом по итогам встречи заявлении министры выразили намерение консолидировать усилия при разработке политики и мер, способствующих смягчению последствий изменения климата и адаптации национальных экономик к неблагоприятным факторам воздействия на окружающую среду. Также был принят ряд институциональных решений: создать рабочую группу по вопросам охраны окружающей среды; изучить возможность создания совместной платформы стран БРИКС для обмена наилучшими доступными практиками и продвижения экологически чистых технологий и ноу-хау; изучить потенциал Нового банка развития БРИКС в отношении финансирования природоохранных проектов. Была достигнута договоренность о проведении регулярных встреч министров окружающей среды стран БРИКС. Участники встречи подтвердили готовность работать над реализацией Целей устойчивого развития⁵⁰.

Первая встреча высокого уровня по вопросам энергоэффективности представителей стран БРИКС состоялась в Мериде (Мексика) 26 мая 2015 г. В ходе встречи было представлено предложение российской стороны по созданию постоянно действующей рабочей группы на уровне заместителей министров энергетики стран БРИКС, которое поддержали другие участники. Ожидается, что создание рабочей группы позволит странам БРИКС координировать свою деятельность в условиях обостряющейся недобросовестной конкуренции на международных энергетических рынках и искусственного ограничения свободного движения капитала и оборота энергоэффективных технологий⁵¹.

В ноябре 2015 г. на первой встрече министров энергетики стран БРИКС были согласованы направления сотрудничества в целях содействия доступа к энергоэффективным технологиям. Участники приняли решение о создании реестра существующих

⁴⁷ Сергей Донской: внедрение «зеленых» технологий – гарант устойчивого и долгосрочного роста экономики. 2015. 22 апреля. Режим доступа: <http://brics2015.ru/news/20150422/63169.html> (дата обращения: 31.10.2015).

⁴⁸ Форталезский план действий. 2014. 15 июля. Режим доступа: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/41d4f1dd6741763252a8.pdf> (дата обращения: 31.10.2015).

⁴⁹ В рамках БРИКС будет создана рабочая группа по вопросам охраны окружающей среды. 2015. 22 апреля. Режим доступа: <http://brics2015.ru/news/20150422/62231.html> (дата обращения: 31.10.2015).

⁵⁰ Заявление первой официальной встречи министров окружающей среды стран БРИКС. 2015. 22 апреля. Режим доступа: <https://www.mnr.gov.ru/regulatory/detail.php?ID=141017> (дата обращения: 31.10.2015).

⁵¹ Россия инициировала создание постоянно действующей рабочей группы на уровне заместителей министров энергетики стран БРИКС. 2015. 27 мая. Режим доступа: <http://brics2015.ru/news/20150527/122003.html> (дата обращения: 31.10.2015).

технологий в странах БРИКС, договорились о создании рабочей группы по энергосбережению и энергоэффективности. Рабочая группа должна будет подготовить предложения о целесообразности разработки комплексной программы сотрудничества в области энергосбережения и повышения энергоэффективности экономик стран-участниц с указанием конкретных совместных проектов⁵². Однако в меморандуме не нашло отражения понимание необходимости согласования формата взаимодействия, направленного на поддержание интересов потребителей, производителей и стран транзита энергетических ресурсов, создания условий для устойчивого и прогнозируемого развития энергетического рынка, отмеченное в Декларации лидеров⁵³.

В рамках российского председательства начался процесс институционализации сотрудничества БРИКС в области окружающей среды и энергетики. Идет обсуждение и становление внутренних механизмов взаимодействия, т.е. на данном этапе реализуется модель «параллельного управления».

Заключение

Анализ взаимодействия БРИКС с существующими международными организациями в ходе российского председательства подтверждает гипотезу о том, что выбор участниками объединения модели взаимодействия с международными организациями отражает их место и роль в архитектуре глобального управления, сформулированную их «отцами-основателями» при создании и закреплённую в ходе дальнейшей эволюции.

Заявив о своей приверженности формированию многополярного, справедливого и демократического миропорядка, основанного на международном праве, равенстве, взаимном уважении, сотрудничестве, скоординированных действиях всех государств и коллективном принятии ими решений⁵⁴, БРИКС системно делают выбор в пользу взаимодействия с ООН и институтами ООН, одновременно стремясь стимулировать их реформирование. Такое «каталитическое воздействие» нацелено на повышение эффективности как самой деятельности ООН, так и взаимодействия БРИКС с этой организацией. Данная тенденция закрепились в рамках российского председательства.

Вторая «опора» миссии БРИКС – преодоление финансового и экономического кризиса; обеспечение устойчивого, сбалансированного и сильного роста; содействие развитию. Реализация этой задачи определила признание БРИКС «Группы двадцати» в качестве главного форума международной экономической координации и сотрудничества всех входящих в нее государств и последовательную поддержку решений саммитов «Группы двадцати», направленных на обеспечение инклюзивного роста. В 2015 г. отмечено усиление поддержки БРИКС «Группы двадцати», ослабшей в последние три года.

Третья «опора» миссии БРИКС – реформа международных финансовых институтов, направленная на обеспечение участия стран с формирующейся рыночной экономикой и развивающихся стран в процессе принятия решений, отражающего их

⁵² Меморандум о взаимопонимании в области энергосбережения и повышения энергоэффективности между министерствами и ведомствами БРИКС, отвечающими за энергетику и энергоэффективность. 2015. 20 ноября. Режим доступа: <http://www.nkibrics.ru/posts/show/569f96c46272693cc5160000> (дата обращения: 13.02.2016).

⁵³ Уфимская декларация, VII саммит БРИКС (§ 69). 2015. 9 июля. Режим доступа: <http://brics2015.ru/load/382553> (дата обращения: 31.10.2015).

⁵⁴ Совместное заявление глав государств и правительств стран – участниц Второго саммита БРИК (§ 2). 2010. 15 апреля. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/supplement/524> (дата обращения: 31.10.2015).

сравнительный вес в мировой экономике. Неизменное обращение БРИКС к МВФ и странам — членам МВФ во всех документах лидеров нацелено на продвижение процесса реформ Бреттон-Вудских институтов и обеспечение их легитимности и эффективности. Однако, учитывая отсутствие результатов «каталитического воздействия», с 2012 г. наблюдается снижение количества обращений к МВФ и Всемирному банку в сопряжении с возрастающим количеством упоминаний НБР. В 2015 г. эта тенденция закрепились.

«Приверженность [БРИКС] сильной, открытой, основанной на правилах многосторонней торговой системе, воплощением которой является Всемирная торговая организация»⁵⁵, нашла отражение в неизменной поддержке БРИКС усилий по завершению Дохийского раунда, Соглашения об упрощении процедур международной торговли ВТО и осторожной оценке многосторонних инициатив, которые «противоречат фундаментальным принципам прозрачности, инклюзивности и многосторонности. Подобные инициативы отвлекают членов ВТО от работы по достижению коллективного результата и не решают проблемы дефицита развития, оставшейся с предыдущих раундов переговоров»⁵⁶. Кроме того, считая ЮНКТАД центральным элементом системы ООН по вопросам торговли и развития, начиная с саммита в Дели БРИКС неизменно высказываются в поддержку укрепления ЮНКТАД. В рамках российского председательства страны БРИКС поставили долгосрочную задачу углубления сотрудничества в целях создания условий для расширения и диверсификации своего участия в глобальной торговле, подчеркнув необходимость координировать деятельность и сотрудничать в рамках ВТО по вопросу разработки пост-Балийской программы действий и завершения Дохийского раунда⁵⁷.

Пятая «опора» миссии БРИКС — развитие взаимообогащающего и взаимовыгодного сотрудничества между странами объединения, формирование собственной позитивной повестки дня по широкому спектру вопросов. В 2015 г. продолжилось расширение и углубление сотрудничества БРИКС. Начался диалог по новым сферам политики: промышленности, миграции, занятости, окружающей среде и энергетике. Продолжилось создание новых внутренних механизмов координации, например, рабочей группы по социально значимым рынкам в части конкурентной политики; рабочей группы по вопросам энергоэффективности; Системы обмена базовой сельскохозяйственной информацией стран БРИКС (СОБСИ).

Однако формирование собственных институтов отнюдь не означает стремления БРИКС к замене старых многосторонних организаций на альтернативные и созданию нового, фундаментально отличного от традиционной системы порядка, построенного вокруг БРИКС. Одновременно с формированием внутренних механизмов координации БРИКС развивает взаимодействие с профильными международными организациями. В 2015 г. укрепилось взаимодействие с ВОЗ, началось становление сотрудничества с ЮНИДО, МОТ и МОР, лидерами БРИКС было поддержано обращенное к НБР предложение о сотрудничестве с существующими и новыми финансовыми механизмами, в том числе с Азиатским банком инфраструктурных инвестиций. Заложена основа для диалога с Евразийским экономическим союзом и Шанхайской организацией сотруд-

⁵⁵ Лидеры БРИКС (2011) Декларация, принятая по итогам саммита БРИКС, г. Санья, о. Хайнань, Китай. 2011. 14 апреля. Режим доступа: <http://kremlin.ru/supplement/907> (дата обращения: 31.10.2015).

⁵⁶ Делийская декларация (§ 16). 2012. 29 марта. Режим доступа: <http://kremlin.ru/supplement/1189> (дата обращения: 31.10.2015).

⁵⁷ Стратегия экономического партнерства БРИКС. 2015. Режим доступа: <http://brics2015.ru/load/382484> (дата обращения: 31.10.2015).

ничества. Первое в истории БРИКС упоминание ОЭСР позволяет предположить, что страны БРИКС готовы использовать экспертный потенциал этой организации.

Таким образом, создавая новые институты, БРИКС одновременно укрепляет сотрудничество с другими международными организациями. Выбор участниками объединения модели взаимодействия с международными организациями зависит от сферы и этапа становления сотрудничества, специфики организаций, которые они считают наиболее эффективными для достижения своих целей. Модели не являются взаимоисключающими, но сосуществуют и трансформируются в процессе взаимодействия. Так, с профильными организациями ООН и ВТО взаимодействие развивается по модели «каталитического воздействия» (стимулирование или поддержка изменений и реформирования международных организаций), в то время как с «Группой двадцати» отмечается нереализованная тенденция к взаимодействию по модели «управление в союзе с многосторонними институтами».

В целом в 2015 г. закрепляется выбор БРИКС в пользу двух моделей взаимодействия с международными организациями: «каталитического воздействия» (стимулирование или поддержка изменений и реформирования международных организаций) и «параллельного управления» (создание собственных механизмов). Продолжилось создание и становление новых институтов, по мере укрепления которых можно прогнозировать включение в практику взаимодействия БРИКС с международными организациями по модели «управления в союзе с многосторонними организациями».

Литература

Киртон Дж. (2015) Анализ причин успешности саммитов БРИКС // Вестник международных организаций. Т. 10. № 2. С. 9–38. Режим доступа: <http://ioj.hse.ru/2015-10-2/152391839.html> (дата обращения: 31.10.2015).

Ларионова М.В. (2016) Оценка эффективности взаимодействия международных институтов в процессе глобального управления // Вестник международных организаций. Т. 11. № 1. Режим доступа: <https://ioj.hse.ru/data/2016/03/30/1126664363/Ларионова%20М.В.,.pdf> (дата обращения: 10.05.2016).

Ларионова М.В., Рахмангулов М.Р., Сахаров А.Г., Шелепов А.В. (2014) Формирование повестки дня БРИКС в сфере здравоохранения // Вестник международных организаций. Т. 9. № 4. С. 102–125. Режим доступа: <http://ioj.hse.ru/2014-9-4/140078065.html> (дата обращения: 31.10.2015).

Шелепов А.В. (2015) БРИКС и международные институты: модели взаимодействия в процессе осуществления многостороннего управления // Вестник международных организаций. Т. 10. № 4. С. 7–28.

Bayne N. (2000) *Hanging in There: The G7 and G8 Summit in Maturity and Renewal*. Ashgate.

BRICS Governments (2014) *Agreement on the New Development Bank – Fortaleza*. July 15. Режим доступа: <http://brics.itamaraty.gov.br/media2/press-releases/219-agreement-on-the-new-development-bank-fortaleza-july-15> (дата обращения: 31.10.2015).

BRICS Leaders (2012) *Fourth BRICS Summit: Delhi Declaration*. March 29. Режим доступа: <http://brics.itamaraty.gov.br/category-english/21-documents/68-fourth-summit> (дата обращения: 31.10.2015).

BRICS Trade Ministers (2015) *The Fifth Meeting of the BRICS Trade Ministers Joint Communique*. July 7. Режим доступа: <http://economy.gov.ru/wps/wcm/connect/0f086e1d-d2d0-44d6-83f2-28986f262398/BRICS+Trade+Ministers+Communique+2015+FINAL+version.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=0f086e1d-d2d0-44d6-83f2-28986f262398> (дата обращения: 31.10.2015).

Hall P., Taylor R. (1996) *Political Science and the Three Institutionalisms* // *Political Studies*. XLIV. P. 936–957.

Kirton J. (2010) *Multilateral Organizations and G8 Governance: A Framework for Analysis // Making Global Governance Effective. Hard and Soft Law Institutions in a Crowded World / J. Kirton, M. Larionova, P. Savona (eds). Ashgate.*

Kirton J., Larionova M., Savona P. (eds) (2010) *Making Global Governance Effective. Hard and Soft Law Institutions in a Crowded World. Ashgate.*

Kokotsis E. (1999) *Keeping International Commitments: Compliance, Credibility and the G7, 1988–1995. Garland.*

Kokotsis E., Daniels J. (1999) *G8 Summits and Compliance // The G8's Role in the New Millennium / M. Hodges, J. Kirton (eds). Ashgate.*

Larionova M. (2010) *The New Partnership between Multilateral Organizations and the G8 // Making Global Governance Effective. Hard and Soft Law Institutions in a Crowded World / J. Kirton, M. Larionova, P. Savona (eds). Ashgate.*

Larionova M., Shelepov A. (2015) *Is BRICS Institutionalization Enhancing its Effectiveness? // The European Union and the BRICS: Complex Relations in the Era of Global Governance / M. Rewizorski (ed.). Springer.*

Modi R. (2014) *BRICS and Bilaterals: Synergies and Contestations // The BRICS and Beyond: The International Political Economy of the Emergence of a New World Order / L. Xing (ed.). Ashgate.*

OECD (2014) *Bringing the International Tax Rules into the 21st Century: Update on BEPS, Exchange of Information, and the Tax and Development Programme. Meeting of the OECD Council at Ministerial Level. Paris. May 6–7. Режим доступа: [http://www.oecd.org/ctp/exchange-of-tax-information/C-MIN\(2014\)6-ENG.pdf](http://www.oecd.org/ctp/exchange-of-tax-information/C-MIN(2014)6-ENG.pdf) (дата обращения: 13.02.2016).*

Putnam R., Bayne N. (1987) *Hanging Together. Cooperation and Conflict in the Seven-Power Summits. Sage Publications.*

Russia's 2015 BRICS Presidency: Models of Engagement with International Organizations

M. Larionova

Marina Larionova – Doctor of Political Science, PhD in Philology, Head of the International Organisations Research Institute, National Research University Higher School of Economics; Head and Leading Research Fellow of the Center for International Institutions Research, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 11, Prechistenskaya naberezhnaya, 119034, Moscow, Russia; E-mail: larionova-mv@ranepa.ru

Abstract

Six years after the first 2009 summit in Yekaterinburg, the BRICS grouping of Brazil, Russia, India, China and South Africa has established its identity as an informal global governance forum. The members have consistently consolidated their cooperation, expanded and deepened their agenda, coordinated efforts aimed at the recovery and growth of their economies, and engaged with other international organizations. This work continued during the Russian presidency in 2015.

This article focuses on one dimension of BRICS performance: its engagement with international organizations. At least three reasons define the relevance of this analysis. First, since its launch the BRICS members collectively committed to building a multipolar, fair and democratic world order, which would not be possible without cooperating with key international organizations. Second, the objective of enhancing the sustainability, legitimacy and effectiveness of the global governance architecture defines the need for the flexible combination of different models of engagement of summit institutions with other international institutions. Third, according to Russia's BRICS Presidency Concept, one of its priorities was to transition to a qualitatively new level of engagement with international organizations.

The analytical framework for this study thus builds on the theory of rational choice institutionalism. The calculus approach fits the analysis of summit institutions bringing together states from a wide range of cultures, continents and economic development. Its distinctive features clearly apply to the analysis of the origin and performance of the BRICS. First, members act in a highly strategic manner to attain their priorities. Second, summitry presents an arrangement where strategic interaction among leaders plays a major role in determining political outcomes. Third, rational choice institutionalism offers the greatest analytical leverage to settings where consensus among actors accustomed to strategic action and of roughly equal standing is necessary to secure institutional changes – the features typical of summit institutions. Fourth, the institutions are created by the voluntary agreement of the leaders to perform specific functions and missions.

In order to maximize benefits from the new arrangement, the founders may choose to engage voluntarily with existing institutions in a mode they regard most efficient for achieving their goals. The choice of partner institutions, modes and intensity of engagement is accepted to be strategic, intentional and voluntary, aiming to compensate for efficiency. The models of engagement are not mutually exclusive but coexist, with their choice dependent on the policy area and type of organization. The models of engagement with the other international organizations reflected in the leaders' discourse are expected to indicate their place and role in the architecture of global governance, imputed to them at the summit's launch and subsequent evolution.

This study applies qualitative and quantitative methods. Drawing on a content analysis of BRICS documents, it tracks the dynamics of engagement with multilateral organizations and main models of engagement, comparing them with previous summits. Findings confirm the hypotheses that the choice of engagement model reflects the forum's role and place in the global governance architecture and depends on the policy area and phase in cooperation development and perception of the organization's relevance to BRICS objectives. The models are not mutually exclusive, but coexist, and transform in the course of cooperation. By establishing new institutions, the BRICS consolidates its cooperation with other organizations in a policy area. Engagement with the UN institutions and the World Trade Organization is based on the model of catalytic influence (exerting an influence for international organizations' changes through endorsement or stimulus, or compelling them to reform), whereas with the Group of 20, the model of "governance in alliance with multilateral institutions" has remained unrealized. In 2015 BRICS consolidated its preference in favour of two models: "catalytic influence" and "parallel treatment" (the creation of the forum's own institutions). The BRICS continues to establish new institutions. While strengthening its own institutions, the BRICS will apply the model of governance in alliance with multilateral institutions to its cooperation with relevant international organizations.

Key words: BRICS, global governance, international organizations, United Nations, International Monetary Fund, World Bank, New Development Bank

References

- Bayne N. (2000) *Hanging in There: The G7 and G8 Summit in Maturity and Renewal*. Ashgate.
- BRICS Governments (2014) *Agreement on the New Development Bank – Fortaleza*, July 15. Режим доступа: <http://brics.itamaraty.gov.br/media2/press-releases/219-agreement-on-the-new-development-bank-fortaleza-july-15> (дата обращения: 31.10.2015).
- BRICS Leaders (2012) *Fourth BRICS Summit: Delhi Declaration*, March 29. Режим доступа: <http://brics.itamaraty.gov.br/category-english/21-documents/68-fourth-summit> (дата обращения: 31.10.2015).
- BRICS Trade Ministers (2015) *The Fifth Meeting of the BRICS Trade Ministers Joint Communiqué*, July 7. Режим доступа: <http://economy.gov.ru/wps/wcm/connect/0f086e1d-d2d0-44d6-83f2-28986f262398/BRICS+Trade+Ministers+Communiqué+2015+FINAL+version.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=0f086e1d-d2d0-44d6-83f2-28986f262398> (дата обращения: 31.10.2015).
- Hall P., Taylor R. (1996) Political Science and the Three Institutionalisms. *Political Studies*, XLIV, p. 936–957.
- Kirton J. (2010) Multilateral Organizations and G8 Governance: A Framework for Analysis. *Making Global Governance Effective. Hard and Soft Law Institutions in a Crowded World* / J. Kirton, M. Larionova, P. Savona (eds). Ashgate.
- Kirton J. (2015) Explaining the BRICS Summit Solid, Strengthening Success. *International Organisations Research Journal*, vol. 10, no 2, p. 9–31. Available at: <https://iorj.hse.ru/data/2015/10/07/1077708307/Kirton%20J.J..pdf> (accessed 31 October 2015).
- Kirton J., Larionova M., Savona P. (eds) (2010) *Making Global Governance Effective. Hard and Soft Law Institutions in a Crowded World*. Ashgate.
- Kokotsis E. (1999) *Keeping International Commitments: Compliance, Credibility and the G7, 1988–1995*. Garland.
- Kokotsis E., Daniels J. (1999) G8 Summits and Compliance. *The G8's Role in the New Millennium* / M. Hodges, J. Kirton (eds). Ashgate.
- Larionova M. (2010) The New Partnership between Multilateral Organizations and the G8. *Making Global Governance Effective. Hard and Soft Law Institutions in a Crowded World* / J. Kirton, M. Larionova, P. Savona (eds). Ashgate.
- Larionova M. (2016) Assessing Summit Engagement with Other International Organizations in Global Governance. *International Organisations Research Journal*, vol. 11, no 1, p. 126–152. Available at: <https://iorj.hse.ru/data/2016/03/30/1126664363/Ларионова%20М.В..pdf> (accessed 10 May 2016).
- Larionova M., Shelepov A. (2015) Is BRICS Institutionalization Enhancing its Effectiveness/ *The European Union and the BRICS: Complex Relations in the Era of Global Governance* / M. Rewizorski (ed.). Springer.
- Larionova M., Rakhmangulov M., Sakharov A., Shelepov A. BRICS: Emergence of Health Agenda. *International Organisations Research Journal*, vol. 9, no 4. Available at: <https://iorj.hse.ru/data/2014/12/26/1103993997/BRICShealth.pdf> (accessed 31 October 2015).
- Modi R. (2014) BRICS and Bilaterals: Synergies and Contestations. *The BRICS and Beyond: The International Political Economy of the Emergence of a New World Order* / L. Xing (ed.). Ashgate.
- OECD (2014) *Bringing the International Tax Rules into the 21st Century: Update on BEPS, Exchange of Information, and the Tax and Development Programme*. Meeting of the OECD Council at Ministerial Level. Paris, May 6–7. Режим доступа: [http://www.oecd.org/ctp/exchange-of-tax-information/C-MIN\(2014\)6-ENG.pdf](http://www.oecd.org/ctp/exchange-of-tax-information/C-MIN(2014)6-ENG.pdf) (дата обращения: 13.02.2016).
- Putnam R., Bayne N. (1987) *Hanging Together. Cooperation and Conflict in the Seven-Power Summits*. Sage Publications.
- Shelepov A. BRICS and International Institutions: Models of Engagement in Global Governance. *International Organisations Research Journal*, vol. 10, no 4. Available at: https://iorj.hse.ru/data/2016/02/29/1125437193/1Вестник_2015_04_англ_Шелепов.pdf (accessed 31 October 2015).

Методология исследований

Структурно-топологический анализ взаимодействия акторов мирохозяйственной системы: на примере исследования интеграции стран ЕС и ЕАЭС¹

А.М. Анисимов, А.А. Попова

Анисимов Андрей Михайлович – руководитель исследовательского центра «Институт Счёта»; Российская Федерация, 194044, Санкт-Петербург, Б. Сампсониевский пр., 32; E-mail: sthot_institute@mail.ru

Попова Антонина Александровна – аспирант Института мировой экономики и международных отношений Российской академии наук; Российская Федерация, 117997, Москва, ул. Профсоюзная, 23; E-mail: Popova.Tonja@gmail.com

Более 100 лет назад началась фундаментальная разработка и последующее широкое применение «логики квантования» данных в области естественных и точных наук (квантовые числа). Суть этого подхода состоит в применении к наблюдаемым процессам и явлениям, их движущим силам и структуре, логики двойной природы. Например, в физике и математике это была разработка принципов корпускулярно-волнового дуализма, которая завершилась формированием квантовой механики и теории относительности. Введение в теорию и расчеты корпускулярно-волнового дуализма позволило вывести фундаментальную теорию на достаточный уровень для объяснения процессов и строения материи на релятивистских скоростях и состояниях, глубоко обосновывающих процессы, происходящие в материальном мире на макро- и микроуровнях. Логика «квантования» данных и формулирование дуальности представлений, т.е. анализ двойной природы наблюдаемых фактов и явлений в рассматриваемом пространстве (на его макро- и микроуровнях), и были применены авторами статьи в интересах рассмотрения фактов и данных по экономической, политической и социальной динамике агентов (субъектов) мирохозяйственных процессов.

Стоит заметить, что в настоящий момент анализ экономического состояния мирового хозяйства и макроэкономического субъекта строится на ряде утвержденных показателей, характеризующих динамику изменения различных объясняющих явления факторов в двумерном представлении. Подвергаясь частой критике со стороны экспертов, данные показатели неоднократно дополнялись, но выявленные недостатки подобного рассмотрения изменений экономических процессов так и не устранены. В данной статье описана теоретическая концепция структурно-топологического подхода, основанного на представлении мирового хозяйства в виде совокупности двух пространств – пространства событий и пространства состояний, дополняющих друг друга до единой системы. Результатом исследования является демонстрация данного метода представления мирового хозяйства на примере исследования интеграционных процессов, происходящих на территории стран Европейского союза и Евразийского экономического союза. Представленный метод может быть использован дополнительно к существующим методам исследования происходящих в мире изменений.

Ключевые слова: квантование экономических данных, структурно-топологический подход, «человек сознательный», мирохозяйственная система, механизмы планирования, механизмы управления

¹ Материал поступил в редакцию в феврале 2016 г.

В рамках рассмотрения процессов роста и развития национальных экономик мировое хозяйство является совокупностью взаимосвязанных и взаимодействующих хозяйств всех стран мира, функционирующих по согласованным правилам и объединенных в общий механизм с рядом характерных признаков и свойств единства. Данное целостное единство упорядоченного множества элементов определяет системность мирового хозяйства [Козлова, 2006]. Любой процесс изменений мирохозяйственной системы в целом, а также и субъекта мирохозяйственных процессов в частности, представим в виде *последовательности состояний*, смена которых осуществляется посредством соответствующих равновесных и неравновесных переходов, определяемых как фазовые переходы [Словохотов, 2010]. В отличие от равновесного фазового перехода, не меняющего баланс действующих в системе внутренних сил акторов, неравновесный фазовый переход приводит к разбалансировке и последующей новой сборке системы с ее скачкообразным развитием или регрессом. Любое *учтенное* мирохозяйственное *событие* представляет собой явное или неявное целевое состояние системы, которое достигается путем совокупной реализации определенного набора состояний ее акторов – субъектов мирового хозяйства [Анисимов, Попова, 2015а, 2015б; Попова, 2015а, 2015б]. В свою очередь, любое предшествующее событие характеризуется в настоящем силой проявляемых импульсных волнений, отражаемых в изменениях состояний и образе действий связанных с данным событием акторов. Построение модельного комплекса управления мирохозяйственной системой в данном представлении, по мнению авторов, позволит комплексно оценивать происходящие в мире мирохозяйственные события, выявляя закономерности целевых и текущих состояний акторов процессов как по временной шкале, так и по их сферам действия. Настоящая работа представляет начальные положения заявленной модели, а также первичный практический опыт реализации полученной модели на примере анализа процесса интеграции стран Европейского союза (ЕС) и Евразийского экономического союза (ЕАЭС), рассмотренных в модели в качестве субъектов мирохозяйственных процессов соответствующего уровня.

Начальные положения структурно-топологического подхода к исследованию мирохозяйственных процессов

Предложенная модель изучения мирохозяйственной системы основывается на ряде ее свойств. Одним из них является *фрактальность* мирохозяйственной системы [Байдаков, Назаренко, 2012; Шуршев, Ганюкова, 2010], т.е. ее свойство самоподобия. Николаев [2005] говорит о двух формах, в которых проявляется свойство фрактальности в экономике, и, как считают авторы настоящей статьи, в мировом хозяйстве в целом. Одна из них связана с выделением в экономической (мирохозяйственной) системе некоторого ядра – носителя самоподобия, представляющего собой, например, ключевую группу институтов, через функционирование которых сохраняются и воспроизводятся все главные характеристики, присущие системе в целом и реализующиеся на всех ее структурных уровнях. Поэтому изменить систему можно посредством преобразования (смены) этого ядра. Вторая форма фрактальности не предусматривает наличия какого-либо специального ядра, проявляясь в том, что все характерные для данной системы феномены воспроизводятся при любых попытках ее изменения. Даже сравнительно небольшая, оставшаяся после деструктивных событий часть системы со временем начинает вновь приобретать и проявлять свои прежние качества, напоминая тем самым голографические свойства сложных систем и, пожалуй, в наибольшей степени соответствуя определению фрактала Мандельбротом [2002] «как структуры, состоящей из частей, которые в каком-то смысле подобны целому».

Фрактальность мирохозяйственной системы проявляется как в становлении игроков системы, так и в совокупном учете их действия. Как показано на рис. 1а), мировая система в целом, наделенная неким набором характеристик, состоит из совокупности стран, отличающихся таким же набором характеристик в ином соотношении, которые, в свою очередь, состоят из регионов, также обладающих все тем же набором характеристик: наличия акторов процесса (социальной), экономической и политической составляющими. Например, с экономической точки зрения можно сходным образом охарактеризовать как мировую систему, так и страну или регион. Аналогично действие мировой системы состоит из совокупности действий стран, а действие стран – из совокупности действий (динамика валового внутреннего или регионального продукта, показателя занятости, потребления и т.п.) входящих в их состав регионов (рис. 1б)). Таким образом, состояние мирохозяйственной системы находится под ответственностью и является результатом совокупных действий всех ее акторов – стран, регионов (а также субрегионов, районов, домашних хозяйств и других макро- и микросубъектов), которые по свойству фрактальности также обладают набором характеристик, присущих мирохозяйственной системе в целом.

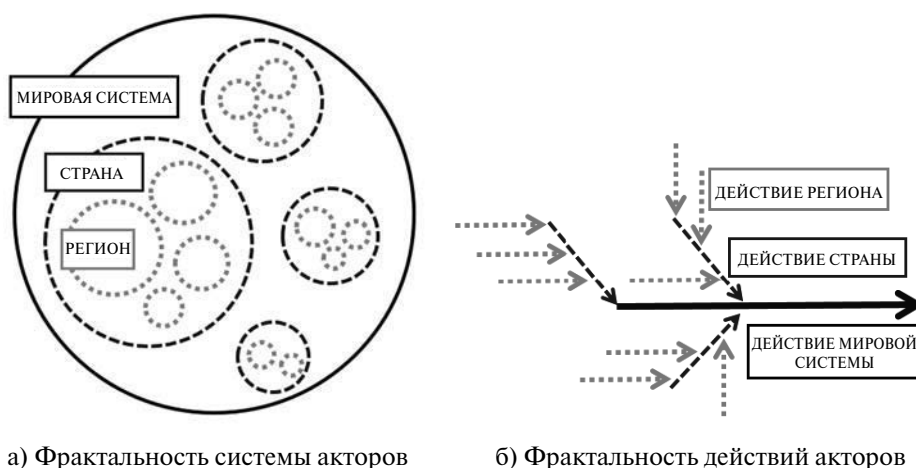

Рис. 1. Свойство фрактальности мирохозяйственной системы

Многомерность мирохозяйственной системы отражается в наборе тех составляющих, которые присущи данной системе. То есть мирохозяйственные события имеют под собой не только экономическую причину, но и политическую, социальную, в некоторой степени торговую, финансовую, демографическую и многие другие. В контексте данной работы авторы выделяют три основные (базовые) составляющие: социальную, экономическую и политическую, считая, что остальные являются полными и частными производными n -го порядка по трем базовым составляющим и/или времени. Под социальной составляющей, в общем виде, подразумевается количество человек в рассматриваемой системе связей, под экономической составляющей – объем и качество производимых товаров и услуг, а политическая составляющая истолковывается как эффективность управления группой людей с целью развития системы. Стоит заметить, что, например, демографическая составляющая в данном случае определяется социальной и политической с учетом временного периода «настоящее – будущее», безопасность системы определяется политической составляющей с учетом временного периода «прошлое – настоящее», инновационная составляющая – социальной и экономической с учетом временного периода «настоящее – будущее», финансовая –

экономической и политической с учетом временного периода «прошлое – настоящее» и т.д. Данная тема является отдельным предметом обсуждения, выходящим за рамки данной статьи.

Под открытостью (отсутствие замкнутости) мирохозяйственной системы подразумевается отсутствие ограничений в масштабах, скорости, характере ее развития. Свойство замкнутости типично, например, для балансовых моделей анализа и планирования производства и распределения продукции на различных уровнях, в которых входной объем экономических ресурсов равен выходному объему экономических ресурсов (продуктов), что не является истинно верным для рассмотрения многомерных аспектов динамики мирохозяйственных систем.

Предложенная модель исследования мирохозяйственной системы с характерными свойствами основана на структурно-топологическом подходе, описанном в ряде публикаций А.М. Анисимова и А.А. Поповой [Анисимов, Попова, 2014, 2015а, 2015б; Попова, 2015а, 2015б], который позволяет построить опорный прообраз – ортонормированный базис для совокупного отображения показателей экономической, социальной и политической динамики, представляющий собой графическое трехмерное изображение рассматриваемого процесса, его основных акторов и их взаимосвязей, которые при установленной мерности процесса остаются постоянными, несмотря на возможные изменения базисных составляющих анализа. Отличительной особенностью структурно-топологического подхода является представление мирового хозяйства в виде совокупности двух пространств – *пространства состояний*, определяющего характеристики состояний мирохозяйственных субъектов, а также *пространства учтенных событий*, определяющего характеристики реализованных событий мирового хозяйства. Для удобства графического представления в работе используется трансформационный ряд данных – ряд однородных данных, значения которых даны в точке изменения объекта (субъекта) по заданной траектории развития вне зависимости от времени, прошедшего после предыдущего изменения, при этом временная шкала удовлетворяет закону возрастания. Полученная структурно-топологическая модель хозяйственных процессов, призванная анализировать поставленную цель (план) актора процесса как возможное будущее событие, предлагает (счетную и иную) цепочку действий, которые приведут к его осуществлению. Данная цепочка действий в каждый рассматриваемый момент времени представляет собой последовательность трансформаций состояний актора – субъекта мирохозяйственных процессов, конкретизированных набором характеристик, т.е. является определенной, а следовательно, и *планируемой*. Последовательные состояния акторов связаны между собой функцией трансформации, входящие параметры которой соответствуют текущему состоянию, а выходящие – последующему. Таким образом, принимая во внимание фрактальность рассматриваемой хозяйственной системы, определенность будущих частных действий акторов и знания функции трансформации ведет к определенности будущего состояния системы таковой. С математической точки зрения данный факт описывается формулой (1), где S_i^{j+1} – состояние i -й ($i = [1, n]$) системы в момент времени $j + 1$ ($j = [1, m]$), S_i^j – состояние i -й системы в момент времени j (т.е. в предшествующий момент), S_{iq}^j – состояние q -й ($q = [1, r]$) системы, входящей в систему i , в момент времени j , F – функция трансформации.

$$S_i^{j+1} = F(S_i^j) = F\left(\sum_{q=1}^r S_{iq}^j\right) \quad (1)$$

Принимая во внимание, что проблема точности полученных результатов любого модельного комплекса сводится к проблеме выбора *полного набора характеристик*

системы, однозначно описывающих ее, важно правильно определить соответствие между *анализируемой системой* и пакетом *используемых статистических данных*. Описывая мировое хозяйство, важно принимать во внимание не только сугубо экономические показатели, так как не вся хозяйственная деятельность получает экономическую оценку и учет посредством применения используемых на данный момент методологий сбора информации. Для однозначного описания происходящих мирохозяйственных событий необходимо иметь в виду *как минимум совокупность социальных, экономических и политических характеристик происходящего*, так как результат каждого прецедента зависит от людей, действующих в сфере влияния, от имеющихся производственных ресурсов, а также от управляющего системой звена. Таким образом, минимальным базисом, задающим пространство состояний и пространство учтенных событий структурно-топологической модели планирования мирохозяйственных процессов, является *социально-экономико-политический базис (СЭП-базис)* – упорядоченная *линейно независимая*² система векторов, такая, что любой вектор пространств, описывающий текущее состояние субъекта и реализованное событие, разложим по ней [Анисимов, Попова, 2014].

Предложенная структурно-топологическая модель планирования позволяет принять во внимание опорные характеристики состояний субъектов мирохозяйственной деятельности, характеристики событий, проявляемые в предшествующие моменты времени в виде импульсных волнений, и реакций/действий субъектов на данные события, которые влияют на качество фазового перехода субъекта в другое состояние. Таким образом, аналитически формируется непрерывная спиралевидная последовательность «шагов», учет и анализ которых дает более законченную картину развития самого процесса. Формирование «шагов» осуществляется с учетом функции трансформации, результатов действий вызванных и вызывающих потенциалов состояний (рис. 2а)) внутренних (\bar{p}) и внешних (\bar{p}) акторов мирохозяйственного процесса соответственно, а также результатом импульсных волнений событий (I) с учетом временной шкалы (t) [Анисимов, Попова, 2015б; Попова, 2015а, 2015б]. Анисимов и Попова [Анисимов, Попова, 2014, 2015б; Попова, 2015а, 2015б] предполагают, что характер движения хозяйственного субъекта в пространстве учтенных событий мирохозяйственных процессов с заданным СЭП-базисом описывается уравнением трехмерной гиперболической спирали, где каждый виток образует очередной цикл мирового хозяйства, закономерно расположенный в рамках макротенденции мирового хозяйства, что также характеризует равновесный фазовый переход субъекта из одного состояния в другое (см. рис. 2б)). Данный характер движения является типичным для системы в идеальных условиях, однако в реальности, отчасти в связи с недостатками сбора и охвата изменений хозяйственной системы статистическими данными, могут быть проявлены значимые смещения от данной траектории развития. Тем не менее долгосрочная тенденция развития мирохозяйственной системы по закону гиперболической спирали в условиях равновесных фазовых переходов сохраняется вне зависимости от возможных кратковременных сдвигов по траектории.

Двигаясь по закону трехмерной гиперболической спирали в пространстве учтенных событий, субъект в определенной степени обусловлен влиянием накопленного вызванного потенциала его текущего состояния. В связи с внедрением вызывающего потенциала извне и, в большей степени, волнового импульса некоего будущего события

² Различные комбинации двух из социальной, экономической и политической характеристик не могут влиять на третью из них.

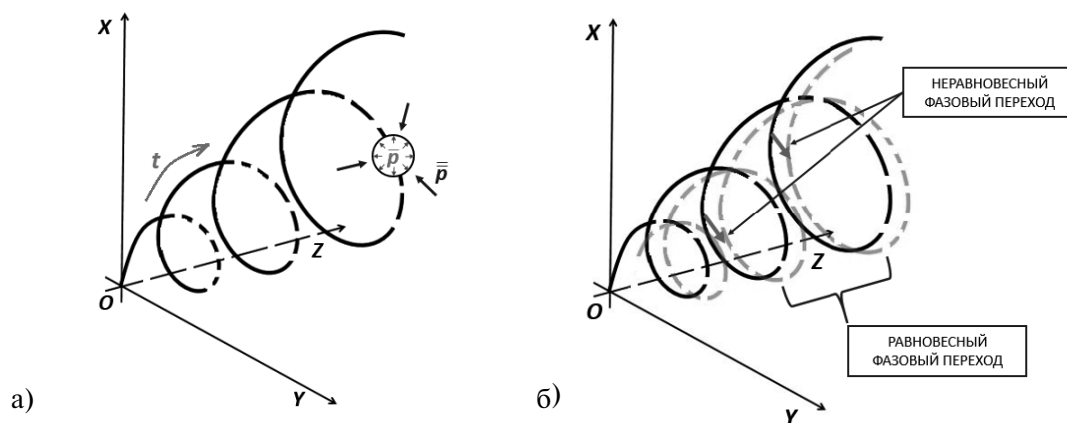

Рис. 2. Формирование пространства учтенных событий в структурно-топологической модели мирохозяйственных процессов, где оси X , Y , Z составляют СЭП-базис пространства

вне зависимости от вероятности его осуществления, которые значительно превышают собственный потенциал, субъект может сместиться на путь развития, описываемый уравнением другой гиперболической спирали, полученной из исходной посредством операций смещения, растяжения или переноса, что характеризует неравновесный фазовый переход субъекта из одного состояния в другое (см. рис. 2б)).

В данном представлении учитывается цикличность развития мирового хозяйства посредством спиралевидной формы траектории (проекция траектории на ось времени представлена на рис. 3а)) и кратковременных циклов непосредственно по самой траектории (рис. 3б)). Стоит заметить, что наличие кризиса по одной оси (например, в экономике субъекта) не говорит о существовании кризисной ситуации по другой оси (например, в политике), но может иметь место момент одновременных кризисов в двух/трех осях. Так как временной показатель t возрастает, то проекции многомерного хозяйственного цикла видны при двумерном анализе (например, цикличность показателя ВВП во времени).

Для выхода из кризисной ситуации, как управленческого действия и действия планирования, необходимо намеренно выводить траекторию развития³ a к центральной прямой c (рис. 4а)), которая характеризует траекторию развития субъекта без флуктуаций. Для выхода на новый уровень развития в точке бифуркации необходимо реализовать накопленный внутренний потенциал, который позволит не только отразить вызывающий потенциал возможностей текущего развития, но создаст ресурс для дальнейшего развития, т.е. движение по траектории b (рис. 4б)). Отметим, что в точке бифуркации объект в большей степени восприимчив к изменениям.

В представленной модели соблюдены все вышеназванные свойства мирового хозяйства. *Фрактальность* системы учитывается через возможность описания в *одной модели с заданным СЭП-базисом* как мировой системы в целом, так и хозяйства страны или региона в частности путем регулировки уровня наблюдения пространства. *Многомерность* описания достигается путем одновременного учета социальных, экономи-

³ То есть направлять движение субъекта относительно тенденции мирохозяйственной системы.

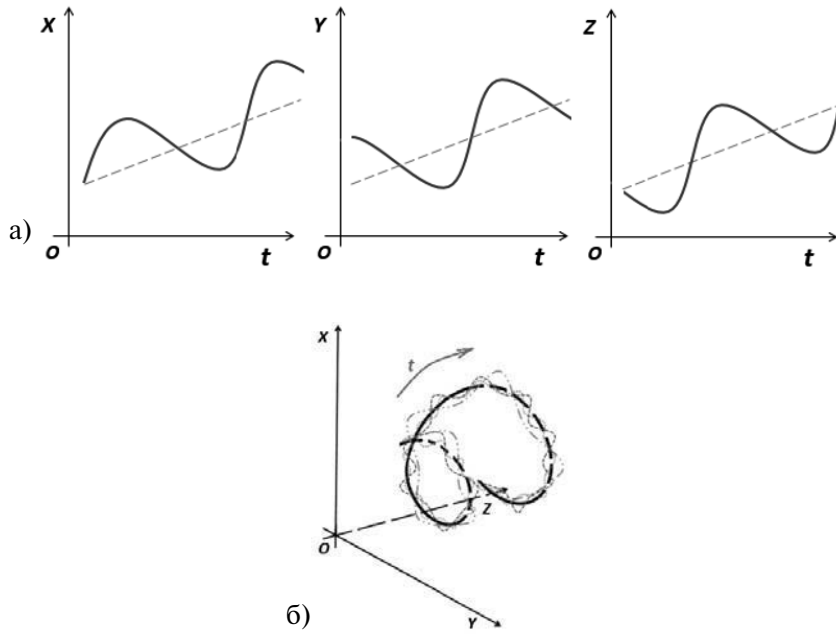

Рис. 3. Цикличность траектории развития мирохозяйственной системы

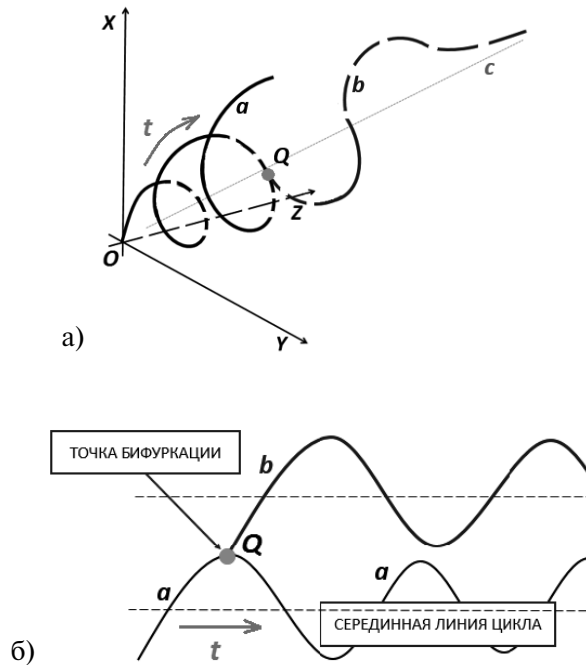

Рис. 4. Неравновесный и равновесный фазовый переход мирохозяйственного субъекта из одного состояния в другое

Примечание. *a* – траектория развития при равновесных переходах, *b* – траектория развития с неравновесным переходом, *c* – центральная прямая, *Q* – точка бифуркации.

ческих и политических характеристик происходящего. Свойство *открытости* системы соблюдается благодаря отсутствию рамок, ограничивающих верх развития системы, а также в модели используется учет неравновесных фазовых переходов.

Как отметил Цыгичко [2009], любая система, действующая в мировом хозяйстве, является созданной и управляемой людьми, которые взаимосвязаны и совместно функционируют для достижения общих целей. Таким образом, люди составляют главный определяющий компонент. Управление мирохозяйственным субъектом в предложенной модели с заданным СЭП-базисом означает гармонизацию социальных, экономических и политических характеристик состояний данных субъектов, а именно:

- выявление таких целевых состояний мирового хозяйства – приоритетных для общества задач развития, которые составляют взаимное соответствие субъекта и всей мирохозяйственной тенденции в целом. Как заметила Козлова [2006], главными целями общества являются достижение всеобщего блага и социально-экономическая стабильность, связанная с оптимальной реализацией интересов всех структурных элементов рассматриваемой системы;
- реализация целевых состояний взаимосоответствия субъекта мирохозяйственных процессов и мирохозяйственной системы в целом посредством стратегического и иного перспективного действия при оптимизации имеющихся и перспективных ресурсов⁴.

В работе «*Homo Sapiens: переходящий феномен*» Келигов [2012] рассуждает о единстве развития человечества и системы жизни, что подчеркивает важность поиска новой модели человека в связке с поиском новой модели мирохозяйства. Действия *человека-потребителя* [Смит, 1962] удовлетворяют условию *конечной собственности*⁵ на результаты деятельности (предпринимательской и трудовой активностей) во внутренних, а не общесистемных рамках мирохозяйственных субъектов⁶, т.е. принципиально направлены на максимизацию личной выгоды и удовлетворение потребностей, и, как следствие, описываются единственным уравнением существования [Автономов, 1998]. «Так называемые бессмысленные формы потребительства в виде сотен разнообразных видов одного и того же товара, неисчислимого количества «ненужных вещей» и т.п. в каком-то смысле более показательны и адекватны для понимания того, что человек-потребитель и есть *Homo Sapiens* наших дней» [Гусейнов, 2009].

При расширении мирохозяйственной системы модели человека-потребителя недостаточно в связи с ограниченностью его целей. Управление задачами общественного развития может вестись человеком-созидателем, чьи действия отличаются *самостоятельностью и полнотой ответственности*⁷ планирования и управления при их позиционировании исключительно в рамках мирохозяйственной тенденции как системы в целом, в дополнение к действиям *человека-потребителя*. Отличительные особенности человека-созидателя, соответствующего гуманитарной и биологической модели человека как человека-сознательного, *Homo Consciens* [Давитая, 2015], от человека-потребителя представлены в табл. 1.

⁴ Соответствие деятельности *перспективным ресурсам* осуществляется в обществе посредством авторских открытий в научной деятельности и искусстве, с последующим запуском инновационных циклов и деятельности в области обновления образования и развития культуры.

⁵ Данный тип действия используется для исследования равновесности в модели.

⁶ Национальное хозяйство и их группировки, регион и т.п.

⁷ Данный тип действия введен для исследования неравновесности в модели.

Таблица 1. Homo Sapiens vs. Homo Consciens

Параметр сравнения	Homo Sapiens	Homo Consciens
Модель	Человек-потребитель	Человек-созидатель
Интересы	Личные	Общественные
Цель	Максимизация прибыли и собственности при экономической рациональности	Целесообразная оптимизация имеющихся мирохозяйственных ресурсов, расширение будущего мирового пространства
Действие	Сравнивает, делает выбор	Реализует, создает пространство действия
Операция	Обмен, производство	Произведение, творчество
Ограничения	Ресурсы, информация, издержки поиска в текущем состоянии	Сила действия в пространственно-временном континууме

Из вышеизложенного следует, что разговор о многополярности мирохозяйственной системы заключается в признании наличия многих акторов, имеющих потенциал к управлению мирохозяйственной системой. То есть полюсом в данном случае является самодостаточная единица с некоторым потенциалом, позволяющим ей быть реальным⁸ и/или действительным⁹ автором сценария, по которому развивается определенное множество других мирохозяйственных объектов и субъектов. Полюс может быть сформирован на мировом, страновом, региональном, субрегиональном или любом другом уровне.

Рассмотрим алгоритм движения актора мирохозяйственного процесса в пространстве состояний и событий. Пусть имеется информация о текущем состоянии субъекта (S_i^j), движущегося в пространстве состояний по траектории a , его целевом состоянии (S_i^{j-f}), внутреннем вызванном потенциале ($\bar{p}(S_i^j)$), внешнем вызывающем потенциале ($\bar{\bar{p}}(S_i^j)$), волновом импульсе (I_k^j) некоего предстоящего возможного целевого события, который в настоящем фиксируется с коэффициентом силы $v(v \in (0,1))$. Если сила волнового импульса в текущий момент vI_k^j меньше разности вызванных и вызывающих потенциалов текущего состояния субъекта, т.е. $vI_k^j \leq \bar{p}(S_i^j) - \bar{\bar{p}}(S_i^j)$, тогда происходит равновесный переход субъекта из одного состояния в другое по траектории a , причем вызванный потенциал последующего состояния субъекта определяется как разность текущих вызванного и вызывающего потенциалов, т.е. $\bar{p}(S_i^{j+1})_a = \bar{p}(S_i^j)_a - \bar{\bar{p}}(S_i^j)_a$, а последующее состояние увеличивается на величину, определяемую силой волнового импульса события в текущий пространственно-временной момент, т.е. $S_i^{j+1} = S_i^j + (1-v)I_k^j$. Если $vI_k^j > \bar{p}(S_i^j) - \bar{\bar{p}}(S_i^j)$, тогда происходит неравновесный переход состояний со смещением с траектории развития a на траекторию развития b , причем $\bar{p}(S_i^{j+1})_b = \bar{p}(S_i^j)_a - \bar{\bar{p}}(S_i^j)_a$, а $S_i^{j+1} = S_i^j + w(1-v)I_k^j$, где w – коэффициент смещения.

Реализация данного алгоритма требует большого объема вычислений и детального сбора данных, что является возможным на последующих этапах исследования. В данной работе представлены ключевые моменты первой пробной реализации подобных

⁸ Реализует силу и/или потенциал управления.

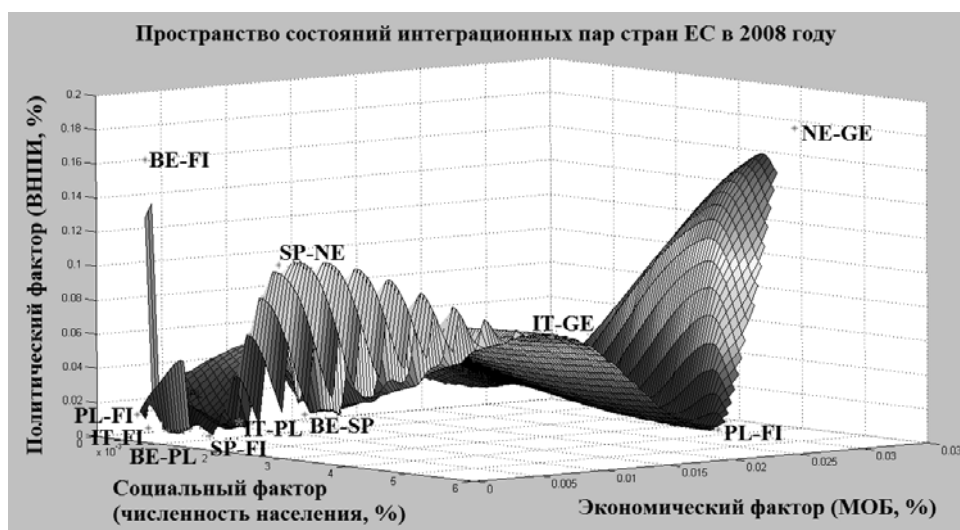
⁹ Реализует силу и/или потенциал планирования.

моделей, опубликованных Анисимовым и Поповой [Анисимов, Попова, 2015б; Попова, 2015а, 2015б] с целью заинтересовать и привлечь научные круги к обсуждению данного представления мирового хозяйства и способов управления его развитием.

Практическая реализация структурно-топологического подхода в анализе взаимодействия стран ЕС и ЕАЭС

В статье [Анисимов, Попова, 2015б] был проведен первоначальный анализ пространств состояний и учтенных событий, отражающих характер взаимодействия между странами ЕС за 2008 и 2011 гг. и ЕАЭС за 2011 г. Полученные пространства состояний базируются на данных о взаимных миграционных потоках, интегрированном межотраслевом балансе и взаимных накопленных прямых инвестициях пар стран – акторов интеграционных процессов. Данные в определенной степени отражают социальный, экономический и политический факторы регионального и мирохозяйственного взаимодействия акторов. Подобное рассмотрение взаимосвязей акторов процесса не является исчерпывающим и представляет собой дополнительный к существующим метод анализа.

На рис. 5 представлено полученное пространство состояний стран ЕС в 2008 г., которое выявило высокий показатель взаимодействия, отражающий отчасти характер интеграционных процессов, между такими парами стран ЕС, как Нидерланды – Германия, Бельгия – Финляндия, Нидерланды – Бельгия, Нидерланды – Испания, в большей степени за счет политического фактора. Формулы расчетов, используемые при построении данной и нижеследующих поверхностей, подробно рассмотрены в [Анисимов, Попова, 2015а, 2015б], в связи с чем авторы не считают необходимым дублировать данную информацию.

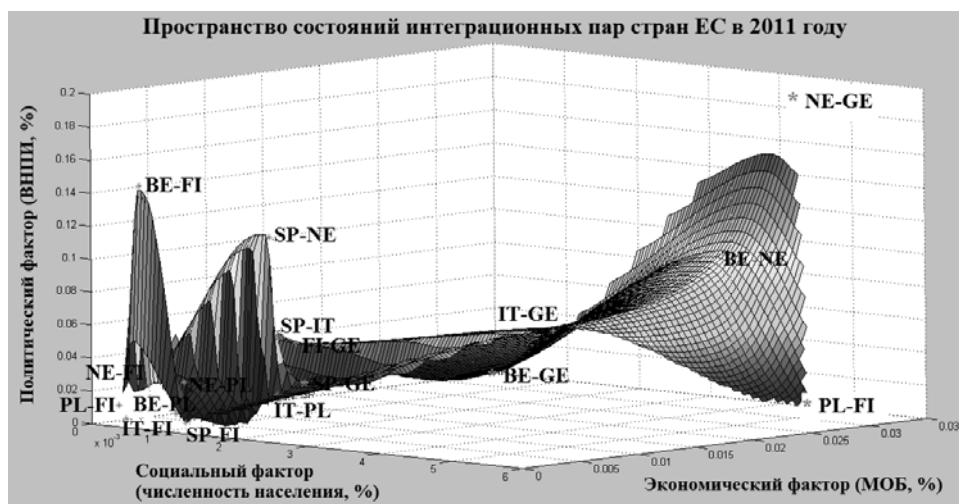

NE – Нидерланды, DE – Германия, FI – Финляндия, PL – Польша, IT – Италия, SP – Испания

Рис. 5. Пространство состояний взаимодействия пар стран ЕС в 2008 г. (в абсолютных показателях)

Источник: Анисимов, Попова [2015б].

В 2011 г. взаимодействие¹⁰ между Германией и Нидерландами усилилось на 0,61%, между Испанией и Нидерландами на 0,62%. Интеграционные пары Бельгия – Финляндия и Бельгия – Нидерланды показали негативную тенденцию (спад на 1,67% и 1,09% соответственно) во взаимодействии друг с другом, хотя и сохранили лидирующие позиции в целом среди анализируемых пар стран ЕС. Рисунок 6 представляет поверхность для стран ЕС в 2011 г.

NE – Нидерланды, DE – Германия, FI – Финляндия, PL – Польша, IT – Италия, SP – Испания

Рис. 6. Пространство состояний взаимодействия пар стран ЕС в 2011 г. (в абсолютных показателях)

Источник: Анисимов, Попова [20156].

Построение пространства учтенных событий с СЭП-базисом для стран ЕС также основано на социальном, экономическом и политическом показателях, соответственно отражающихся в данных о количестве населения, проживающего на территории страны, ВВП страны и процессе политической интеграции в группировку, принимая во внимание время подписания договора определенным актором процесса, условия договора и глубину взаимодействия актора с внешними субъектами мирового хозяйства. Как отмечалось ранее, пространство учтенных событий фиксирует уже реализованное действие, результат которого оценивается посредством социального, экономического и политического факторов. На рис. 7 проиллюстрировано пространство учтенных событий и ключевые даты интеграционного процесса для всех стран ЕС с 1963 по 2013 г. Данный рисунок показывает процесс трансформации интеграционного блока ЕС из одного состояния в другое.

¹⁰ Здесь и далее под взаимодействием отчасти подразумевается интеграционное сотрудничество между акторами процесса. Несомненно, на интеграционные процессы влияет более широкий ряд факторов, нежели исключительно социальный, экономический и политический факторы. Однако, как отмечалось ранее, в рамках данного подхода вышеперечисленные три фактора являются базовыми, а остальные, в той или иной мере влияющие на ход развития событий, – (смешанными) производными по времени.

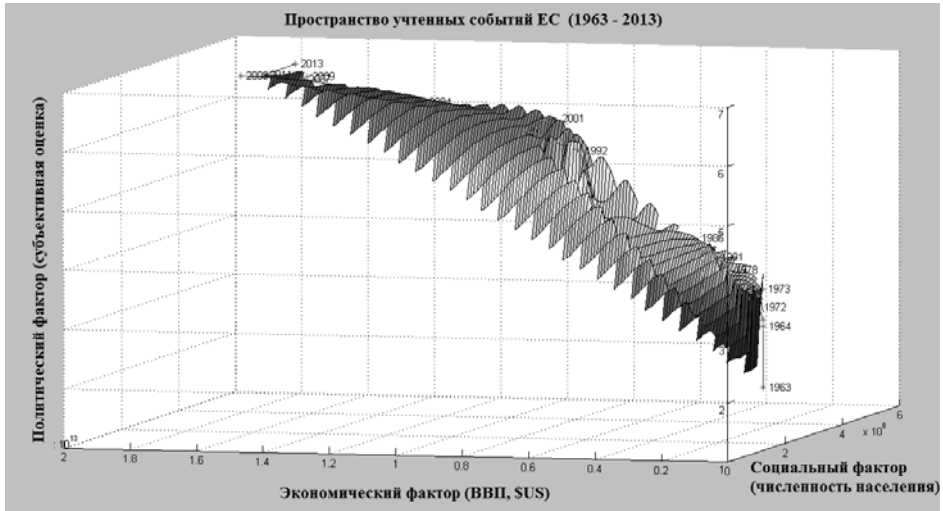

Рис. 7. Пространство учтенных событий интеграционного процесса на территории стран ЕС (в абсолютных показателях)

Источник: Анисимов, Попова [20156].

Проекция траектории развития интеграции в пространстве учтенных событий (рис. 8) подтверждают гиперболический характер данного процесса, о чем говорилось в настоящей статье ранее.

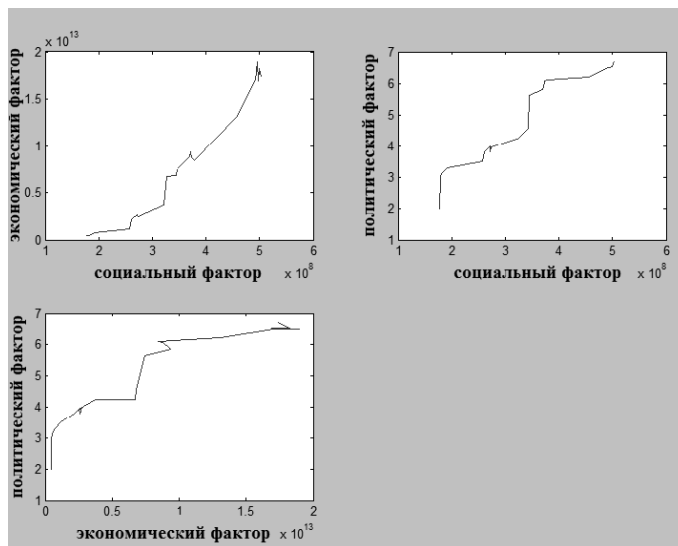
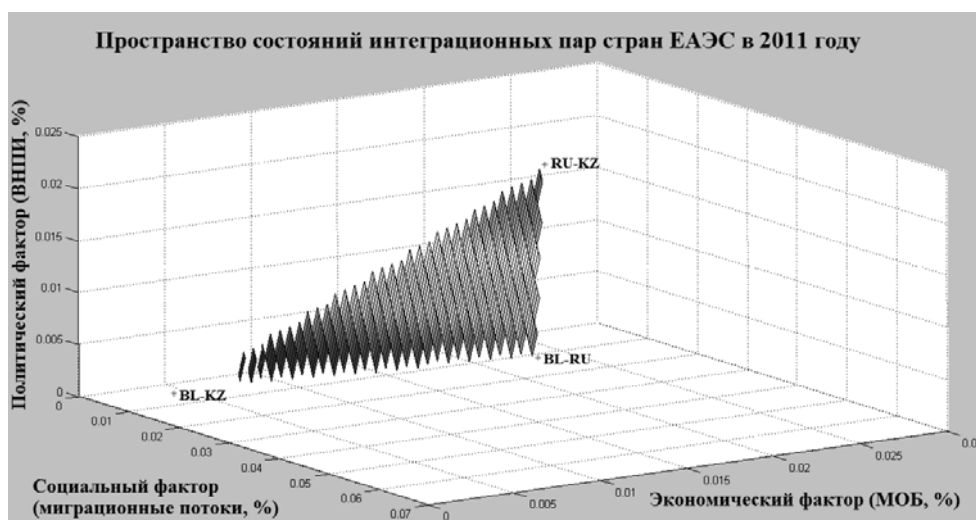

Рис. 8. Проекция поверхности на социальную, экономическую и политическую оси пространства учтенных событий для стран ЕС

Источник: Анисимов, Попова [20156].

Пространство состояний пар стран Белоруссии, Казахстана и России в 2011 г. также базируется на СЭП-базисе, характеризующем социальную, экономическую и политическую составляющие процесса, каждая из которых представлена посредством статистических данных о взаимных миграционных потоках между странами-партнерами, интегрированном межотраслевом балансе стран и накопленных взаимных прямых инвестициях соответственно. Результаты построения пространства состояний интеграционных пар между Белоруссией, Казахстаном и Россией в 2011 г. продемонстрировано на рис. 9.

BL – Беларусь, KZ – Казахстан, RU – Россия

Рис. 9. Пространство состояний взаимодействия пар Белоруссии, Казахстана и России в 2011 г. (в абсолютных показателях)

Примечание. Данная поверхность имеет плоскостной характер в силу малого количества (три точки) данных по результатам наблюдений пространства состояний взаимодействия Белоруссии, Казахстана и России.

Источник: Анисимов, Попова [20156].

В связи с тем, что узкоспециализированные макроэкономические данные по странам ЕАЭС и СНГ труднодоступны, пока не представляется возможным более детальный анализ процессов взаимодействия стран.

Построение СЭП-пространства [Анисимов, Попова, 2014, 2015а, 2015б] учтенных событий для стран СНГ и ЕАЭС было основано на вновь сформированной авторами статьи базе данных (идентичной базе данных для построения пространства учтенных событий ЕС), отражающей социальный характер интеграционных процессов посредством учета статистических данных о количестве населения страны, экономический характер посредством учета данных о ВВП страны и политический характер интеграции посредством включения в анализ информации о количестве и глубине подписанных страной соглашений интеграционного объединения. На рис. 10 и 12 изображены пространства учтенных событий, отражающие ключевые даты интеграционных процессов для стран СНГ и ЕАЭС посредством трансформационных рядов данных. Пред-

ставленные на рис. 11 и 13 проекции развития интеграции стран на социальную, экономическую и политическую оси создают наглядность происходящих процессов, а также подтверждают гиперболический характер развития в пространстве учтенных событий.

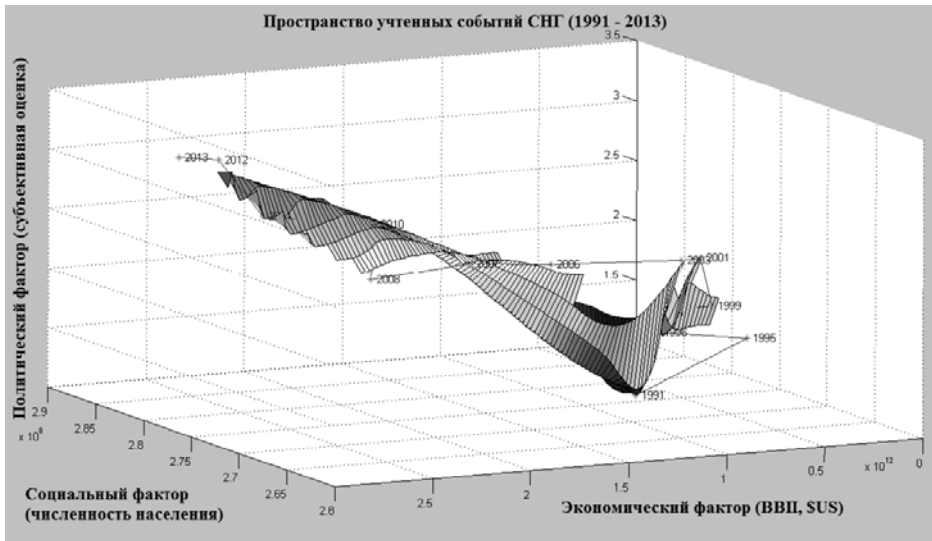

Рис. 10. Пространство учтенных событий интеграционного процесса на территории стран СНГ (абсолютные измерения)

Источник: Анисимов, Попова [20156].

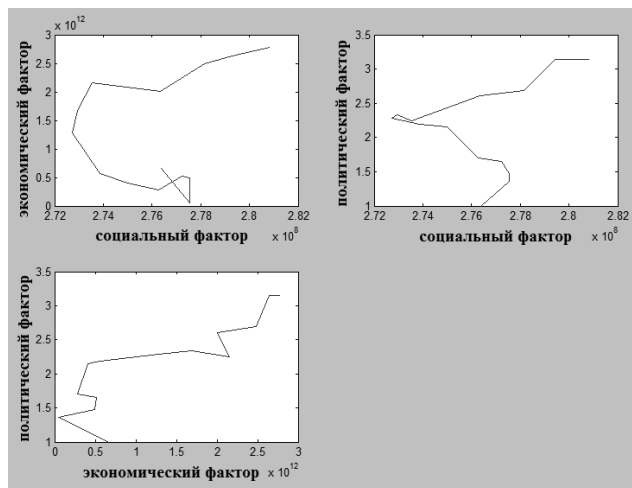

Рис. 11. Проекция поверхности на социальную, экономическую и политическую оси пространства учтенных событий для стран СНГ

Источник: Анисимов, Попова [20156].

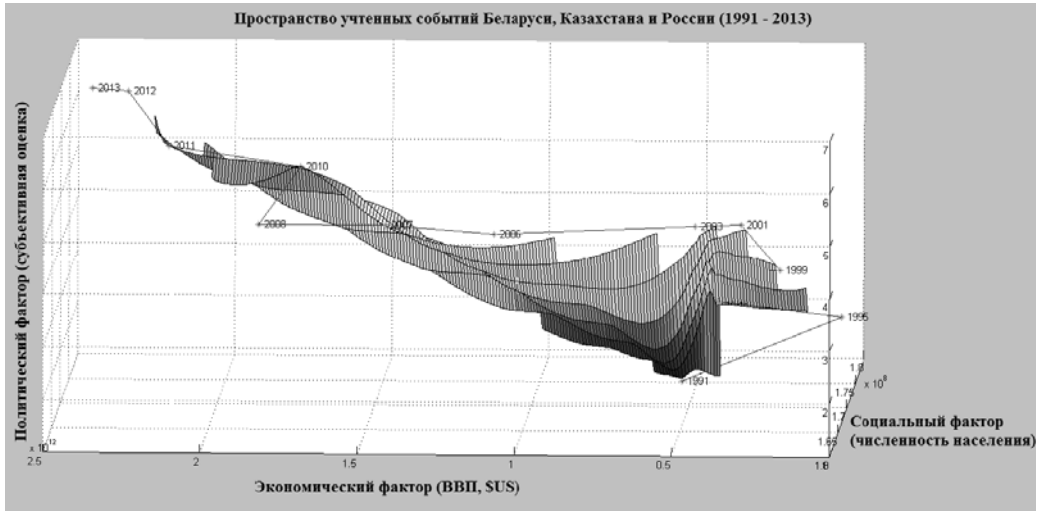

Рис. 12. Пространство учтенных событий интеграционного процесса на территории Беларуси, Казахстана и России (абсолютные измерения)

Источник: Анисимов, Попова [20156].

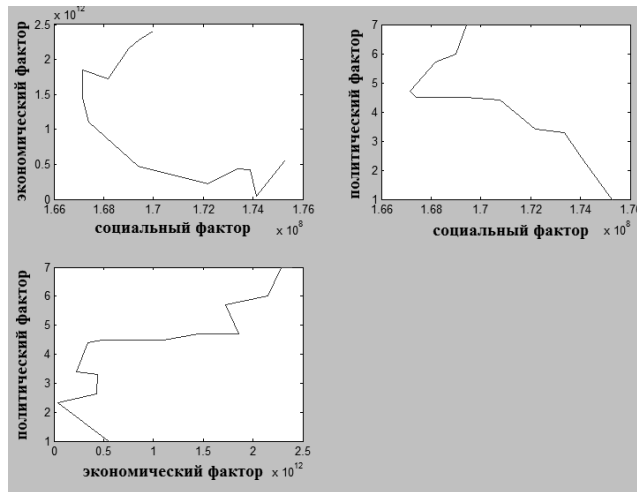

Рис. 13. Проекция поверхности на социальную, экономическую и политическую оси пространства учтенных событий для стран ЕАЭС

Источник: Анисимов, Попова [20156].

Рисунок 14 демонстрирует соотношение пространства учтенных событий интеграции на территории стран ЕС, СНГ и ЕАЭС. Данные графические модели являются трансформационными, поэтому идентичность временных периодов не соблюдена. Однако данная графическая трактовка позволяет наглядно сравнить скорость развития трех интеграционных процессов, а также глубину трансформации мировых субъектов при переходе от одного состояния к другому.

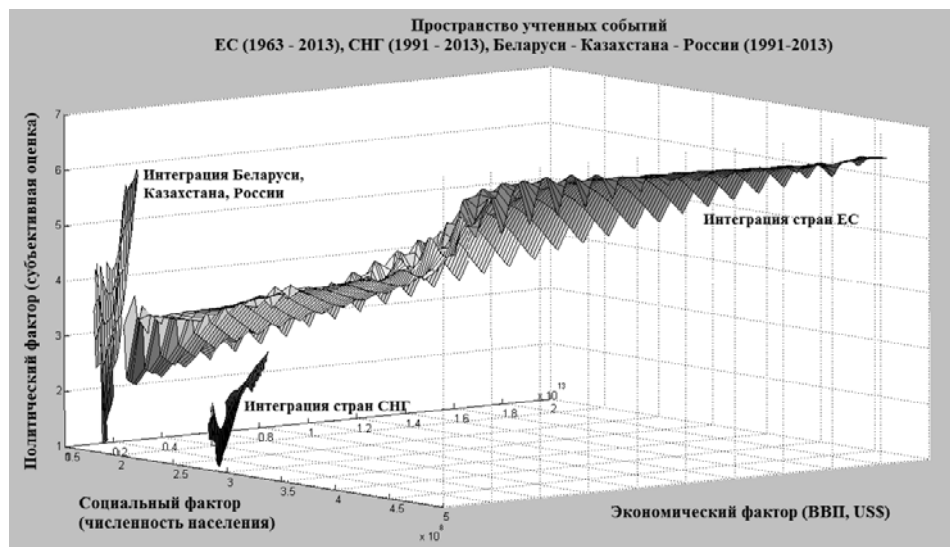

Рис. 14. Пространство учтенных событий интеграционного процесса на территории ЕС, СНГ, Белоруссии – Казахстана – России (абсолютные измерения)

Источник: Анисимов, Попова [20156].

Интересным видится сопоставление СЭП-пространства учтенных событий и СЭП-пространства состояний для стран ЕС, СНГ и ЕАЭС, а также выведение общих свойств процессов. Данные вопросы выходят за рамки настоящего исследования и будут рассмотрены в дальнейшем.

Как отмечалось ранее, данный анализ не дает исчерпывающей информации о характере взаимодействия акторов и является лишь дополнительным методом рассмотрения, который необходимо дорабатывать и совершенствовать. В данной статье, являющейся продолжением ряда публикаций Анисимова и Поповой [Анисимов, Попова, 2014, 2015а, 2015б; Попова, 2015а, 2015б] представлены первоначальные изыскания и практический опыт проведения структурно-топологического анализа.

Заключение

В настоящее время вопрос точного прогноза и планирования развития мирохозяйственных субъектов является особо актуальным в связи с постоянным усложнением системы хозяйствования и жизни человека. Вместе с тем зреет необходимость дополнения и развития парадигмы человеческой сущности так таковой по причине недостаточности и неполноты модели «человека разумного» (человека – рационального потребителя, модели, используемой для описания равновесных переходов состояний хозяйственной системы) как единственного принимающего решения актора мирохозяйственной системы. В данной статье описаны первоначальные положения возможного расширения представления мирового хозяйства, основанного на структурно-топологическом подходе, а также первая опытная реализация данного подхода в применении к анализу взаимодействия стран ЕС и ЕАЭС. Вопрос расширения представления о человеческой сущности в настоящей статье затрагивается в наименьшей степени, так как предмет изучения модели поведения «человека сознательного» (человека-созидателя, модели,

планируемой для описания неравновесных переходов мирохозяйственной системы) выходит за рамки данного исследования, однако, по мнению авторов, представляет собой наибольший интерес в связи с возможностью объяснения «человеческого чутья» [Гринспен, 2015].

Предложенный структурно-топологический подход применим к мирохозяйственной системе, свойствами которой являются фрактальность, многомерность и открытость, формирующие необходимую структурность системы. Данная структурность остается неизменной при непрерывных модификациях, которым подвержено мировое хозяйство в процессе равновесных и неравновесных переходов, тем самым выделяя топологический характер подхода. Авторы настоящей статьи не претендуют на завершенность представленного подхода, но подчеркивают необходимость дальнейших исследований.

Литература

- Автономов В.С. (1998) Модель человека в экономической теории и других социальных науках // Истоки. № 3. С. 24–71.
- Анисимов А., Попова А. (2014) Структурно-топологическая модель интерпретации экономических данных на примере евразийских интеграционных процессов // Евразийская экономическая интеграция. № 4. С. 47–69.
- Анисимов А., Попова А. (2015а) Структурно-топологический подход при исследовании интеграции на евразийском региональном уровне // Евразийская экономическая интеграция. № 1. С. 66–89.
- Анисимов А., Попова А. (2015б) Применение структурно-топологического подхода при исследовании процессов развития мирового хозяйства: на примере интеграции стран Европейского союза и Евразийского экономического союза // Евразийская экономическая интеграция. № 2. С. 69–93.
- Байдаков А.Н., Назаренко А.В. (2012) Фрактальный подход в управлении экономическими системами // Научный журнал КубГАУ. № 83 (09). С. 1–11.
- Гринспен А. (2015) Карта и территория. Риск, человеческая природа и проблемы прогнозирования. М.: Альпина Паблишер.
- Гусейнов А.А. (2009) Общество потребления: «за» и «против» // Зиновьев. № 1 (4). С. 19–21.
- Давитая С.Ж. (2015) Человек Сознательный. СПб.: СИНЭЛ.
- Келигов М.Ю. (2012) Homo Sapiens: преходящий феномен. М.: Академический проект.
- Козлова Г.В. (2006) Парадигма мирового хозяйства и ее исследование // Вестник ТГУ. № 4. С. 534–535.
- Мандельброт Б. (2002) Фрактальная геометрия природы. М.: Институт компьютерных исследований.
- Николаев М.В. (2005) О свойстве самоподобия (фрактальности) экономической системы и его влиянии на ход рыночных преобразований // Журнал экономической теории. № 3. С. 125–136, 151–152, 153–154.
- Попова А.А. (2015а) Структурно-топологический анализ мирохозяйственной системы связей стран Евразийского экономического союза // Экономическая теория и хозяйственная практика: глобальные вызовы: Материалы международной конференции «Эволюция международной торговой системы: проблемы и перспективы – 2015». С. 321–331.
- Попова А.А. (2015б) Применение структурно-топологического анализа в управлении мирохозяйственной деятельностью стран Евразийского экономического союза // Проблемы современной экономики. № 4.
- Словохотов Ю.Л. (2010) Аналогии фазовых переходов в экономике и демографии // Компьютерные исследования и моделирование. № 2. С. 209–218.

Смит А. (1962) Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Социально-экономическая литература.

Цыгичко В.Н. (2009) Прогнозирование социально-экономических процессов. Изд. 3-е. М.: Книжный дом «Либроком».

Шуршев В.Ф., Ганюкова Н.П. (2010) Опережающее управление социально-экономическими системами корпоративного типа // Вестник Астраханского государственного технического университета. Сер. «Управление, вычислительная техника, информатика». № 1. С. 23–27.

A Structural-Topological Analysis of the Relationship between Actors of Multiple Connections: Intercommunication between the European Union and the Eurasian Economic Union

A. Anisimov, A. Popova

Andrey Anisimov – Head of “Stchot Institute”; 32, B. Sampsonievskiy St., 194044, Saint Petersburg, Russian Federation; E-mail: stchot_institute@mail.ru

Antonina Popova – Ph.D. student of the Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Science; 23, Profsoyuznaya St., 117997, Moscow, Russian Federation; E-mail: Popova_A@mail.com

Abstract

More than 100 years ago, the concept of quantization began to go beyond natural and physical sciences. For instance, quantum numbers are used to determine the electron configuration of an atom, the probable location of the atom's electrons and other characteristics of atoms. The main idea of quantization is the application of “double nature” logic to observed processes and phenomena, as well as to their driving forces and structure. Based on this logic, the principle of wave – particle duality was developed in physics and mathematics and provides the basis for quantum mechanics and relativistic theory. This principle applied to analysis and calculations helps to formulate fundamental theories to explain processes and structure using relativistic velocity and, in turn, describe operations of the material world at the macro and micro levels. This article applies the concepts of quantization and representation duality (which is the analysis of the dual nature of facts and events observed at the macro and micro levels) to social, economic and political data to describe the dynamics of actors and processes of the multiple connections of the global system.

The analysis of the current state of world's multiple connections in a macroeconomic context is conducted within approved parameters that characterize the dynamics of various changes that explain events in a two-dimensional manner. Often criticized by experts, these parameters have been supplemented by new ones, which have not yet resolved the flaws in such a study of changes in economic processes. This article describes a theoretical concept of a structural-topological approach based on presenting global multiple connections in the form of two aggregated spaces – the space of events and the space of states – that complement each other to create a single system. The study demonstrates the representation method of the global economy illustrated through a practical analysis of integrational processes in the European Union and the Eurasian Economic Union. The method presented in this article can be used along with existing research methods to understand global fluctuations.

Key words: quantization of economic data, structural-topological approach, multiple global system, planning mechanism, management mechanism

References

Anisimov A., Popova A. (2014) Strukturno-topologicheskaja model' interpretacii jekonomicheskikh dannyh na primere evrazijskikh integracionnyh processov [Structural and topological model of interpretation of economic data on the example of the Eurasian integration processes]. *Evrazijskajaj ekonomicheskaja integracija*, no 4, pp. 47–69. (In Russian.)

Anisimov A., Popova A. (2015a) Strukturno-topologicheskij podhod pri issledovanii integracii na evrazijskom regional'nom urovne [Structural and topological approach in the study of integration at the Eurasian regional level]. *Evrazijskajaj ekonomicheskaja integracija*, no 1, pp. 66–89. (In Russian.)

Anisimov A., Popova A. (2015b) Primenenie strukturno-topologicheskogo podhoda pri issledovanii processov razvitiya mirovogo hozjajstva: na primere integracii stran Evropejskogo sojuza i Evrazijskogo jekonomicheskogo sojuza [Use of structure and topology approach in the study of the processes of world economy development: an example of integration of EU and Eurasian Economic Union countries]. *Evrazijskajaj ekonomicheskaja integracija*, no 2, pp. 69–93. (In Russian.)

- Avtonomov V.S. (1998) Model' cheloveka v jekonomicheskoy teorii i drugih social'nyh naukah [Human Model in Economic Theory and other Social Sciences]. *Istoki*, no 3, pp. 24–71. (In Russian.)
- Bajdakov A.N., Nazarenko A.V. (2012) Fraktal'nyj podhod v upravlenii jekonomicheskimi sistemami [Fractal approach in Economic Systems Management]. *Nauchnyj zhurnal KubGAU*, no 83 (09), pp. 1–11. (In Russian.)
- Cygichko V.N. (2009) *Prognozirovanie social'no-jekonomicheskikh processov* [Predicting of socio-economical processes], vol. 3. M.: Knizhnyjdom "Librokom". (In Russian.)
- Davitaja S.Zh. (2015) *Chelovek Soznatel'nyj* [Homo Consciens]. Izd.: SINJEL. (In Russian.)
- Grinspen A. (2015) *Karta i territorija. Risk, chelovecheskaja priroda i problemy prognozirovanija* [The Map and the Territory Risk, Human Nature, and the Future of Forecasting]. Izd.: Al'pina Publisher. (In Russian.)
- Gusejnov A.A. (2009) Obshhestvo potreblenija: "za" i "protiv" [Consumer Society: pros and cons]. *Zinov'ev*, no 1 (4), pp. 19–21. (In Russian.)
- Keligov M.Ju. (2012) *Homo Sapiens: prehodjashij fenomen* [Homo Sapiens: coming phenomenon]. Izd.: Akademicheskij proekt. (In Russian.)
- Kozlova G.V. (2006) Paradigma mirovogo hozjajstva i ee issledovanie [Paradigm of the world economy and its research]. *Vestnik TGU*, no 4, pp. 534–535. (In Russian.)
- Mandel'brot B. (2002) *Fraktal'naja geometrija prirody* [Fractal geometry of nature]. M.: Institut komp'yuternyh issledovanij]. (In Russian.)
- Nikolaev M.V. (2005) O svojstve samopodobija (fraktal'nosti) jekonomicheskoy sistemy i ego vlijanii na hod rynchnyh preobrazovanij [About the feature of self-similarity (fractality) of economic systems and its impact on the market changes]. *Zhurnal jekonomicheskoy teorii*, no 3, pp. 125–136, 151–152, 153–154. (In Russian.)
- Shurshev V.F., Ganjukova N.P. (2010) Operezhajushhee upravlenie social'no-jekonomicheskimi sistemami korporativnogo tipa. *Vestnik Astrahanskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta. Serija "Upravlenie, vychislitel'naja tehnika, informatika"*, no 1, pp. 23–27. (In Russian.)
- Slovohotov Ju.L. (2010) Analogi fazovyh perehodov v jekonomike i demografii [Analogues of phases transitions in economy and demography]. *Komp'yuternye issledovanija i modelirovanie*, no 2, pp. 209–218. (In Russian.)
- Smit A. (1962) *Issledovanie o prirode i prichinah bogatstva narodov* [The Wealth of Nations]. M.: Social'no-ehkonomicheskaja literatura. (In Russian.)

Обзоры и рецензии

Подъем поворотом

«Поворот на Восток: Развитие Сибири и Дальнего Востока в условиях усиления азиатского вектора внешней политики России» (отв. ред. И.А. Макаров)¹

Данная коллективная монография, хотя и вышла в свет, когда такие политические клише, как «поворот на Восток» и «азиатский вектор» стали чрезвычайно употребительными и даже модными, имеет свою историю и ни в коей мере не является данью сиюминутной конъюнктуре.

Сама по себе эта история интересна, поскольку, с одной стороны, отражает преемственность интеллектуальных исканий отечественной элиты о соотношении азиатского и европейского направления развития России, о путях освоения огромных территорий на Востоке страны, с другой — находится в русле современных глобальных научных споров о смещении центра мирового развития в Азию, споров, в которых геэкономика тесно увязывается с геополитикой. Именно в этих сложных и разнонаправленных процессах в Азиатско-Тихоокеанском регионе, как представляется, в решающей степени определяются контуры будущего мироустройства, и не только в связи со взлетом Китая, но и в связи с развитием Индии, попытками Японии стать «нормальной страной» и освободиться от негативного груза Второй мировой войны, тревожной ситуацией на Корейском полуострове, «перебалансировкой» политики США в регионе, нерешенностью «тайваньского вопроса», острой экономической конкуренцией и цепной реакцией милитаризации в АТР, разъединяющими страны территориальными спорами и мощным рывком региональной интеграции. Успех или неуспех нынешнего российского поворота на Восток как раз и зависит от степени нашей включенности в эти процессы, что прямо связано с их пониманием, точной оценкой и прогнозом развития нового глобального центра силы.

Свой взгляд на историю «азиатского вектора» российского развития предлагает в предисловии к монографии декан факультета мировой экономики и политики НИУ ВШЭ С.А. Караганов. По его мнению, поворот России к Азии имеет трудную интеллектуальную историю. С этим трудно спорить. Европейская духовно-культурная ориентация долгие годы довлела в общественном дискурсе, между тем вряд ли можно полностью принять тезис автора о том, что часть вины лежит на отечественном востоковедении, которое и должно выступать главной экспертно-аналитической базой поворота, а вместо этого, как считает профессор С.А. Караганов, было сосредоточено преимущественно на культуре, языках и цивилизации. На самом деле исследователей китайских экономических реформ, практики южнокорейских частных конгломератов «чеболей» или новаций внешней политики Японии было также достаточно. О растущем значении АТР российскими учеными написаны сотни статей и десятки монографий. Однако были ли услышаны голоса их авторов? Правда, профессор С.А. Караганов прав в другом своем тезисе — в том, что главные причины затягивания поворота на Восток

¹ Поворот на Восток: Развитие Сибири и Дальнего Востока в условиях усиления азиатского вектора внешней политики России / отв. ред. И.А. Макаров. М.: Международные отношения, 2016.

носили не интеллектуальный, а политический характер. Именно поэтому «восточники» и вообще любые сторонники более разумного геополитического баланса очень часто находились в меньшинстве. Западноцентричные подходы брали верх в элите, и, как верно отмечает С.А. Караганов, здесь есть глубокие исторические корни – петровская, екатерининская и последующие модернизации опирались в первую очередь на европейский опыт, европейским был и «золотой век» в развитии русской истории – XIX.

Поиски ответа на вопрос «кто виноват?» лишь на первый взгляд имеют отвлекающий и необязательный характер, в действительности от них зависит точка отсчета, и в конечном итоге ответ на другой извечный русский вопрос: «что делать?».

Прежде чем рассуждать о путях интеграции России в Азию, стоит выяснить, с каким багажом представлений о себе и своей роли в регионе отправляется страна в этот путь. И какими представлениями о самом регионе руководствуются российская власть, бизнес и интеллектуальная элита. Ясно, что предвзятость взгляда – не лучший компас. Если говорить об отражении Азии в российском зеркале, чрезвычайно важным представляется вывод С.А. Караганова о негативной роли сторонников «азиатчины» и новых «евразийцев», с которыми, по сути, смыкаются и адепты коммунистической идеи, призывающие к равнению на китайскую модель.

В основе затуманивающих ситуацию рассуждений, которые и сейчас присутствуют в полемике по вопросам поворота, часто лежат идеи полного неприятия Запада, прогресса и модернизации, ситуация же в Азии (для теоретиков этого круга Азия ограничивается в основном Китаем) видится исключительно в розовом цвете. Думается, что представители данного направления наносят наибольший ущерб азиатской политике России, поскольку тянут страну не в реальную, а в вымышленную Азию, ограничивают возможное сближение России с азиатскими государствами жесткими идеологическими (читай – антизападными) рамками. Учитывая достаточно зыбкие и прожектерские основания данного сценария поворота, он несет наибольшие разочарования, которые «сценаристы» склонны приписывать козням либералов и Запада. Идеологизация поворота вымывает его сущностное содержание, экономическую и гуманитарную конкретику, придавая в целом этому направлению декларативный характер.

Между тем нет ничего более антипатриотичного и ущербного, чем вот это стремление стать «успешной Азией», не ударив палец о палец и молясь лишь на бескорыстную помощь азиатских друзей вплоть до потери собственной идентичности и субъектности. Перефразируя М.В. Ломоносова, российское могущество в представлении сторонников «идеологического поворота» будет прирастать Китаем, а вовсе не Сибирью и Северным Океаном. За скобками остается и окончание фразы русского мыслителя о том, что российское могущество «достигнет до главных поселений европейских в Азии и в Америке», т.е. полностью игнорируется глобальное измерение поворота.

Порой больше внимания уделяется «загадкам Востока», а не тому, как реально действует азиатский бизнес, давно играющий не по трактатам Сунь-Цзы, а по глобальным правилам. Чайные мастера тоже могут этому научить, но если в их послужном списке есть пара-тройка успешных многомиллионных сделок. Возврат дискуссии об азиатском векторе с достаточно абстрактных культурно-цивилизационных высот на «приземленный» экономический уровень крайне важен, и стремление авторов последовательно подчеркивать, что экономический поворот не равен цивилизационному, можно только приветствовать. Важно и высказанное ответственным редактором монографии, к.э.н. И.А. Макаровым положение, что поворот не является реакцией на кризис в отношениях России с Западом, а имеет объективный характер.

Этот тезис раскрывается в первой части монографии, которая посвящена внутренней ситуации в АТР, и в первую очередь – трансформации модели социально-экономического развития стран региона. Авторы стараются сделать свой анализ максимально актуальным, например, рассматривая новые явления в ведущей экономике Азии – китайской. При этом упоминается структурная реформа, объявленная после прихода к власти пятого поколения руководителей КНР во главе с Си Цзиньпином. Суть этой реформы, по оценке авторов, состоит в переориентации на расширение внутреннего спроса и приоритетном развитии новых отраслей (к ним относятся модернизированная обрабатывающая промышленность и сфера услуг). Возможно, стоило бы уделить большее внимание постановлению «О некоторых важных вопросах всестороннего углубления реформ», принятому по итогам 3-го пленума ЦК КПК 18-го созыва (ноябрь 2013 г.), подробнее проанализировав этот основополагающий для понимания характера нового этапа китайских реформ документ. В целом стоит отметить, что в качестве источников на иностранных языках в монографии используется исключительно англоязычная литература, часто изданная на Западе. Хотя авторы использовали некоторые исследования китайских авторов, работа только бы выиграла, если бы официальная позиция и позиция экспертного сообщества КНР были бы представлены шире. При рассмотрении проблем китайской экономики авторы не рассматривают такие важные темы, как реформа госпредприятий с приданием им рыночного статуса, пути решения проблемы плохих долгов, стимулирование притока частного капитала в госпроекты, меры по упрощению доступа на рынок (в том числе и для иностранных инвесторов) и т.д., посчитав, видимо, их частью внутренней китайской повестки, не оказывающей серьезного воздействия на российско-китайское сотрудничество. Однако рассмотрение этого круга вопросов, на наш взгляд, позволило бы более предметно судить о возможностях и рисках, возникающих для стран региона на нынешнем переломном для экономики КНР этапе.

Ключевой вывод авторов при анализе развития региональной экономики заключается в том, что в настоящее время в АТР наблюдается переход от ориентации на экспорт продукции в развитые страны к выстраиванию внутрирегиональных цепочек добавленной стоимости (модель «Азия для Азии»). Закрепление этой новой парадигмы проявляется и в интеграционных процессах. В первой части монографии подробно рассмотрены три общерегиональных интеграционных формата: форум АТЭС, Транстихоокеанское партнерство (ТТП) и Региональное всеобъемлющее экономическое партнерство (РВЭП). Автор главы, посвященной интеграционным объединениям, д.и.н. Е.А. Канаев, не разделяет пессимизма, связанного с исключением России и Китая из проекта ТТП. По его оценкам, подписание ТТП приведет к дальнейшей поляризации процессов экономического регионализма, возможна также пробуксовка и в реализации проектов в рамках АСЕАН, прежде всего РВЭП. Тем не менее Е.А. Канаев считает, что создание ТТП станет стимулом для наращивания сотрудничества на других диалоговых площадках, в том числе ответом на создание ТТП может стать усиление российско-китайского сотрудничества.

Авторы рецензируемой работы не ограничиваются рассмотрением проблем экономической трансформации, но и предлагают анализ новой конфигурации региональной безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе. В главе, посвященной этому вопросу (авторы Е.А. Канаев и А.С. Пятачкова), справедливо отмечается, что в регионе происходит усиление конфликтности, которое не сопровождается адекватным развитием механизмов решения проблем региона. Правда, авторы, похоже, не видят никаких иных путей для укрепления региональной безопасности, кроме работы на

двустороннем уровне или в узких форматах. Перечисляя ключевые угрозы стабильности в АТР – ядерную проблему КНДР, территориальные споры в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях, проблему пиратства, авторы последовательно отмечают неэффективность многосторонних механизмов. Ни один из форматов (Региональный форум АСЕАН, Совещания министров обороны АСЕАН +8 и Восточноазиатский саммит), по их оценке, не смог снизить угрозы региональной безопасности и не способствовал гармонизации отношений между крупнейшими державами АТР: Китаем, США и Японией.

Авторы справедливо отмечают, что Россия, добивавшаяся с 2005 г. участия в ВАС, все последние годы не была представлена на форуме на уровне президента. Обычно критическое отношение России к Восточно-Азиатскому саммиту объясняется несбалансированностью интересов основных акторов, а также соперничеством КНР и США, но тогда не очень понятно, возможна ли самостоятельная роль РФ на поле безопасности АТР, где действуют абсолютно те же факторы.

В главе «Запрос на Россию в странах АТР» утверждается, что такая роль возможна. При этом выводы о растущем стремлении стран региона к сбалансированности и консолидации в некоторой мере противоречат тезисам тех же авторов о кризисе многосторонних институтов, которые обосновывались несколькими страницами ранее. В одном месте говорится о том, что АСЕАН пока не в состоянии предложить консолидирующую повестку, в другом отмечаются элементы сбалансированности в политике АСЕАН. Возможно, что здесь имеется в виду сочетание разнонаправленных тенденций, которые до сих пор мешают создать общерегиональную систему коллективной безопасности. Если конечный запрос на Россию состоит именно в создании такой системы по примеру Европы, то вряд ли Москва готова и желает возглавить этот процесс, в то же время ко-спонсорство с Китаем может привести лишь к дополнительным сложностям из-за известных конфликтов Пекина со странами региона. По понятным причинам в нынешних условиях невозможно и конструктивное сотрудничество с Соединенными Штатами. Самостоятельная роль России во всех обозначенных авторами проблемных с точки зрения безопасности сферах имеет свои ограничители. Скажем, Москва не может эффективно способствовать урегулированию ситуации в Южно-Китайском море из-за того, что ей желательно занимать равноудаленную позицию от Вьетнама и Пекина. Излишне оптимистической является рекомендация авторов о том, что Россия может снизить остроту проблемы «свободы судоходства» в ЮКМ, предложив альтернативу в виде Северного морского пути или сухопутных евразийских коридоров. В любом случае дилемму Малаккского пролива, через который сейчас проходит 82% морских поставок нефти и 30% природного газа для китайского рынка, оба эти проекта не решат. Гораздо более реальными являются возможности России в сфере продовольственной и энергетической безопасности, о чем также говорится в этой главе.

Более подробно экономическая сторона российского присутствия в регионе рассматривается в главе «Современное состояние двустороннего сотрудничества России со странами АТР» (авторы И.А. Макаров, Е.А. Канаев, А.С. Пятачкова, А.С. Пестич). Предлагая общий обзор торгово-инвестиционного сотрудничества РФ со странами региона, авторы отмечают, что даже в отношении Китая динамика экономических показателей не свидетельствует о значительном сближении с этой страной, не говоря о регионе в целом. Особенно это касается инвестиционного сотрудничества, которое пока не соответствует масштабам экономик.

Детально тенденции развития сотрудничества проанализированы в параграфах, посвященным отдельным странам (рассмотрены торгово-экономические связи России

с Китаем, Японией, Республикой Корея, КНДР, странами Юго-Восточной Азии и Индией). Наиболее подробно рассматривается российско-китайское сотрудничество, при этом не замалчиваются проблемы. В частности, авторы отмечают, что даже в случае заключения полноценных контрактов китайская сторона считает возможным менять условия игры, существуют также риски замедления китайской инвестиционной деятельности в связи с идущей в Китае антикоррупционной кампанией. В некоторых страновых обзорах, правда, не хватает актуальной информации. В частности, в параграфе о сотрудничестве с Индией было бы полезно учесть влияние экономической политики правительства Н. Моди на российско-индийское сотрудничество, например, рассмотреть роль программы новой индустриализации «Делай в Индии» (“Make in India”).

Интересной и содержательно насыщенной оказалась глава, посвященная сотрудничеству в Центральной Евразии (автор Т.В. Бордачев). Поскольку в связи с проектом ЕАЭС и его сопряжением с китайской инициативой Экономического пояса Шелкового пути эта тема находится в центре экспертных дискуссий, здесь наиболее важно было дать не описательную картину (чем страдает ряд других разделов монографии), а более развернутый анализ с конкретными предложениями. Глава частично подготовлена на основе доклада «К Великому океану – 3» и в сжатом виде воспроизводит наиболее яркие рекомендации этого документа. Ясно, что содержательная часть российской политики в Евразии со временем будет уточняться, с момента издания монографии был подготовлен новый доклад «К Великому океану – 4». Тем не менее концептуальные подходы, изложенные в рецензируемой монографии, сохраняются: они состоят в идее стратегии совместного развития Центральной Евразии, которую Россия намерена реализовать с региональными партнерами, в первую очередь с Китаем.

Две части монографии посвящены развитию Сибири и Дальнего Востока России как одной из центральных идей «поворота в Азию». Смысл усиления «азиатского вектора» во многом и состоит в использовании возможностей азиатских партнеров России для социально-экономического подъема обширных российских территорий на Востоке страны. В то же время, как отмечают авторы, Сибирь и Дальний Восток могут выступить локомотивами российского экономико-политического развития. Соединение экономики и политики для авторов принципиально – новая парадигма развития возможна лишь при отказе от ряда прежних политических догм, многие из которых долгие годы мешали полноценной интеграции Сибири и Дальнего Востока в АТР. Прежде всего, подчеркивается при описании основных элементов новой стратегии, необходимо перестать рассматривать восточные регионы с преимущественно оборонных позиций, т.е. как тыл в противостоянии с Западом или «подушку безопасности» от азиатской или американской угрозы.

В монографии подробно описываются ключевые элементы развития Сибири и Дальнего Востока: меры по улучшению транспортной инфраструктуры, сотрудничество России и стран АТР в энергетическом секторе, роль российских регионов как гаранта водной и продовольственной безопасности в АТР. В отдельной главе представлен короткий обзор ключевых инфраструктурных проектов, которые будут формировать логистическую карту Азии в ближайшей перспективе. По мнению авторов, включение дальневосточного и сибирских регионов России в реализацию этих проектов является одной из приоритетных задач.

Последняя, довольно обширная часть книги посвящена российской Арктике. Столь подробное обсуждение арктических вызовов и возможностей авторы мотивируют тем, что для этого стратегически важного региона пока еще не подобрана соответствующая модель развития. В монографии будущее российской Арктики рассматри-

вается в контексте широкого международного сотрудничества – в добыче природных ресурсов, развитии транспортных коридоров, защите экологии и научных исследований. Перспективы сотрудничества в Арктике во многом зависят от развития Северного морского пути (СМП), в связи с этим в отдельной главе оценивается экономическая эффективность СМП в сравнении с другими морскими маршрутами. По мнению авторов, настоящей альтернативой маршрутам через Малаккский пролив и Суэцкий канал Северный морской путь не станет, однако по мере развития инфраструктуры этот маршрут может занять определенную нишу в балкерных перевозках из Азии в Европу и обратно.

В целом рецензируемую работу можно считать важным вкладом в обсуждение путей интеграции России в АТР. Авторы монографии, над которой коллектив ученых из Высшей школы экономики работал шесть лет, стараются быть в стороне от идеологических дискуссий, они не дают ответы абсолютно на все вопросы, связанные с политикой российского «поворота на Восток». Однако, рассматривая возможности развития Сибири и Дальнего Востока в контексте подъема Азии, авторы исходят из трех важнейших методологических положений, которые, на наш взгляд, дают реальное понимание азиатского вектора. В предисловии ответственного редактора, к.э.н. И.А. Макарова они обозначены следующим образом. Во-первых, в монографии рассматриваются как внешнее, так и внутреннее измерение поворота. Во-вторых, авторы внимательно анализируют реальную ситуацию на азиатских рынках, т.е. исходят из запроса на Россию в странах Азии, а не из российских амбиций. В-третьих, исследование задумано как междисциплинарное – к нему были привлечены экономисты, специалисты по международным отношениям, востоковеды, историки и географы. На наш взгляд, в этом списке явно не хватает юристов. Роль экспертов по экономическому законодательству азиатских стран сегодня серьезно недооценивается, при этом преувеличивается значимость всяких эзотерических знаний, вроде чайных церемоний или мистики китайских символов. В реальной жизни неудачи российских бизнесменов в Азии связаны не с тем, что они передавали визитку одной рукой, а чаще всего с невниманием к арбитражной оговорке или незнанием того, как строится договорно-правовая практика китайских компаний. По мере дальнейшей реализации концепции «поворота на Восток» будут выявляться новые проблемы и «узкие места». Дискуссия об азиатском векторе российской политики, безусловно, будет продолжена, и роль подобных междисциплинарных исследований, основанных на тщательно подобранном актуальном материале, будет только возрастать.

И.Е. Денисов,

старший научный сотрудник Центра исследований Восточной Азии и ШОС Института международных исследований МГИМО МИД России;
E-mail: iedenisov@mail.ru

К сведению авторов

Редакция журнала «Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика» НИУ ВШЭ приглашает к сотрудничеству авторов.

Наше издание открыто для экспертных организаций и исследовательских институтов, в том числе вузов, занимающихся изучением вопросов деятельности международных институтов; развития образования, науки и инноваций в национальном и международном контексте. В числе наших авторов мы будем рады видеть ученых и экспертов в сфере международных отношений и глобального управления; содействия развитию; международного сотрудничества по различным сферам социально-экономической политики. Мы приглашаем к сотрудничеству исследователей и экспертов зарубежных университетов, экспертных институтов и международных организаций и рады возможности познакомить российского читателя с результатами оригинальных исследований зарубежных авторов. Журнал принимает для рассмотрения результаты исследований и публикации учащихся аспирантур российских университетов, вузов стран СНГ, университетов дальнего зарубежья. Аудитория журнала в настоящее время представлена руководителями и специалистами научно-исследовательских организаций, федеральных министерств и ведомств, экспертным и академическим сообществом России, стран СНГ, дальнего зарубежья.

Мы будем рады видеть вас среди наших авторов!

Обращаем внимание:

- Все материалы публикуются бесплатно. Основными требованиями к материалу является его соответствие тематике издания, научность и соблюдение требований к оформлению рукописей.
- Требования к оформлению рукописей сформированы на основании текущих российских требований и **требований международной библиометрической базы Scopus** к оформлению научных публикаций.
- Российские требования и требования международной библиометрической базы Scopus к рукописям размещены на странице журнала по адресу <http://iorj.hse.ru/authors>. **Несоответствие рукописей всем требованиям является одним из оснований для отказа в публикации статьи в журнале.**
- Перед публикацией все присланные материалы проходят процедуру анонимного рецензирования.
- На основании полученного экспертного заключения материалы публикуются, возвращаются авторам на доработку или не допускаются к изданию. Редакция своевременно уведомляет автора в случае отказа в публикации.
- С авторами опубликованных материалов заключается **лицензионный договор**, согласно которому изданию передаются неисключительные права на публикацию материала.
- Все рукописи передаются в редакцию журнала по электронной почте по адресу iorj@hse.ru.

*С уважением,
редакция журнала «Вестник международных организаций»*

Уважаемые читатели!

Редакция журнала «Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика» Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» информирует о продолжении своей работы по изданию научного периодического журнала в 2016 г.

Доводим до вашего сведения, что в 2016 г. запланирован выпуск четырех номеров журнала.

Обращаем ваше внимание, что «Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика» распространяется по России и другим странам СНГ через каталог Агентства «РОСПЕЧАТЬ». Оформить подписку можно в любом отделении почтовой связи. **Подписной индекс издания 20054.**

По всем вопросам Вы можете обращаться в редакцию журнала «Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика» по телефону +7(495) 772-95-90 доб. 23147 или по адресу ioj@hse.ru

*С уважением,
редакция журнала «Вестник международных организаций»*

Подписано в печать 21.06.2016. Формат 60x88 1/8. Печать офсетная.
Бумага офсетная № 1. Уч.-изд. 15,7. Тираж 500 экз. Заказ .

Адрес редакции

Россия, 115054, Москва, Малая Пионерская, д. 12, оф. 557
Телефоны: +7 (495) 772-95-90 *23147 и *23149
E-mail: iori@hse.ru; iorj@hse.ru; <http://www.iori.hse.ru>

Адрес издателя и распространителя

Фактический: 115230, Москва, Варшавское шоссе, д. 44а, оф. 405а
Издательский дом Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Почтовый: 101000 Москва, ул. Мясницкая, д. 20
Телефон/факс: (499) 611-15-08
E-mail: id.hse@mail.ru